

ПОЛЗЛА
ПО НЕБУ
ЧЕРЕПАХА

ИРИНА БЕРСЕНЁВА

Ирина Берсенёва

Ползла по небу черепаха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67808780

SelfPub; 2023

Аннотация

Одна ошибка – и жизнь закончена. Принятие сложного решения не всегда является верным только потому, что ты счастлив. Семья усыновляет новорождённого мальчика. Они сразу полюбили его и счастливы, мечтая воспитать из него прекрасного человека. В какой-то момент жена принимает самостоятельно важное решение. Она знает, что у ребёнка есть родные сестра и брат. Ей хочется сохранить родственные узы своего сына. Она находит семью, которая отказалась от ребёнка, и предлагает общаться ради детей. Согласие получено. Но с принятием важного решения в одиночку женщина осознаёт, что в счастливой жизни появились трещины. А через несколько лет происходит несчастный случай. Мальчик выпадает из окна пятого этажа. Мама ушла в магазин, оставив своего ребёнка с теми, которые когда-то были его семьёй.

Содержание

Часть 1	5
2	20
3	31
4	43
5	56
6	68
7	82
8	94
9	103
10	125
11	136
12	147
13	161
14	173
15	188
16	208
Часть 2	217
2	234
3	250
4	270
5	285
6	299
7	313

8	337
9	351
Часть 3	362
2	380
3	393

Ирина Берсенёва

Ползла по небу черепаха

Часть 1

1

Кристина уже три месяца находилась в больнице. Улучшения были, но лечащий врач не уставал повторять, что психиатрическое отделение для взрослых – не место для несовершеннолетней девочки. Его слова становились все холодней и раздраженней. Он настаивал, что Кристину необходимо наблюдать у детского психолога. Пользы будет больше. Но, чтобы записаться на прием к детскому психологу, надо было ехать в Нижний Новгород, а это час езды на машине, а на автобусе – все два, потому что он останавливается у каждого столба. Машины в семье не было, а она в этом случае являлась необходимостью. А также нужны были деньги и основания.

Основания особенно важны. И о них хотелось забыть раз и навсегда. Как только всплывали основания, Наташа начинала строить планы побега. Мечты накрывали ее с головой, она погружалась в них, пытаясь спрятаться от того кошмара, в котором оказалась их семья. Когда выпишут Кристину, На-

Наташа обязательно соберет вещи и уедет жить в Ригу. Ей всегда нравился этот город, хотя она там ни разу не была. Видела фотографии в рекламных роликах и прекрасные атмосферные видео прогулок по старым улочкам и обзоров разных ресторанов и кафе. Это вдохновляло, обещая надежду на лучшее. Она мечтала, как станет заходить в кафе и завтракать по утрам. Устроится на работу официанткой или кассиром в магазине, а может, почтальоном или оператором сотовой связи. Хотелось стать другой, беззаботной и счастливой. Забыть свою личность, измениться. Уже несколько лет проблемы множились и нарастали как снежный ком. Разобраться в них Наташа не могла. Старалась внушить себе, что и не должна в них разбираться. Пусть это делает мама или папа. Хотя с папой стало сложно, он определенно стремился к новой жизни, стал совершенно чужим, незнакомым. Отрастил бороду, перестал улыбаться, а в глазах появился суровый антарктический лед. А ведь еще тринадцать лет назад, когда Наташа училась в школе, в семье было благополучно и счастливо. Отец брал ее на рыбалку и учил ездить на тракторе. Наташа читала ему вслух стихи Есенина и готовила горячий чай из мяты и листьев смородины. Они с мамой сажали в саду цветы, ухаживали за яблонями и грушами, разводили кур и пололи овощи в огороде. А дома всегда пахло мятой и ванилью. Мама по выходным пекла сладкие пироги, а Наташа с сестрой готовила обед и мыла полы. Тогда было счастье, которое никто из них не замечал. Теперь все изменилось.

Наташа испытала сильные впечатления, неожиданно погружившись в воспоминания о том, когда в ее жизни все было по-другому. Жизнь в деревне казалась приятной, но скучной. Хотелось атмосферы большого города и приключений. Показать и испытать себя. После школы она собиралась поступить в ВУЗ и стать архитектором. Мечтала устроиться на судостроительное предприятие и проектировать танкеры и сухогрузы. В этом виделся смысл, сердце наполнялось радостью, романтикой. Она научилась идеально точить простые карандаши. Покупала большие блокноты с толстыми белыми листами, линейки, треугольники, лекала. Складывала все это богатство в письменный стол и трепетно вздыхала от предвкушения в скором времени начать учиться.

Ничего не получилось. Мечты не перешли порог воплощения в реальность. Наташа даже не подала документы в ВУЗ, который давно выбрала. Это был самый ужасный и трагический момент, который расколол ее душу. Да, в то время это выглядело трагедией. У Наташи до сих пор стоял перед глазами конверт с копиями документов, которые она так и не отправила. У родителей не было денег. Они не смогли бы выучить младшую дочку, потому что все свои накопления вложили в городскую квартиру, в которой поселилась Наташа. Тогда это казалось правильно. Лучше иметь собственное жилье, чем диплом архитектора, который неизвестно пригодится или нет. Мало ли молодых людей с высшим образованием работают в «Пятерочке», «Спортмастере» или «Крас-

ном Белом». Рисковать не стоило. В то время уже произошел раскол их солнечного благополучия. Мама стала испуганной и нервной, решительно изменив мнение не в пользу высшего образования. Папа не собирался вмешиваться. Он был подавлен и погружен в свои мысли. Поддержки ждать неоткуда. Обстановка в доме расстраивала, причиняя неприятные хлопоты. Но тогда еще никто из них не понимал, в каком тупике скоро они окажутся.

Наташа устроилась работать в туристическую фирму, но ее совершенно не влекла эта деятельность. Добровольное самоотречение от мечты стать архитектором причиняло боль, разочаровывало. Но работа приносила деньги, а значит, можно было претендовать на независимость и свободу. Странное время, когда Наташа чувствовала себя бесполезной. Ей не нравились маленькое душное помещение, лакированный стол, гудящий компьютер и окно, которое нельзя было открывать. Не нравилось, что необходимо ярко краситься, делать маникюр и высоко зачесывать волосы. Не нравилось, что зарплата слишком мала по сравнению с теми, кто приходил заказывать туры. Вспыхивала черная зависть к тем, кто мог себе позволить путевку на море, или в Париж, или в Индию. Она ненавидела эти томные взгляды, улыбки от предвкушения, тягучие слова, из которых складывались глупые вопросы. А какая сейчас температура в море? Не ожидается ли дожди? А где можно купить качественные, но недорогие вещи в Париже? А на каком языке разговаривают в Индии?

Наташа улыбалась, готовая заскрежетать зубами от ярости. Что-то отвечала, понимая, что эти ответы никому не нужны. Вопросы главнее ответов. Протест виделся во всем. Раздражение кипело внутри, как лава вулкана. Перед глазами мелькали лица придирчивых учительниц, которые постоянно вывозили своих сопливых, наглых, диких детей на экскурсии. От Наташи они требовали отчет обо всех мелочах, даже интересовались маркой чайных пакетиков, предоставленных в автобусе. Она улыбалась, но тихо раздражалась и ненавидела. Ей не нравилось работать с семейными парами чуть за сорок, которые пытались выбрать отпускной тур. Выгадывали каждую копейку, придирались, торговались, даже повышали голос. Она улыбалась. В ее профессию входило улыбаться.

Сейчас все изменилось. Из-за болезни Кристины с работы пришлось уйти. Слишком много косых взглядов. Даже приезжали журналисты из Нижнего Новгорода, пытались поговорить со всеми, кого встречали на улице. Будто кто-то что-то знал!

Сегодня прекрасный майский день. Наташа приехала в больницу на автобусе, чтобы в очередной раз поговорить с врачом, обсуждая ситуацию с девочкой. У нее уже раскалывалась голова, потому что она ненавидела эти встречи и бесконечные разговоры. Ненавидела, что приходилось улыбаться, изворачиваться и лгать.

С дороги нельзя увидеть одноэтажное здание психиатрической больницы. Оно полностью утопает в кустах сирени

и дикого шиповника. Подъехать в эту сторону непросто, надо знать, в какой поворот свернуть, а затем километр проехать по узкой разбитой дороге, где куски асфальта смешались с грязью и сорняками. Только теперь возможно разглядеть старое длинное здание, построенное в пятидесятых годах прошлого века. Случайный человек может подумать, что этот старый, развалившийся барак совершенно брошенный. Место, где чувствуешь себя жутко, потому что ощущаешь, что ты тут не один, но при этом не видишь никого. Двери наглухо закрыты, маленькие грязные окна зарешечены. Парковки нет, но где-то в стороне притаилась старенькая «Лада» доктора Величутина, единственного психиатра в этом городе. Местные не ходят в эту сторону. Сразу за больницей окончательно обрываются все следы цивилизации. Интернета нет, плохая мобильная связь, рядом помойка, овраг и колючие кусты.

Но Наташе приходится идти от остановки пешком. Она не спешит, глубоко вдыхая свежий весенний воздух. Походы сюда стали пыткой. Еще немного – и она не выдержит, сломается и заплачет, умоляя, чтобы ее оставили в покое. Уж лучше бы мама отложила свои дела и приехала сюда вместе с ней. Все-таки она опекун Кристины.

Наташу пропустили внутрь как старую знакомую. Медсестра даже поинтересовалась, как идут дела, готовится ли Витя, младший брат Кристины, пойти в первый класс на следующий год. Наташа отвечала, улыбалась, но в желудке на-

чал накапливаться страх. Так случалось всегда перед встречей с доктором.

В кабинете было тепло, пахло прогнившими досками и кофе. От этого запаха ее всегда немного отпускало. В этом виделся уют, и хотелось глубоко, радостно вздохнуть, засмеяться, сделать милую глупость. Как будто она нашаливший ребенок, желающий приласкаться, чтобы только не ругали. Но эти эмоции непозволительны.

Поздоровавшись, Наташа привычно опустилась на жесткий старый диван, молча взяла предложенную чашку кофе и поставила ее на край старого письменного стола, за которым сидел доктор. Сколько ему лет? Наташа много раз задавала себе этот вопрос. Он выглядел очень молодо, но при этом его волосы были совершенно седые. Строгие карие глаза смотрели внимательно, губы улыбались. И как он может улыбаться одними губами, не затрагивая глаз? Одна половина лица доброжелательна, но другая осторожна, внимательна и даже враждебна. А Наташе очень хотелось заслужить доверие и симпатию доктора. Она готова даже была назначить ему свидание, переспать, лишь бы только не осуждал, не смотрел колючим взглядом, от которого ее начинало тошнить от страха.

– Добрый день, Наталья Николаевна!

– Здравствуйте.

– Сегодня прекрасная весенняя погода!

– Да, действительно прекрасная!

– Вчера у Кристины был день рождения. Ей исполнилось

восемь лет.

Наташа кивнула, потянулась к своей сумке и достала из нее книгу «Мисс Черити», завернутую в прозрачную упаковочную бумагу. Она положила подарок на край стола, и Величутин благосклонно кивнул. Хорошо, что подарок был принесен. Большой плюс в пользу Наташи. И книга выбрана идеально. Кристина только в больнице пристрастилась к чтению. Но Наташа успешно делала вид, что всегда хотела покупать девочке интересные книги, надеясь, что правда никогда не всплывет. Ложь прозрачна, будто вот эта упаковочная бумага. Без нее можно обойтись, но она необходима, чтобы создать образ благополучия и красоты. Разговор вышел не из легких, как, впрочем, и всегда. Наташа знала, что в этой больнице лежат взрослые люди, у которых серьезные проблемы с психикой, а также алкоголики и наркоманы. Она старалась не думать о том, какие ужасы переживала девочка, находясь среди таких людей. Но почему-то ей казалось, что это самое надежное место, где возможно ее держать. Кристина слишком мала, чтобы думать об одиночестве. Тем более здесь лучший присмотр, о котором можно только мечтать.

Доктор вновь говорил о том, что девочка нуждается в помощи детского психолога. Это необходимо и достаточно. Лекарственные препараты лишь вредят, без них можно обойтись. Ей не нравилось, как он разговаривал с ней, будто пытался надавить, улыбаясь губами, а глазами источая холод. За три месяца так и не удалось убедить его в том, что у них

с мамой нет иного выхода. Кристина должна пройти курс лечения. И вот она его прошла. Понадобилось три месяца. Пусть так.

– Для этого нужно будет ездить в Нижний Новгород как минимум. В нашем городе нет детского психолога.

– Что ж!

И больше никакого ответа, никакой помощи, отсрочки. Оставалось тянуть время, в очередной раз обманывая себя, что это поможет.

– Тимофей Владимирович, значит, вы считаете, что психолог поможет Кристине?

– Конечно. У девочки сильный стресс, как вы знаете, она даже перестала говорить.

– Но вы утверждали, что она преодолела это! Неужели снова замолчала?

– Нет-нет, сейчас она разговаривает, даже улыбается.

– Получается, что лечение пошло на пользу, – широко улыбнулась Наташа, показывая ямочки на щеках.

– Психолог добился бы быстрее хороших результатов.

– Этого никто не знает. Вы самый лучший доктор в области, об этом все говорят. И мы с мамой знаем это.

Лесть важна. Ею нужно осыпать Величутина как лепестками роз. Пусть радуется и думает, что они действительно считают его гением. Лесть – хорошее оправдание тому, что они держат ребенка три месяца в психиатрической клинике. Конечно, ради того, что доверяют доктору. В наше время с

докторами надо быть осторожными. Кажется, его голос стал мягче.

– Я сделал все, что мог, но, боюсь, не смогу добиться от нее правды. Она отказывается говорить о том, что произошло.

– Так это хорошо. Нам всем нужно об этом забыть.

– Понимаю, но здесь ситуация другая. Девочка травмирована. Ей необходимо говорить об этом. Пытаться, чтобы пережить ситуацию, где-то отпустить. Умалчивание проблемы – не значит решение. Это нельзя так оставлять, иначе последствия не заставят себя ждать.

– Она снова кого-нибудь убьет?

Повисла пауза, во время которой Величутин внимательно смотрел на Наташу, а та, пытаясь спрятаться за чашку кофе, покраснела до цвета свеклы. За язык никто не тянул, но вот неосторожные слова вылетели. Злые, несправедливые слова. Кристина больна, ей и так плохо. Она провела три месяца в окружении чужих людей, больных шизофренией, пьянством и наркоманией.

– Я бы не стал судить так категорично.

– Простите. Просто я очень волнуюсь.

Совесь ударила Наташу под дых. Захотелось заскулить по-собачьи и забраться под стол, чтобы лизать ноги доктора. Пусть поймет и простит. Захотелось рассказать ему о своих бедах, которые не заканчиваются. Пожаловаться, попросить сочувствия. Человек же этот Величутин, в конце-то концов!

– Я попытаюсь еще раз объяснить вам, почему нельзя оставлять девочку у нас. Понимаете, Наталья Николаевна, здесь – психиатрическое отделение, где лечат людей, у которых уже есть заболевания, от которых просто так не уйти, даже если потеряешь память. А у Кристины психическая травма, которая произошла по вине трагического случая. Здесь нужно очень осторожно подходить к выбору лекарств, которые очень сильные и могут дать страшный побочный эффект. А Кристина находится у нас уже три месяца.

– А какое лечение может предложить детский психолог?

– Скорее всего, он посоветует вам обеспечить девочку комфортным образом жизни. Необходимы будут полноценный отдых и сбалансированное питание, потому что у ребенка страдает не только душа, но и тело. Надо будет запастись альбомами для рисования, карандашами и акварельными красками. Детский специалист сможет добиться диалога в нужном ключе, потому что девочку необходимо натолкнуть на разговор о том, что произошло. Она должна рассказать все о травмирующих событиях.

– Но зачем это нужно? Рассказы эти ничего хорошего не дадут.

Она со звоном поставила чашку на стол. Улыбка стала натянутой, что свело кожу.

– Без этого нельзя.

– Пусть все забудется. Надо начать жить с чистого листа! Просто все чтобы было по-другому!

– Незалеченная травма станет развиваться внутри девочки, как паразит, питаясь ее страхами, ночными кошмарами и неуверенностью в себе. Травма глубоко пустит корни, опускаясь на самое дно памяти. Да, мозг с радостью заблокирует источник боли, спрячет, но не уничтожит. А эта самая травма способна с годами серьезно увеличиться в размерах, превращая Кристину в чудовище, или сломать ее как березу, смять как лист бумаги.

– Это обязательно произойдет?

– Есть большая вероятность.

Наташа пыталась сопротивляться, показывая возмущение, и слезы показались на длинных ресницах. Но Величутин был терпелив, он продолжал улыбаться и говорить.

– Уважайте потребность ребенка в собственном переживании горя.

– А она переживает о том, что сделала?

– Конечно.

– То есть она понимает, что выбросила из окна пятого этажа четырехлетнего мальчика, который приходился ей братом?

Величутин выдержал очередную паузу, не спуская с Наташи тяжелого взгляда и продолжая улыбаться.

– Наталья Николаевна, она понимает, что мальчик погиб.

– Кристину не признает своей вины? – Кровь билась в ушах, заставляя гореть всю голову.

– Нет доказательств тому, что это она сбросила мальчика.

– Мама никогда бы не дала показания против нее, вы же понимаете.

– Ваша мама сказала, что произошел несчастный случай, и мальчик выпал из окна без чьего-либо вмешательства.

Наташа вздохнула. Развела руками и вновь попыталась широко улыбнуться, чтобы скрыть раздражающую нервозность. Колени начали дрожать.

– Вы правы, но есть еще неприятный момент.

– Какой?

– Кристина переживает о том, что теперь скажут ее друзья, родители этих друзей и учителя в школе. Она боится и поэтому испытывает стресс. Ей не хочется возвращаться в социум. В ее возрасте дети жестоки, они не способны разбираться в ситуации и анализировать. Они способны лишь обвинять и издеваться.

Ей нравилось говорить с ним на равных. Она тоже разбирается в психологии. Но Величутин и бровью не повел. Не кивнул с одобрением или поддержкой. Его голос был так же спокоен и ровен. Раздражение почти не слышалось. Но Наташа была уверена в том, что терпению доктора вот-вот наступит конец.

– Вам необходимо обеспечить Кристине защиту, показать, что вы на ее стороне, что во всем поддержите и поможете.

– Не знаю... Я все-таки склоняюсь больше за лечение таблетками, чем пустыми разговорами.

– Страх не любят, когда о них говорят. Чем больше го-

воришь о своих страхах, тем они становятся меньше. Также страхи не любят, когда их рисуют и детализируют.

– Так разрешите Кристине рисовать у себя в отделении! Я куплю и привезу все, что нужно! Краски, альбом, карандаши!

– Это невозможно. В нашем отделении запрещены эти предметы, потому что больной способен нанести себе травму чем угодно.

Наташа помолчала. Она перестала понимать, чего хочет добиться от доктора. Зачем эти пустые разговоры? Ради чего? Еще на три месяца оставить девочку в отделении? Необходимо прекратить этот разговор, пока не поздно. О психологе можно пообещать подумать. Не станет же Величутин проверять, отвезли ли Кристину на прием к психологу. Какая ему разница? Наташа засобиралась уходить. Благодарила, обещала поговорить с мамой, принять решение в самое ближайшее время. У нее еще было несколько дней, потом девочку выписывают. Надо подумать, успокоиться. Радости не было, потому что наваливались новые проблемы. Но Наташа пыталась не задумываться об этом сейчас. Необходимо сохранить лицо и выйти из кабинета доктора радостной, полной достоинства. Он не должен понять, что она напугана выпиской девочки.

– Наталья Николаевна, – остановил ее Величутин. – У Кристины вчера был день рождения.

– Я, кажется, отдала вам подарок.

– Да, но не хотели бы вы поздравить девочку лично? Я приглашу ее...

– Нет-нет! – поспешно и как-то испуганно воскликнула она. – Я тороплюсь... Мне нужно успеть на автобус... Я приеду в другой раз, совсем скоро... До свидания!

Врач не выразил никаких эмоций, кивнул и поднялся из-за стола, чтобы выпустить посетительницу из кабинета.

2

Наташа вернулась домой в смятении. Надо было пови-
даться с Кристиной, а теперь она оставила отрицательное
впечатление. Величутин, конечно, станет осуждать ее. Ему
уже поперек горла ее ужимки и ложь. Скорее всего, он счита-
ет, что она глупа, как пробка. Три месяца не забирать де-
вочку из этого ада, где беснуются алкоголики, шизофреники
и наркоманы. Действительно, он так думает. С этим ничего
не поделаешь, остается сгореть от стыда, но продолжать де-
лать вид, что она не видит и не понимает рисков, а молится
на Величутина, считая его доктором от Бога.

– У нас будет гость! – своим очень высоким голосом ска-
зала мама, аккуратно расправляя рукава яркой блузки и бла-
женно улыбаясь. Она появилась перед Наташей, обдав ее
ароматами кухни.

– Кто? – равнодушно спросила девушка, снимая пальто.

– Ты помнишь мужа Люды?

Мама так же быстро пропала, как и появилась. Уже с кух-
ни донесся ее голос.

– Конечно, я его помню, мама! – насторожилась Наташа. –
Неужели он?

Неожиданный поворот событий. Уже давно она считала,
что способна сдерживать эмоции, что бы ни происходило в се-
мье Люды. Видимо, не в этот раз, интерес возрастал с каж-

дой секундой. Она помыла руки и вошла на кухню, заплетая волосы в косу.

– Что? На самом деле? Или ты шутишь?

– Да, – торжественно улыбнулась мама. – На самом деле! Он прислал письмо на электронную почту, спросил, когда можно приехать.

– Он прислал? – Наташа замерла, пытаясь разобраться, правильно ли понимает то, что происходит. Ей было нелегко перестроить мысли. Они бросались на нее, как яростные волны в бушующем океане. Влад захотел приехать к ним? Действительно, похоже на шутку. Она присела за стол и набросилась на макароны с сыром, которые мама поставила перед ней. Решительно отогнала образ Влада Харитонов, слишком красивого для сегодняшнего дня. Необходимо было решить, что делать с Кристиной. Через несколько дней ее выписывают, вчера был день рождения. В школе определенно проблемы, и придется оставлять ее на второй год в первом классе. Или нанимать репетиторов. А это деньги, заботы.

Татьяна Анатольевна ждала бурной реакции. Не получив ее, пожала плечами, изобразив на губах печальную улыбку.

– Ну, хорошо... Я первая ему написала.

– Ах, мама, но зачем? – Наташа с досадой отложила в сторону вилку. Татьяна Анатольевна тут же забрала у дочери тарелку с недоеденными макаронами. Та была не против, окончательно утратив аппетит. Голова раскалывалась. Сначала Величутин, теперь муж Люды, которому мама сама на-

писала!

– Правильно, Наташенька, в твоём возрасте пора начинать следить за фигурой. Тебе пока ещё двадцать семь, но, поверь, если махнешь рукой на себя в этом возрасте, то потом будет сложно все наверстать.

Женщина осторожно выбросила в мусорное ведро остатки пищи, затем включила горячую воду, намереваясь помыть посуду. Но Наташа уже поднялась и отстранила ее в сторону, жалея выброшенные макароны. У мамы отвратительная привычка выбрасывать хорошую еду.

– Уйди, мама. Я сама все сделаю.

Татьяна Анатольевна с благодарной улыбкой присела за стол, разливая по чашкам кофе. Она с улыбкой вздохнула, издавая тихий стон. Наташа поняла, что подумать о Кристи-не не получится. Оставалось смириться и поддержать разговор, который до сих пор казался фантастическим.

– Так зачем же ты ему написала?

– Я просто хотела узнать, как дела у Люды. У меня нет номера ее телефона. И мы с ним разговорились, вернее, стали переписываться. Оказывается, Влад собирается подать на развод. Они несколько месяцев не живут вместе. Ты знала?

– Нет. Откуда мне знать?

– Люда не говорила тебе?

– Нет, мама.

Наташа выключила воду, вытерла руки полотенцем и присела за стол напротив Татьяны Анатольевны. Новость обес-

куражила ее, но где-то в глубине души она давно знала, что этим закончится.

– И долго вы переписываетесь?

– Нет, написали друг другу пару писем, не более. Ты же знаешь, что я стала плохо видеть. Свое зрение я оставила на работе в школе. А находясь на пенсии, приходится пожинать плоды тяжелого морального и физического труда.

– Мам, не надо! Ты же знаешь, что я все сделаю, тебе не нужно напрягаться. Просто живи в свое удовольствие.

Наташа положила свою ладонь на руку матери и нежно погладила. Рука была хрупкая и тонкая. Наташа почувствовала, что готова расплакаться от жалости. Татьяна Анатольевна немного отхлебнула из чашки и с любовью улыбнулась дочери.

– Я пригласила его в гости, Влад сказал, что очень занят, но постарается приехать в пятницу. Он останется на выходные. Ему бы хотелось повидать детей, но я сказала, что Кристина в больнице, а Витенька с дедушкой в деревне и пробудет там, скорее всего, все лето.

– Господи!

– Надеюсь, ты не против?

– Так и написал?

– Слово в слово.

– И согласился остаться у нас на выходные?

– Но отчего бы ему не согласиться, Наташа?

– Он никогда так раньше не делал. Люда приезжала всегда

без него.

– Ты должна понять, что Влад занят! У него работа. Когда было ехать?

– А что изменилось теперь?

– Многое изменилось, ты сама знаешь. Человек склонен к тому, чтобы меняться от сложившихся ситуаций и трагедий.

С этим Наташа не могла поспорить. В памяти ожили моменты прошлого, когда они с Людой и детьми ходили гулять в парк или кино. Она и Арсений приезжали редко, в основном это Наташа с детьми каталась в Нижний Новгород каждый выходной. Потому что в большом городе гулять было веселей, да и Арсений был слишком мал. Люда переживала, как бы что не случилось в дороге, хотя машину водила очень аккуратно. Но ей нравилось приезжать в деревню. Она рассказывала Арсению о природе, которая окружает, учила слушать шум воды, дыхание леса, знала обо всех растениях и насекомых, восторгалась красотой облаков. Кристина с Витей слушали, раскрыв рот. Им нравилась Люда, нравились подарки, которые она постоянно привозила. В ушах зазвучал ее приятный голос и смех мальчика, которого уже нет в живых. Поток страдания сковывал тело, и чем дальше, тем трудней было вспомнить о том, как так вышло! В сентябре прошлого года Наташа прошла все стадии бешенства, горечи, отчаяния, судорожных рыданий и молчаливой муки. Умер Арсений. Она испытывала раздражение, что приходилось краснеть и стыдиться, будто это она столкнула его с это-

го подоконника. Но иначе никак не получится. Всю жизнь лишь краснеть и стыдиться, истерически рыдать от отчаяния и молиться Богу.

– Наташа, нам надо все приготовить к пятнице, – прервал раздумья голос мамы. – Убрать квартиру, поменять постельное белье, закупить продуктов и купить тебе новую блузку. Я уже приглядела в магазине одну такую, молочного цвета с перламутровыми пуговицами. Просто прелесть что такое! Тебе очень пойдет.

– Опять бегала по магазинам! – покачала головой Наташа, допивая кофе.

– Ты же знаешь, что мне нравится пройтись, я редко что-то покупаю.

– Странно все это, – снова нахмурилась Наташа. Влад собирается приехать, хотя никогда этого не делал раньше. Принципиально не делал, работа ни при чем. Зачем ему приезжать сейчас? Это как-то связано с Кристиной? Он узнал, что она лечится у психиатра? Голова болела все сильнее, пришлось энергично потереть виски.

– Ох, Наташа! Все проходит. Все меняется с каждым новым днем. А ты давно не виделась с Людой?

– В последний раз на похоронах Арсения. Но тогда они с Владом были вместе. Я ничего не знаю об их разрыве.

– Не знаешь?

– Нет, мама!

– Конечно, такое горе.

– Я давно не звонила ей, не хотела беспокоить. А потом, эти проблемы с Кристиной. Как-то вылетело из головы, что надо позвонить. Но я отправила ей несколько сообщений в Вайбере. Она так и не ответила.

– Видно, после смерти сына каждый из них переживал горе по-своему.

– Что ты имеешь в виду?

Татьяна Анатольевна пожала плечами, допивая кофе.

– Время покажет, но я бы не стала на его месте торопиться с разводом. Мне они всегда казались прекрасной парой.

– Так и было, мама.

Наташа раздумывала, нужно ли говорить о сегодняшней встрече с врачом. Мама снова ничего не поймет и станет плакать, спрашивая, что им всем от них нужно. А ведь и правда? Какая-то черная полоса. Арсений умер в сентябре, а в феврале с Кристиной случилась жуткая истерика. Она кричала, звала на помощь и билась головой и всем телом об пол. Затем замолчала, будто воды в рот набрала. Наташа разнервничалась, не знала, что делать. Мама вызвала врача, а потом поместила девочку в больницу. С тех пор не было ни одной спокойной минуты. А потом приехали журналисты из Нижнего Новгорода и задавали дерзкие вопросы о том, как Кристина столкнула Арсения из окна. Они уже все знали и предполагали ревность и обиду, которые могли развиваться у Кристины. Раскопали невообразимые факты о ее детстве. Невыносимые вопросы, от которых кровь стыла в жилах. Ната-

ша не понимала, как можно говорить обо всем прямо в лоб. Пришлось уволиться с работы, соседи смотрели с удивлением. Хорошо, что город, пусть маленький, но город! А в деревню вообще больше не приедешь. Мама вон не собирается возвращаться, потому что от соседей не отмолчишься. Они все знают!

Одна надежда – уехать когда-нибудь в Ригу и забыть обо всем.

– И все-таки я не понимаю, зачем ему приезжать к нам!

– Он хочет нас навестить.

– Будет лучше, что на этом все и закончится. Не представляю себе, как станем дружить сейчас, если с самого начала ничего не вышло.

– Ты слишком нагнетаешь, Наташа. Я не вижу в этом ничего плохого. Тем более если Влад разводится с Людой. Почему бы ему не бывать у нас иногда?

– Что-то я не пойму тебя, мама.

– Он свободный мужчина, вполне себе симпатичный и обеспеченный.

Наивная, доверчивая улыбка Татьяны Анатольевны погасла, когда Наташа резко встала из-за стола и подошла к окну. Она несколько минут молчала, смотря на улицу, но потом обернулась с натянутой усмешкой. Теперь стала понятна истинная мотивация матери.

– Я смотрю, ты никак не успокоишься, что твоя дочь не пристроена.

Татьяна Анатольевна не ответила. Она спокойно поднялась из-за стола и проплыла мимо, в комнату, с гордо поднятой головой. Обиделась. Как неприятно. Наташа осталась в кухне одна и задумчиво кусала нижнюю губу, борясь с диким несогласием. За три года дружбы с Людой мама приобрела обширные познания во всем, что касается материальной обеспеченности, взаимного понимания между мужем и женой и сильной любви к своему ребенку. Эти познания расширили ее страдания, потому что в их семье все совершенно сложилось по-другому. Она приобрела убежденность в том, что близкое общение с Владом что-то изменит к лучшему. Но Наташа не была так наивна и понимала, что как бы она ни была привлекательна, любовь имеет мало общего с внешней оболочкой и больше опирается на внутренние чувства. Да и к тому же при чем тут Влад? У Наташи другие цели, потому что ее жизнь связана с детьми, которых она не хочет. Ей приходится тянуть этот груз, надеясь, что вот на этом повороте кто-нибудь освободит ее.

Неожиданно Татьяна Анатольевна вновь возникла перед дочерью. Улыбка на ее губах была извиняющаяся, в глазах блестели слезы.

– Не подумай, что я радуюсь их разводу! Просто человека надо поддержать!

– Конечно, мама! – вздохнула Наташа, теряя возмущение и успокаиваясь. Добрая милая мама хочет помочь. Ей невыносима мысль, что кто-то несчастлив. Ведь именно поэтому

она пригласила Влада в гости. А он согласился, тоже почувствовав эту доброту и бескорыстие. Свои злые мысли надо гнать прочь!

– Ему тридцать семь лет, Наташа. Он не станет размениваться на глупости. Подходящий возраст, когда перестаешь бегать направо и налево, больше проводишь времени дома перед телевизором и мечтаешь о семье и детях.

– Это определение больше подходит к холостяку.

– Или к одинокому мужчине.

Наташа собиралась быть терпеливой. Ей не нравился этот разговор. Ошеломляло, что приходилось говорить о Владе Харитонове как о потенциальном женихе. Абсурд! Помешательство!

– Он еще не развелся, мама. Так что давай не будем забегать вперед.

С этими словами Наташа подошла к раковине, чтобы помыть кофейные чашки.

– У них все равно нет будущего. Слишком большое горе не объединило, а отбросило их друг от друга. Так бывает, это жизнь. Люда никогда не родит ему ребенка, а это важно!

– Мама, я прошу тебя!

– А Владу нужен ребенок!

– Мама!

– Ну, хорошо. Но к пятнице надо тщательно подготовиться. Я хочу, чтобы все было идеально. И надо достать из комода праздничные салфетки! Те, с голубыми цветочками по

краю! Я приготовлю праздничный обед.

3

Следующим утром Наташа вышла на улицу, собираясь прогуляться и зайти в магазин. Пытаясь строить планы на ходу, посмотрела на наручные часы. Она откинула назад волосы и распахнула пальто под лучи весеннего солнца. Дождь закончился, и воздух приятно пропитался озоном. Молодая женщина глубоко вдохнула и пошла по узкой дороге, щедро посыпанной щебнем, в сторону парковой аллеи. Она издали заметила человека, сидящего на старой скамейке под ржавым навесом пустой остановки. Автобусы этим маршрутом давно не ходили, а остановку использовала молодежь, собираясь здесь вечерами. Подойдя ближе, Наташа узнала мужчину, и огненная волна пронеслась по ее телу от макушки до кончиков пальцев. Замедлив шаг, стала лихорадочно соображать, случайна ли встреча, и что говорить человеку, с которым не общалась долгие годы.

Владимир Бондарев расположился на скамье, неестественно откинув в сторону больную ногу. Он задумчиво смотрел перед собой, опираясь на массивную трость. Трудно поверить, что он находится здесь. Что ему нужно? Наташа замешкалась, пытаясь ответить на вопросы, бившиеся у нее в голове. Моргнула, стараясь прогнать наваждение, галлюцинацию. Не помогло. Бондарев не исчез.

Сколько они не виделись с ним? Лет пять, не меньше, с

тех пор как Оля умерла. Захотелось повернуть назад, пока не поздно, скрыться за углом старого дома, пробежать окольными путями. Она даже замедлила шаг, затаив дыхание, как вор. Владимир Бондарев взглянул на Наташу, повернувшись искалеченной стороной своего лица. И она вспомнила, что он болен и жалок, хотя многого добился за эти годы, научился ходить, говорят, даже занимается репетиторством, живет в хорошей квартире, готовит себе сам, убирает, стирает, ведет собственный и очень успешный блог об истории и археологии. Характера ему всегда было не занимать, хотя в школу он больше не вернулся. Послужила ли этому Олина смерть? Или он просто решил кардинально изменить свою судьбу? Деваться некуда. Момент упущен. Наташа стремительно подошла к Бондареву и присела рядом. Встреча определенно не казалась случайной.

– Привет, – его голос звучал хмуро, хотя он старался выглядеть дружелюбным.

– Неожиданно.

– Да.

Они помолчали. Ей хотелось сразу спросить, для чего он здесь. Но не могла выдавить из себя ни слова, подозревая, что расплачется и станет унизительно выглядеть. Слезы действительно навернулись на глаза. Вспомнилась несчастная Оля. Какой кошмар они все пережили!

– Кристину скоро выписывают.

Его слова повергли ее в шок, она с ужасом ощутила,

неумолимо приближающуюся волну страха. Так он здесь ради Кристины? Наташа была уверена в том, что ее сердце окаменело в тот момент, когда умерла сестра. Душа застыла, страдая от жестокой неподвижности. Время остановилось, а мысли разлетелись из головы, как стая глупых птиц. Наташа сидела, не шевелясь, прислушиваясь к резким толчкам в груди, переживая, что от волнения получит инфаркт.

– Кажется, через несколько дней.

Она выдержала паузу, но потом все же решила заговорить. Необходимо было выяснить и понять, что происходит.

– Да, но откуда ты знаешь?

– Говорил с ее лечащим врачом.

Наташа была еще более потрясена. Зачем Бондареву говорить с Величутиным? Что именно он спрашивал и какие получил ответы? Зачем вообще нужно что-то спрашивать? Наташу охватил трепет. Она опустила глаза и машинально разглядывала стоптанные кроссовки Бондарева. Наверное, тяжело передвигаться с больной ногой. И зачем он притащился в такую даль? Кажется, его дом находится в противоположном конце города. До этого момента они даже случайно не пересекались, хотя город небольшой, всего-то пятнадцать тысяч население. Наташа молчала, не собираясь задавать вопросов вслух, хотя они мучили ее. Хотелось унять хаос, который поднялся в душе. Она раздраженно заметила, что стала слишком нервной. Стоило купить валерьянку в аптеке. А то недолго поменяться с Кристиной местами.

– Я сегодня утром понял, когда проснулся, что не смогу ждать дня ее выписки, чтобы позвонить по телефону и спокойно все обсудить с вами. С тобой и Татьяной Анатольевной.

– А нам есть что обсуждать? – осторожно спросила она, не понимая, к чему он клонит, и испытывая от этого новый приступ липкого страха.

– Да.

– Со мной и с мамой?

– Да.

– И что же?

– Неужели ты ничего не знаешь?

– Не знаю что?

Он тяжело вздохнул, развернулся к ней, внимательно глядя в глаза. Ей пришлось выдержать его взгляд, но по коже пробежал холодок.

– Значит, ты ничего не знаешь.

– Да что я не знаю?

Он помолчал, обдумывая ее вопрос. Наташа заметила, что он колеблется, значит, истинной причины его появления ей не узнать. По крайней мере, в этот раз.

– Я могу помочь найти для девочки хорошего психолога. У меня есть знакомые в Нижнем Новгороде, потому что я сам долгое время посещал консультации.

– О чем ты?

– Кристине необходима помощь психолога, – Бондарев

был терпелив. Но в Наташе начинал закипать гнев. Ей не нравилось разговаривать о том, чего она совершенно не понимает.

– Сомневаюсь, что это твое дело.

– Наташ, я хочу помочь.

– Но мы не нуждаемся в твоей помощи.

Голос дрогнул, потому что она вдруг прекрасно поняла, о чем он просит. Ясность заполонила воображение. Кровь застучала в ушах. Какое дело Бондареву до всего этого? Отчего заинтересовался Кристиной?

– Знаешь, мне сейчас некогда, автобус должен подойти с минуты на минуту. Мне нужно в магазин, гости собираются приехать.

– К этой остановке автобусы не подходят. Я на машине, подвезу тебя.

Он и про остановку знает!

Удивлению не было предела, когда она, бросив взгляд в сторону, вдруг заметила блестящую иномарку какого-то экзотического цвета. Бондарев купил машину? Он сам водит? С больной ногой!

– Твоя машина? – не смогла она удержаться от вопроса.

– Да.

– Ты купил новую машину?

– Она не новая, – нетерпеливо вздохнул он, пытаясь показать, что этот разговор для него не важен. Он не хочет обсуждать машину. Но для Наташи это была передышка, воз-

возможность быстро подумать.

– Но все-таки!

– Что?

– Что это за машина?

– «Мазда» 2011 года выпуска. Этой машине уже девять лет. Так что она не новая.

– Но все равно это здорово!

– Ты так считаешь?

– Да! У тебя есть машина! А мы так и не обзавелись.

Слишком дорогое удовольствие.

Наташе давно хотелось сорваться с места и убежать, как маленькой девочке, спрятаться. На душе скребли кошки. Она отчаянно вглядывалась в даль, где находилась другая остановка, проклиная хоть какой-нибудь автобус, который явно не торопился ехать. Бондарев предпринял попытку улыбнуться, но Наташа разглядела лишь животный оскал, поежилась. Как он безобразен, а ведь раньше был таким красивым. Воспоминания появлялись в голове, как обрывки савана. Скромная, робкая, но такая умная Оля и Бондарев. Оба необыкновенно красивые и счастливые. Ей шестнадцать, ему двадцать восемь. Никого не смутило тогда, потому что отношения были чистыми, как снег. Но времена чистоты закончились. Бондарев похож на безобразного орка, а Оли нет в живых.

– Необходимо разобраться в том, что произошло. Ты слышишь, Наташ?

– О чем ты?

– Я говорю о Кристине, Олиной дочери, если ты до сих пор не понимаешь! Я здесь ради нее. Мне нужно обсудить с тобой детали.

– Какие детали? Ничего не понимаю! При чем тут ты?

– И все-таки послушай меня.

Бондарев говорил тихо, но настойчиво, а у Наташи не было сил встать и уйти. Вдруг стало интересно узнать, в чем дело. Страх отступил. Помощь Бондарева их семье – это фантастическая удача и неожиданность. Его уважают люди, у него много знакомых. Все его любят. Гордость не позволяла вмешивать его в дела семьи, но все же какая-никакая помощь.

– Что я должна слушать?

– Чтобы помочь Кристине, необходимо разобраться в том, что произошло.

– Кому необходимо? – снова насторожилась она.

– Мне! Тебе. Всем.

– Нет!

– Расскажи мне.

– Да кто ты такой, чтобы я говорила с тобой?

– Я – твой единственный друг.

Наташа не выдержала, презрительно сжатые губы дрогнули. Слезы заструились по бледным щекам. Слабость характера была несвойственна ей, но в этом случае виноваты были страшные обстоятельства, которые превратили жизнь в кош-

мар. Обстоятельства разрушили ее броню, ее стену. Она стала уязвима, нервна. Чувствовала признаки приближающейся истерики. Бондарев схватил ее за руку, но она в страхе высвободилась, не сумев скрыть брезгливость.

– Наташ, прошу тебя, – настойчивость Бондарева поражала. Он всегда был очень тактичен, не лез в душу. Но теперь все изменилось. Он даже не обиделся, что она шарахнулась от него, как от прокаженного.

– Что тебе надо? Оставь меня в покое.

– Послушай.

– Это был несчастный случай, – прошептала она. – Я не стану говорить об этом.

– Я знаю, что тебе тяжело, но надо разобраться! Пожалуйста!

– Тебе-то какое дело? – не выдержала она и выплюнула ему в лицо ядовитые слова. – Это касается только нашей семьи.

Он отвернулся. Наташа поняла, что задела его за живое, и ей стало легче. Она даже улыбнулась и утерла слезы. Злоба начала брать верх над страхом. Ее слова были убийственны для него, они издевались, насмехались, надо было только правильно рассчитать дозу, чтобы метко попасть в цель. Тогда он уйдет и никогда больше не посмеет трогать ее.

– О чем ты хочешь поговорить, Володя? – еле слышно продолжала она. – О нашем семейном горе? Но ты-то тут при чем? Моя сестра умерла пять лет назад! А у вас до это-

го было все кончено. Ее дети не имеют к тебе никакого отношения. Кристине восемь лет, Вите в декабре исполнится семь. Их родной отец сидит в тюрьме, и я сомневаюсь в том, что, когда он выйдет оттуда, мы о нем услышим. В чем тут разбираться? Кристина выбросила из окна четырехлетнего ребенка, испытав при этом сильное потрясение, с которым не смогла справиться, поэтому оказалась в этой больнице. Я мотаюсь туда три месяца и веду бесконечный спор с доктором, который считает, что девочку надо выпускать, чтобы она начала вести обычную жизнь. Но я была там, когда все произошло. Я видела ее лицо. И считаю, что выпускать ее нельзя, возможно, позже, но не сейчас. Ты ничего не знаешь о наших проблемах. И не должен знать!

– Разобраться надо с самого начала. Как получилось, что вы оказались в доме этого погибшего мальчика?

– При чем тут это? – снова начала злиться она, понимая, к чему он клонит. – Ты не имеешь права осуждать... Ты ничего не знаешь, а я не собираюсь рассказывать тебе! Да иди ты к черту, Бондарев!

– Послушай! – попытался прервать ее Владимир. В его голосе звучал лед, будто он ненавидел ее так же, как она его. – Я не собираюсь осуждать! Я хочу разобраться и помочь! Ведь этот погибший ребенок тоже сын Оли! Она отказалась от него. У него появились другие родители. Разве не так?

– Не понимаю, зачем тебе подробности.

– Он перестал быть ее сыном, а значит, дело касается не только вашей семьи.

– И что дальше?

– Что вы делали в доме этого ребенка? Кристина знала, что это ее брат?

– Какое тебе дело? – еще больше разозлилась она. Как заведенная повторяла одно и то же. – Ты не имеешь права осуждать! Не имеешь, понял?

– Но я не собирался!

– Послушай, не лезь к нам!

– Я хочу помочь!

– Пошел к черту со своей помощью!

– Почему? Ты несправедлива!

– Потому что во всех бедах Оли виноват лишь ты! И в наших бедах!

Наташа ненавидела Бондарева в этот момент, готова была броситься и рвать его шею зубами. Чтобы брызнула кровь, оголились кости. Почему он не умер тогда? Дьявол вытащил его с того света! Сделал его уродом, но закалил характер и зажег в глазах непримиримый огонь.

– Пошел ты к черту! Твой анализ нашей жизни не требуется!

– А Кристине требуется помощь. И я могу помочь. Подумай об этом.

– С чего ты решил, что ей нужна твоя помощь? Мы разберемся с этим сами.

– Конечно, ведь ты собралась залечить ее в этой старой больнице до смерти, правда? Так и проблем меньше.

Она поднялась и плюнула на него. Утерла рот тыльной стороной ладони. Бондарев замолчал и наклонил голову.

– Тебя надо было посадить в тюрьму, когда ты начал ухаживать за моей сестрой. У нее могло быть блестящее будущее, все-таки золотая медаль по окончании школы. Но из-за тебя у нее ничего не было. Ты испортил ее! Только ты виноват в том, что произошло с ней и происходит сейчас со всеми нами. Какого черта ты приперся сюда? Что хочешь вытянуть из меня? Да ты просто моральный урод! И не понимаю, какая польза тебе от того, что ты мучаешь нашу семью! Запомни, тебя там не было! А мы все были! Кристина совершила убийство! И ее необходимо лечить!

– Поговори со своей матерью. Она приняла решение, – холодно произнес он, не глядя на нее, вытирая со щеки слезу. – Я понял, что ты еще ничего не знаешь. Я не стану говорить, пусть это сделает Татьяна Анатольевна. Ведь вы семья, а я для вас посторонний человек. Но это и лучше.

Наташа растерялась и не нашлась с ответом. Но тут из-за угла показался старый автобус, который медленно приближался, переваливаясь с одного бока на другой. Наташа вскочила со скамейки, запахивая пальто и вытирая слезы. Она бросилась бежать, надеясь успеть оказаться на нужной остановке раньше, чем автобус доберется туда. Замахала руками, пытаясь привлечь внимание водителя. Бондарев остался си-

дѣть, не глядя на нее и не произнося больше ни слова. Будто потерял к ней интерес.

Наташа сидела в кабинете доктора Величутина. Был вечер, за окном стемнело. Хотелось спать, глаза слипались. Прошлую ночь она плохо спала из-за новости, которую сообщила мама. Влад Харитонов приезжает в эту пятницу! Она уже не думала о выяснениях отношений с психиатром по поводу распространения информации о Кристине. Поток мыслей затормозился, ненависть к Бондареву растаяла, забылась. Да и вчерашняя встреча с ним казалась нереальной. Уж не приснилось ли ей все это?

Наташа поехала и попросила, чтобы ее приняли. Необходимо было выяснить, причастен ли Величутин. Вновь поразила ее обстановка старой больницы и гнилостный запах помещения, смешавшийся с запахом лекарств, приносят умиротворение. Оказавшись в этих стенах, казалась невыносимой мысль, что придется отсюда уходить. Об этом стоило поразмыслить. Она влюбилась в доктора? Мысль казалась настолько нелепой, что Наташа разозлилась на себя.

– Наталья Николаевна, так вы говорите, что вчера встретили человека, который утверждал, что знает о том, что Кристину выписывают?

– Именно так.

– Но мы никому постороннему не даем сведений о больных.

– Но тем не менее этому человеку все известно.

– Кто он?

– Бондарев. Бывший парень моей сестры.

– Которая умерла?

– У меня нет другой.

– Вы с этим Бондаревым друзья?

– Нет, я его ненавижу! – легко произнесла она. – Не понимаю, зачем он пришел. У меня сложилось впечатление, что он специально дожидался.

– Почему вы ненавидите его?

– Он похож на дьявола!

Ответ совершенно не смутил доктора, но Наташа вдруг испугалась. Не примет ли ее Величутин за сумасшедшую? Но он продолжал спрашивать совершенно невозмутимо:

– Внешностью или характером?

– Скорее внешностью. Характер у него неплохой... был.

Хотя я плохо помню. Вы знаете, мне показалось, что он хотел что-то серьезное обсудить со мной.

– Что именно?

– Я не знаю.

Ей вдруг очень захотелось выйти на улицу и подышать свежим майским воздухом. От этого стало печально, и глаза заблестели. Она пожалела, что приехала сюда. Врач ничего не знал о Бондареве, это очевидно. Весь разговор представлялся глупым и ненужным. Ей стало стыдно, что она отвлекает человека странным разговором. Мысли о том, что-

бы бросить все и уехать, неожиданно вернулись. Сможет ли она быстро продать квартиру и переехать в Ригу? Сколько потребуется времени, чтобы собрать вещи, купить билеты? Хватит ли денег? Стало страшно от того, что она ничего не знала. Не понимала, как сможет все обустроить. Не лучше ли вернуться в родительский дом в деревне, а квартиру сдать? Там, в Заозерье, невероятно красиво. По утрам над полем и лесом стоит розовый туман, пахнет листвой и торфом, роса выпадает крупная, как драгоценные камни. И никого! Можно идти в халате босиком с нечесаными распущенными волосами и петь песни во весь голос. А в речке ледяная вода, и плавают мальки на поверхности.

Но в родной дом путь закрыт, потому что там Витя, сын Оли. О нем заботится папа, пока мама гостит у нее. Неизвестно, как повернется жизнь дальше. И что вообще происходит! Но до того момента, как Кристину поместили в больницу, о детях заботилась Наташа. Они жили с ней в городе, девочка только пошла в школу, а мальчик ходил в детский сад. Кристина даже третью четверть не доучилась, как ее поместили в больницу. Совсем маленькая, но дикая, как волчонок. Что с ней стало? Отчего она так ожесточилась, ведь еще совсем недавно любила играть с куклами Барби, которые дарила ей Люда, и читать «Приключения Буратино», утверждая, что обязательно отрастит себе голубые волосы, как у Мальвины. Она собирала с Витей и Арсением лего, поливала в огороде цветы и любила обниматься с Наташей, когда ло-

жила спать. Но через месяц после смерти Арсения Наташа обнаружила, что у всех Барби оторваны головы и закрашены глаза красным маркером.

Настроение испортилось. Ей не хотелось, чтобы дети снова оказались в ее квартире. Она устала от воспитания, переживаний, шума, детских капризов и болезней. Ей хотелось остаться в тишине и одиночестве. Начать жизнь с чистого листа. Лучше в Риге! Это было бы просто счастье! И далеко. Никто не приедет в гости. Она заведет новых знакомых, станет приглашать их к себе и угощать яблочным пирогом, который особенно удавался при наличии кислых яблок. Наташа совсем забыла о том, что прекрасно готовит. Давно ничего не пекла.

– А что хотел Бондарев от вас?

– Я не знаю, – она подняла на Величутина глаза, отвлекаясь от своих мыслей. Ей не хотелось больше говорить о Бондареве. Но она понимала, что будет невежливо вот так сорваться с места. Ведь это она попросила о встрече. Но теперь, понимая, что ничего интересного не узнает, потребность в разговоре отпадала. Наташа сомневалась, стоит ли уйти сейчас или продолжить разговор. – Я ничего не поняла. Он напугал меня.

– А какие у него были отношения с вашей сестрой перед ее смертью?

– Они расстались задолго до этого. Ей было шестнадцать, когда она в него влюбилась. Он – намного старше. Учитель

истории в нашей школе, все были в него немножко влюблены. Тогда он был симпатичным.

– Почему они расстались?

– Она так решила.

Наташа посмотрела на темное окно. Каким далеким показалось то время, сумасшедшим, нереальным. Уже тогда над их головами начали сгущаться тучи. Она не понимала, почему продолжает сидеть в кабинете доктора и отвечать на его вопросы. Ведь он уже сказал, что не имеет к Бондареву никакого отношения. Ей было трудно справляться со своими мыслями, но встать и уйти она не могла. Ощущение защиты и спокойствия в этом месте не покидало.

Величутин несколько минут задумчиво изучал Наташу, потом заговорил снова.

– Ваши родители живут в деревне, правильно?

– Да.

– А вы переехали от них сюда, в город.

– Да, мне купили квартиру. Родители купили, – зачем-то уточнила она.

– Вы хотели переезжать?

– Хотела.

– Вам нравится жить здесь?

– Нравится, конечно.

– Как справляетесь с бытом?

Она с удивлением посмотрела на него. Пожала плечами, усмехнулась.

– Я хорошо готовлю, если вы об этом. На макаронах быстрого приготовления не сижу. И убираться могу, и деньги считать. Счета оплачиваю без задержек. Что еще нужно?

– Хорошо. Значит, вы прекрасная хозяйка?

– Наверное.

– Поэтому дети сестры жили с вами?

Она хотела что-то сказать, осеклась и замолчала. На щеках выступили предательские красные пятна. Жили! До того страшного несчастного случая жили. Доктор точно подметил. Казалось, он знает совершенно все про их жизнь. В таком случае нужно ли отвечать? Но Величутин ждал ответа. Для него это было важно, чтобы она ответила.

– Не только поэтому, – наконец выдавила из себя она, ощутив тот миг, когда уверенность исчезла. Потеряв опору, молодая женщина забеспокоилась, не пора ли прервать разговор, каждое слово которого может обернуться против семьи.

– Наталья Николаевна, почему дети жили с вами, когда опекун у них ваша мама?

Так вот к чему он клонит! Значит, не собирается обвинять ее в плохом воспитании. Просто выясняет обстоятельства, которые слишком запутаны, чтобы их обсуждать. Наташа отвернулась. Покраснела еще сильнее и расстроилась. Она сама много раз задавала себе этот вопрос. Надеялась, что испытание рано или поздно подойдет к концу. Это были слишком личные моменты, чтобы она стала обсуждать их с

доктором, да еще накануне выписки Кристины.

– Мы – одна семья. Какая разница, где живут дети? В городе просто удобно, детский садик, школа есть. А в деревне все давно закрыто. Кристину пришлось бы на машине возить каждое утро в город, в школу, а потом забирать. Слишком сложно. Да и машины у нас нет.

Казалось, что этот ответ удовлетворил Величутина. Он кивнул.

– Вы знаете, – вдруг выпалила она, – Бондарев сказал, что может договориться с детским психологом. У него есть знакомства в Нижнем Новгороде. Как вы думаете, стоит ли согласиться?

– Почему нет?

– Но ведь Бондарев – чужой нам человек. Мы не виделись с ним несколько лет.

– Я думаю, не нужно отказываться от помощи.

– Конечно.

Наташа вдруг подумала о том, что Бондарев знает про Кристину от бывших коллег по школе. Девочка не закончила первый класс. Возможно, поместить Кристину в больницу было ошибкой. Сейчас активизировались все социальные учреждения, готовые спасти ребенка. Но где они были раньше, когда Оля была жива? Вот когда надо было спасти Кристину! Но никому не было дела, и вот во что вылилось. Они с мамой приняли непростое решение поместить девочку в больницу. Сколько слез было выплакано бессонными ноча-

ми. Тогда они не могли поступить иначе! Никак не могли! Страх толкал на невыдуманные поступки. Наташа боялась выходов Кристины, боялась ее ночных криков. Избавление от нее принесло облегчение.

Наташа усердно пыталась сосредоточиться на Бондареве, старалась разгадать его планы, но мысли разбегались. Обстановка теплого кабинета доктора, запах кофе и его молчание располагали думать о том, что произошло несколько лет назад.

Она никогда не решится сказать доктору, отчего дети Оли переехали жить к ней, хотя опекунство было оформлено на маму. Да и при чем тут опекунство? Все это началось еще с тех пор, когда сестра была жива. После ее смерти не случилось никакого преобразования, лишь осталось, как было. У родителей не возникло мысли забрать детей в деревню. А ведь Наташа надеялась на перемены.

Мама начала выпивать, когда Оля отказалась поступать в институт и вместо этого родила ребенка. Ожидания не оправдались, оставалось выражать сочувствие. У мамы не было радости от того, что на свет появилась прелестная внучка, лишь глухое отчаяние. Ведь столько сил было положено на то, чтобы старшая дочь получила хорошее образование. Все тогда думали, это ребенок Бондарева. Понимали, что невозможно, но думали. Надеялись. Но отцом Кристины оказался какой-то таксист родом из Омской области, его вскоре посадили за торговлю наркотиками. Наташа смут-

но помнила этого худого веселого парня с черными глазами, неухоженной бородкой и каким-то невероятным восточным акцентом. А потом были еще мужчины, много мужчин. Наташа никого из них не знала, видела мельком, случайно встречая сестру в городе. Вторая беременность и рождение Виктора. Уже тогда мальчик никому не был нужен. Ни Оле, ни маме, которая совершенно замкнулась в себе и стала лишь больше пить. Дети почти сразу переселились в Наташину квартиру. Для удобства. Ее никто не спросил, хочет ли она этого? Сможет ли? А она не посмела отказаться, понимая, что если не она, то никто? Тогда еще не было опекунских денег, лишь зарплата Наташи. Родители снабжали овощами с огорода. В этом состояла вся помощь. Хотя и не малая. А от Оли не было ничего. Она жила так, как хотела. И вскоре забеременела снова.

Наташа вздрогнула, испугавшись. Как далеко ее занесло! В их семье не принято осуждать Олю, ведь ее нет в живых. Она умерла такой молодой.

Величутин внимательно наблюдал за Наташей, будто старался прочесть те мучительные воспоминания, которые прожигали мозг горячими каплями. Нужно было подумать о том, что Кристина не закончила первый класс, и если они с мамой не примут меры, то опека может поставить вопрос о назначении нового опекуна. Наташа хотела, но не решалась сказать доктору, что мама не переживет, если суд отнимет у нее детей, потому что она лишится денег. В этом была

главная выгода, что дети Оли остались в семье. Иначе жить бы им в детском доме. Но было еще общественное мнение, ведь мама долгое время проработала в школе учительницей биологии, была на хорошем счету, ее постоянно приглашали на литературные вечера в библиотеку. Если всплывет неприглядная правда о том, что дети нужны для того, чтобы обеспечить себя стабильным доходом, жизнь поменяет привычное русло. От их семьи отвернутся, станут осуждать. Они больше не получают ни жалости, ни сочувствия. Придется до конца своих дней ходить с опущенной головой, не решаясь смотреть вперед. Ведь только тот факт, что дети Оли остались в семье, примиряли жителей Заозерья с Сулаковыми.

– Кто же мог рассказать Бондареву о Кристине? – попыталась заговорить она о том, что ее сюда привело.

– Вы не говорили об этом с вашей мамой?

– С мамой? – удивилась Наташа. – Уверена, что она расстроится, если узнает.

– Почему?

– Она слишком любит Кристину, поэтому станет переживать.

– Вы думаете, этот человек сможет причинить девочке зло?

Она задумалась. Вряд ли Бондарев способен на такое, но заставила себя кивнуть. Лгать было знакомо и успокаивало, создавая иллюзию защищенности от реальности.

– Конечно, может! Неизвестно, что от него ожидать, ведь

он нам совершенно посторонний. Непонятно, отчего он интересуется? Помощь предлагает! А вдруг у него есть какой-то жуткий план? Мало ли детей без вести пропадает!

Величутин не ответил, и Наташа запаниковала. Доктор на стороне Бондарева? В это не хотелось верить.

– Тимофей Владимирович, вы не согласны?

– С чем?

– Что мы, возможно, подвергнем Кристину страшной опасности, если доверимся Бондареву!

– Кажется, этот человек вам давно знаком, – уклончиво ответил Величутин. – Не нужно отказываться от помощи. Тем более в этом и состоит главная проблема – найти для Кристины хорошего специалиста.

– Но вы же отличный специалист!

Величутин поморщился. Лесть перестала действовать. Наташа испугалась еще больше.

– Наталья Николаевна, мы уже много раз говорили об этом. Вам необходимо найти для Кристины детского психолога. Повторюсь, это необходимо. Вы не сможете игнорировать это требование. Ваша мама как опекун не имеет права это делать. Иначе у нее возникнут проблемы.

– Но что мы сделали? Что сделала мама? Она потеряла Олю, это был страшный удар! Оправиться от этого тяжело. Но она старалась помочь детям, не думая о себе.

– А вы не старались помочь детям?

– Старалась! – с готовностью кивнула она. – Мне прихо-

дилось работать и заниматься воспитанием детей! То есть я хотела сказать, заниматься воспитанием вместе с ней!

Ложь была мучительна, потому что перед Наташей находился опытный врач-психиатр. Наташа болезненно ощущала, что он не верит ей, у него какое-то другое мнение, о котором он не собирается говорить. Ведь на ее вопросы так и не получено ответов. Но она не решалась игнорировать их, боясь усугубить положение. Нельзя допустить, чтобы маму лишили опекунов! Что тогда станет с детьми? Наташу могут заставить взять их себе навсегда, а она совершенно не готова. Она устала! Ей надо побыть одной и обо всем подумать. Она боится снова оказаться рядом с детьми, потому что невероятно стыдно и противно от того, что произошло. В этом есть ее вина, ведь она воспитывала их!

– Но сейчас вы не работаете? – новый вопрос, и она ждалась, будто от холода, хотя лицо горело ярким пламенем.

– Нет, я ушла с работы, когда Кристину поместили сюда. Думаю, что это правильное решение.

Доктор не ответил. В его глазах отражалось строгое неодобрение.

– Но мы не нуждаемся в деньгах! – воскликнула Наташа. – Вы не подумайте, что мы нуждаемся! Папа работает, мама получает пенсию и... деньги на детей. Этого достаточно, уверяю! Мы живем скромно, но у нас все есть. Овощи с огорода круглый год.

– Вы сами приняли решение уйти с работы?

– Мы приняли его вместе с мамой. Кто-то должен быть всегда дома, когда Кристину выпишут.

– А как же ваша мама, ведь она на пенсии?

– Ей надо будет вернуться в деревню. Нельзя надолго оставлять хозяйство. – Наташа совсем запуталась и не понимала, что ее ответы звучат странно и противоречат друг другу. Но не могла признаться, что с работы пришлось уволиться. Смерть Арсения принесла много неприятностей. А признаться хотелось! Трудно найти человека, который действительно поймет и не станет осуждать. Осуждения Наташа боялась. Ей хотелось быть хорошей, доброй, и чтоб об этом все говорили и знали. Величутин понял бы ее переживания, но ему Наташа привыкла лгать. И не видела смысла поменять это именно сейчас.

Когда разговор подошел к концу, Наташа с большим облегчением поднялась с места и даже улыбнулась. Но новый вопрос доктора потушил улыбку, запуская в ее душу еще немного дикой стужи:

– Наталья Николаевна, вы и сегодня не хотите повидаться с Кристиной?

Вернувшись домой, она сразу прошла в ванную комнату и включила горячую воду, намереваясь какое-то время побыть одна.

– Наташенька, а ужин? – послышался из кухни голос мамы. – Я приготовила оладьи, твои любимые!

– Позже, мама! – крикнула она из-за двери срывающимся от слез голосом. Сколько ей было лет, когда она обожала оладьи? Кажется, шесть. И в то время мама не торопилась готовить их, потому что была слишком занята в школе. С тех пор прошло более двадцати лет, и все изменилось. Оладьи давно перестали входить в список любимых блюд.

– Хорошо, тогда я посмотрю телевизор. Начинается моя передача.

Действительно, в комнате монотонно загудел телевизор. Наташа быстро разделась и забралась в ванну, предварительно заколов волосы «клубом». Горячая вода обожгла ноги и спину, но девушка лишь вздохнула и закрыла глаза. Теперь она минут двадцать сможет провести наедине со своими мыслями. Ей было стыдно за свои слова, которые она говорила доктору, будто оправдывалась или что-то пыталась скрыть. Но ведь и скрывать было что. Спасибо Оле! А ведь Наташа хотела быть честной, чтобы к ней испытывали доверие. Она надежный человек, на которого можно положиться.

Но после сегодняшнего разговора с доктором Наташа чувствовала, что близка к оглушительному провалу. И впервые за все время ей захотелось, чтобы Кристину выписали. Уйти от этого места, от этих людей и начать все заново. Уехать в Ригу! Там новые люди, которые ничего не знают о том, что произошло с семьей Сулаковых за несколько лет. Всего каких-то несколько лет! Кто бы мог подумать.

Когда Наташа станет жить в Риге, то никому не расскажет о том, что у нее есть семья. Она одинока. И это действительно правда.

Наташа думала о том, зачем Бондарев приходил. Чем хотел помочь? И почему решил предложить помощь только сейчас? Какой в этом смысл? Оли нет в живых уже пять лет. А еще за три года до этого они с Бондаревым разорвали свое общение. Даже не здоровались. Оля и Наташе запрещала здороваться с ним. Ничего не могло измениться, поэтому встреча с Бондаревым настораживала. Она убедилась, что он настроен серьезно, но не понимала мотива. Это беспокоило, как укус насекомого.

Беспокойство нарастало, от нервного напряжения заболела голова. Хотелось вскочить и бежать куда глаза глядят. Стыд просто выжигал изнутри. Но ведь зачем стыдиться Наташе? Разве Кристина – ее дочь? Разве она в ответе за то, что натворила Оля? Наташа чувствовала себя так, будто просит у всех взаймы, а отдавать нечем. И это становилось невыносимо.

Неужели маму лишат опекуна? От этой мысли стало плохо и безнадежно. И что за причина лишать ее? Мама перестала употреблять алкоголь еще в прошлом году, отец возил ее в Нижний Новгород к хорошему наркологу. Это помогло. Казалось, что мама пережила свое разочарование, которое доставила старшая дочь. Смерть Оли стала для нее облегчением, потому что невыносимо было переживать весь тот позор. Она всегда гордилась ей, а тут было от чего сойти с ума. Оля как с цепи сорвалась. Вечеринки, мужчины и никакой ответственности. Но вот для Наташи смерть сестры стала тяжелым испытанием. Потому что приходилось принимать решения относительно детей, пытаться воспитать их.

Кому они нужны, эти дети, если родная мать никогда не любила их? Наташа сжала губы в тонкую линию, ее затрясло. Они и ей не нужны! В двадцать семь лет она не имеет никакой личной жизни, и только потому, что забота о детях стоит на первом месте. От этого никуда нельзя деться. Невозможно отмахнуться. Дети есть, они еще слишком малы, чтобы остаться без семьи. В горле встал ком, глаза увлажнились. Кристина выйдет из больницы и снова начнется – уроки, готовка, магазины, стирка, чтение книг на ночь, беспокойство о Вите, когда он выходит гулять, переживание за Кристину, если долго не идет с кружка по рисованию, нужно начинать копить на новый велосипед для мальчика и ролики для девочки. И еще новые беспокойства – детский психолог и Вла-

димир Бондарев. И ничего, совершенно ничего для себя.

А ведь она молода и красива!

Отчаяние схватило за горло с такой силой, что Наташа не выдержала и зарыдала. Она рыдала и думала о том, что никогда не выйдет замуж. Для отношений у нее совсем нет времени. Да и особого желания тоже нет. Она так устала от заботы о детях Оли, что ей противно и невозможно думать о том, что она способна родить своих. С годами не появилась сильная любовь к своей жизни, наоборот, претила. Наташа все делала с большим трудом, будто карабкалась на крутую гору. Она каждую минуту ждала, что кто-нибудь освободит ее от непосильной ноши. Но родители больше говорили о своих проблемах, не замечая страданий младшей дочери. Приближается момент, когда Кристину выпишут из больницы и она как ни в чем не бывало снова вернется к Наташе. И именно Наташе придется страдать и оправдываться перед учителями в школе, именно ей придется выслушивать нотации женщин из службы опеки. А потом бегать и искать дополнительных репетиторов, ведь девочка совершенно отстала. И еще неизвестно, помогли ли лекарства, а то действительно придется послушать совета Бондарева и обратиться к психологу. Наташу просто передергивало от отвращения. Он не отстанет от нее, пока не добьется своего. А мама тут же уедет в деревню, ведь там дом, хозяйство, но не забудет перед этим переправить Витю в город.

Но было еще огромное чувство вины. И это еще хуже, чем

просто раздражаться и жалеть себя. Почему все люди способны на любовь к детям, а она ощущает их лишь как обузу? Ведь в чем виноваты Кристина с Витей? Они такие же жертвы, как Наташа, как мама, как папа!

Ничего не помогало. Не могла она изменить отношение. Хотела изо всех сил, но не могла. Любви в душе не было. Само это слово вызывало неприязнь и отвращение. Хотелось просто жить одной в своей квартире! Чтобы никто не звонил, не приходил, ничего не спрашивал! Чтобы больше не было причин бояться и испытывать чувство стыда! Оля еще при жизни создавала много проблем, но тогда было проще. Можно было поговорить, излить душу. Оля все понимала и признавала свои ошибки. Вот только ничего не менялось. А с ее смертью стало хуже.

Наташа тяжело задышала. Бондарев виноват во всем! Это действительно дьявол! Если бы его не было, то...

Наташа закрыла глаза, слушая успокаивающее журчание воды из крана. Надо во всем разобраться, подумать. Что вдруг случилось с ней? Что случилось со всеми ими? Семья перестала представлять собой убежище. Каждый был сам за себя.

Спустя какое-то время она вышла из ванны, нацепив на лицо маску спокойного равнодушия, хотя в груди бешено колотилось сердце. Прошла на кухню и принялась разогревать ужин.

– На улице стало холодно, как осенью. Передают дожди,

как некстати.

Татьяна Анатольевна появилась неожиданно. Смотрела на дочь добрыми глазами и улыбалась, сложив маленькие сухие ручки с идеальными ногтями на груди.

– Мам, хочешь кофе? – спросила Наташа.

– Лучше зеленого чая. Кофе вреден в моем возрасте.

– Хорошо.

– Тогда я выключу телевизор.

Пока мама ходила в комнату выключать телевизор, Наташа заварила чай и налила себе в чашку растворимый кофе.

– Ты знаешь, Наташ, я все думаю о том, что нам предстоит в пятницу. Это огромная ответственность, и нужно как следует подготовиться.

– Ты о чем?

Татьяна Анатольевна всплеснула руками, усаживаясь за стол, напротив дочери.

– Неужели ты уже забыла? Что с твоей памятью! У нас будет гость!

– Ааа, ты об этом.

Наташа тихо ужинала, слушая заботы мамы. Неожиданно Влад Харитонов приедет к ним в гости. До сих пор так и не верилось.

– Конечно, я об этом! А о чем же еще? Нужно много чего купить и приготовить праздничный обед. Потом еще придется готовить на следующий день, ведь я пригласила его на все выходные.

– Не нужно было этого делать, мама.

– Ну отчего же не нужно, Наташенька? Влад – это наш семейный друг! Он муж Люды, пусть даже и бывший.

– Пока нет, – упрямо заявила Наташа.

– Ну, пусть пока нет. Не бывший. Не думай, что я была бы этому рада! Нет и еще раз нет! Мне всегда нравилась Люда. Она была к нам очень добра. А к детям – особенно.

– Давай не будем говорить об этом. Тем более в прошедшем времени, – Наташе было неприятно, она чувствовала приближение опасности.

– Хорошо, давай не будем, но ведь ты всегда любила ее! Вы с ней лучшие подруги, кажется!

– Так и есть. Поэтому мне непонятно, зачем Владу приезжать без нее.

– Опять ты за свое! – покачала головой Татьяна Анатольевна, осторожно беря с блюда кусочек песочного печенья. – В любом случае нужно хорошо встретить гостя. Чувствую, эти выходные будут стоить мне много здоровья.

Наташа не ответила. Она отодвинула от себя пустую тарелку и стала осторожно дуть на горячий кофе.

– Подать тебе молока, Наташа?

– Не нужно. Я хочу черный.

– Не понимаю, почему ты так спокойна!

Наташа отчаянно думала о своем разговоре с доктором, собираясь рассказать о нем маме, но никак не выбрав подходящего момента. Это удручало. Мелькнула мысль о Риге, но

это было слишком смело в том положении, что сейчас находилась Наташа. Слишком много нерешенных проблем. Она не представляла, как и когда станет решать их. А тут еще приезд Влада Харитоновна.

– Мам, как ты думаешь, нужно ли мне позвонить Люде?

– Люде? Но...

– Она же должна знать, что Влад будет у нас.

– Думаю, что он уже сказал ей, ведь вы с ней лучшие подруги.

– Наверно, ты права. Да, в такой ситуации как-то не решаюсь звонить ей.

– Конечно, ведь она потеряла сына. Ее горе велико. Уверена, что сейчас с ней родственники. Она не одна.

– Надеюсь, что так и есть.

– А вот Владу совсем одиноко.

– Мам, ну не начинай!

Мягко попыталась остановить ее Наташа, но Татьяна Анатольевна была расположена говорить только о госте. На ее тонком лице блуждала нежная улыбка.

– Но это так и есть! Бедный мальчик совершенно опустошен и одинок. Люда погружена в свои страдания. Я ни в коем случае не осуждаю. Упаси меня бог! Но не могу не пожалеть милого Владика.

– Как ты говоришь о нем, мама! Раньше я не замечала, что у тебя к нему столь теплые чувства.

– Неужели я не могу быть доброй к нему?

– Можешь!

Наташа поднялась из-за стола и принялась мыть посуду. Подходящий момент не наступал, и от этого становилось печально. Хотелось поделиться, поговорить, попросить совета! Что ей делать со всем этим? Появление Бондарева, болезнь Кристины, осуждение врача! Как справиться, разрешить все, поменять и сделать лучше? Необходимы перемены. И когда она все устроит, то тут же купит билет до Риги! Эти мысли как лекарство и спасение.

– Я вспоминаю, что у Люды всегда было много подруг и родственников. Она каждый месяц покупала кому-нибудь подарок на день рождения. Владик всегда был в стороне.

– Это он от нас был в стороне, мама. Влад не любил, когда мы приезжали.

– Не преувеличивай, Наташенька. Влад просто очень занятый человек. Не шутка же работать главным инженером на машиностроительном предприятии! Все на нем!

– Люда тоже работала, мама.

– В стоматологии обычной больницы. Не смей меня! Сколько она получает там? Пятнадцать тысяч? Или того меньше! Владик главный кормилец в семье.

Наташа поморщилась, поймав себя на том, что снова разговор о Люде происходит в прошедшем времени. Она тут же расстроилась и раскаялась в том, что мало звонила подруге. Они не разговаривали несколько месяцев, Наташа даже не знала, что идут разговоры о разводе. Как все переменялось.

И Влад переменялся. Без колебаний согласился на предложение мамы, а ведь Наташа помнила, как он ненавидел их. Всегда уходил из дома, выдавливая из себя лишь сухое приветствие.

Мир будто перевернулся. Может быть, это не Кристина сошла с ума, а она, Наташа? И это ее надо поместить в больницу. Поэтому люди кажутся странными и враждебными, и выхода не видно из проблем. Она вдруг посмотрела на маму и произнесла:

– Я видела Володю Бондарева. Мы разговаривали.

Повисла пауза. На губах Татьяны Анатольевны улыбка стала чуть напряженной, а в глазах мелькнул испуг. Но, возможно, это только Наташе показалось. Мама выглядела совершенно спокойной, она не удивилась, не расплакалась. Наташе вдруг стало душно, она подошла к окну и распахнула форточку.

– Не застудись!

– Мам, я была очень удивлена увидеть его. Ты не спросишь, о чем мы разговаривали?

– О чем же? – в ее словах не было любопытства, и Наташа разволновалась.

– Он интересовался Кристиной. Я была сбита с толку. Поражена.

– Почему? Володя всегда был хорошим человеком. Несчастный случай, который произошел с ним, совершенно ничего не изменил в нем.

Наташа замерла, на миг потеряв дар речи. Мама не была удивлена и насторожена. Будто ничего не произошло, а Бондарев заходит к ним каждый день.

– Что? Но...

Казалось, что так легко поговорить обо всем. Наташа была совершенно уверена в том, что мама считает Бондарева виновным в гибели Оли. И достаточно одного слова, чтобы вывести ее из равновесия и спровоцировать слезы. А сейчас была поражена тем, что ожидания не оправдались. Мама казалась настроенной благосклонно к Владимиру.

Татьяна Анатольевна вздохнула, грустно улыбнулась, отодвигая в сторону пустую чашку и аккуратно сложив на столе тонкие руки.

– Володя беспокоится, Наташа. И я так благодарна ему за это.

– Ты? Благодарна? – Наташа ничего не понимала и не могла прийти в себя.

– Да.

– Но что он сделал? Он говорил с тобой?

– Да, конечно. Мы долго разговаривали.

– Долго разговаривали? – она решилась присесть обратно за стол, руки дрожали. – Ничего не понимаю. Ты же ругала его! Не переносила!

– Ругала, но это было раньше.

– Раньше? Но я не знала, что ты к нему изменилась!

– Ты же знаешь, как Володя относился к Оленьке. Он не

чужой нам. Он очень хороший, готовый взять на себя часть наших проблем.

– О чем ты, мама?

– Ну... я давно думала об этом. И уверена, что ты меня поддержишь.

– Поддержу в чем?

– Володя одинок, а Кристине нужен отец.

– Я не понимаю.

Татьяна Анатольевна вздохнула немного нетерпеливо. Ей не хотелось объяснять дочери суть своего разговора с Бондаревым, но она понимала, что нельзя этого избежать.

– Как только ее выпишут, Володя будет готовить документы на удочерение. Я не против. Это к лучшему.

Неожиданно ударил гром. Небо совершенно потемнело, его освещали яркие вспышки молний. Дождь полил как из ведра. Наташа вспомнила озеро в деревне, синее и неподвижное, с густыми тенями прибрежных ив. Когда она была маленькой, то боялась купаться в нем, воображая, что в озере живет дракон, который обязательно схватит за ногу и утянет на дно. Оля разделяла страхи сестры, только представляла большую рыбу с твердой чешуей и острыми зубами.

У сестер было много общего. Наташа задумалась. Они любили читать Крапивина и Лидию Чарскую, ненавидели «Алису в стране чудес» и «Путешествие Гулливера». Смотрели фильмы, которые Оля скачивала в интернете. Обожали «Властелина Колец» и «Гарри Поттера». Могли сидеть рядышком и смотреть целый день, периодически бегая на кухню за бутербродами с докторской колбасой и сладким чаем.

Наташа посмотрела на часы. Поздно, пора спать. Она лежала на своей кровати и пыталась выбросить мысли из головы. Но они все равно лезли и заставляли ее вспоминать и напрягаться.

Какой была Оля в шестнадцать лет? Ведь именно тогда она познакомилась с Бондаревым. Немного полной, но это совершенно ее не портило. Энергичная, со стройными ногами и широкими плечами, напоминала спортсменку по пла-

ванию, хотя никогда не занималась этим видом спорта. Короткие светлые кудри волос свободно падали на высокий чистый лоб, придавая еще более очаровательный вид. Движения были как у настоящей женщины – плавные, ласкающие, повелительные. У Оли никогда не было ситуаций неуверенности, как у многих подростков, тревожных размышлений о собственной значимости и терзаний на тему «Зачем меня родили на свет?». Оля жила в гармонии с собой. Красота ее была абсолютной, а также острый ум, исключительная сила воли и легкий взгляд на будущее. Она не знала, что такое одиночество, считая проблемы своих ровесников притворством, желанием привлечь к себе внимание. В ее радужных мыслях будущее казалось ровным горизонтом, где у нее обязательно будет свое место, и то, что она станет делать, оценят по достоинству. Она хотела стать учительницей, как мама. Утверждала, что у нее призвание и огромное желание заниматься именно этим делом. Неудивительно, что Оля и Бондарев стали общаться сразу же, как он появился в их школе. У него был класс шестиклассников, которых он сразу же повел в поход по историческим местам. Ребята прекрасно провели время и полюбили своего учителя. Владимир Бондарев получил огромную долю доверия. Он тоже был красив, умен и энергичен. Отучившись в Московском университете, вернулся в родную деревню, где жили его родители.

Между Олей и Владимиром Бондаревым установились очень теплые, доверительные отношения. Они стали прово-

дить много времени вместе. Читали, смотрели фильмы, разговаривали – ничего интимного, но в воздухе уже витало приближение больших перемен. Когда он впервые поцеловал ее, то уверенность в том, что это именно тот главный человек в ее жизни, окончательно укоренилась.

Никто не удивился. Что можно скрыть в деревне? Никому не пришло в голову поставить под сомнения отношения учителя и ученицы. Конечно, он не был ее преподавателем, но он работал в школе. Там же, где работала и мама Оли. Она радовалась за дочь, предвкушая блестящее будущее с хорошим человеком. Отношения должны были перерасти в категорию идеальных. Негласно планировалась свадьба. Оля отмахивалась, изображала смущение, но была уверена, что счастье непоколебимо. Она строила грандиозные планы.

Наташа сглотнула и прислушалась. Спит ли мама? Вечер закончился напряженно. На ее слова она никак не ответила, хотя скрыть изумления и неприязни не могла. Кристине нужен отец! Но при чем тут Бондарев?

Когда это случилось? Кажется, в конце февраля 2005 года. Уже пахло весной. Птицы по утрам пели так, что не требовался будильник. В это время Оля была особенно счастлива. Скоро ей должно было исполниться семнадцать лет, оставалось всего несколько дней. Владимир обещал свозить ее в Санкт-Петербург, показать мосты и Исаакиевский собор. Он рассказывал о том, что на реке Мойке есть Синий мост, а она смеялась и говорила, что для поездки обязательно купит

синее пальто и синие сапоги. Наташа фыркала и обзывала сестру дурочкой. Действительно, ну не дурочка ли, влюбилась без памяти, да еще какое-то глупое синее пальто задумала купить!

Но такой долгожданной поездке не суждено было случиться.

Перед самым днем рождения Владимира сбила машина. Молодой человек сильно пострадал, но остался жив. Узнать об этом было страшно, жутко и дико. Вся жизнь в один миг показалась бессмысленной. Свет поглотила тьма, будто явившаяся из иного мира. Но в это не верилось. Все были потрясены. Неожиданно птицы перестали петь с утра. А Оля почернела лицом, и ее, будто тонкое деревцо, сломало пополам. А ведь она имела силу воли, которая помогла ей отлично учиться. Но, видно, сила воли годилась только для учебы, потому что в этой ситуации она дала сокрушительный сбой.

Наташа помнила, как они всем классом ездили в городскую больницу, сидели в холле и с ужасом ждали от дежурного врача хоть каких-то сведений. И Оля сидела вместе со своим классом, притихшая и раздавленная. Владимир находился в коме, к нему никого не допускали.

Неожиданно все вскрылось, будто прорвалась плотина, безнадежно затапливая все вокруг. Любовь перестала быть секретом. Об этом шептались, осуждали, жалели, но Оля ничего не понимала, она находилась будто в тумане. Разговоры были безразличны, она этого не боялась. Но родители, по-

трясенные случившимся, испугались за дочь. Она могла не выдержать, покончить с собой. Эти разговоры действительно велись в доме, шепотом. Наташа помнила все от первого до последнего слова. Тогда она не понимала, отчего родители так думают, ведь Оля – сильная личность! Видно, они знали свою дочь лучше, чем она – сестру.

Мама пригоршнями глотала валерьянку, позволяя дочери уезжать в больницу с раннего утра и возвращаться поздно вечером, на последнем автобусе. Она просила Наташу присмотреть за Олей. И Наташа присматривала, но только на расстоянии, потому что боялась подойти и что-то сказать. Да что скажешь? Пожалеешь? Но от этого только хуже. Так тогда казалось Наташе.

Владимир пришел в себя через три дня. Это вызвало бурю радости и крики восторга. Каждый хотел увидеть любимого учителя, но врач строго приказал больного не беспокоить. Подростки возмущались, разочарованно мотаясь по холлу, но уходить не хотели. Упрямо просиживали в больнице часами, не покидая свой пост. Оля всегда садилась на шаткий стул около окна и сидела тихо, как мышка, пытаясь собрать в голове осколки мыслей. Печальными глазами оглядывала больничный двор, не понимая, отчего перевернулся мир, и что она делает здесь. Отчаяние плотно поселилось в ее душе, начиная приносить огромные разрушения. И было жаль синее пальто, которое так и не удалось купить.

– Кто здесь Ольга Сулакова? – резкий окрик медсестры

заставил всех вздрогнуть. Оля подняла руку, как на уроке, не смея вымолвить ни слова. Наташа поднялась со своего места, готовая следовать за ней тенью. – Ты можешь зайти к нему на пять минут. Больше никому нельзя!

Ребята возбужденно загудели, всем хотелось хоть одним глазком увидеть учителя. Они столько дней сидят здесь! Но ни у кого не возникло вопросов, почему именно Сулаковой можно. А она вдруг порывисто поднялась со стула и быстро пошла в палату реанимации, провожаемая завистливыми взглядами. Никто не обратил внимания на Наташу, которая пошла следом. Но она не успела дойти до конца лестницы на второй этаж, как Оля стремительно пронеслась мимо нее в обратном направлении, закрывая ладонью рот. Потом она говорила, что нужно было идти, не останавливаться, но она остановилась, и процесс необратимости начался именно в эту секунду. Время замерло, а затем начало отсчет в обратном направлении. Будущего нет, не может быть. Оно заканчивается на этом пороге, под хлюпающие звуки непонятной техники, которая поддерживает Владимира Бондарева. Он потерял свою силу и красоту. Он стал просто неузнаваем.

Оля не выдержала. Зажмурилась и бросилась вон из больницы. А Наташа за ней следом, не понимая, что происходит. Ей не хотелось догонять сестру, предлагать поехать домой или просто обнять. Будто холодом веяло от Оли, и Наташа не могла решиться. Она боялась, была неуверенна, но упорно выполняла просьбу мамы присматривать.

На улице пахло талым снегом, звонко пели птицы, из-за серых туч проглядывали лучи яркого солнца. Природе не было дела до Олиных страданий. Наташа тяжело дышала и подошла слишком близко, что услышала обрывочные бормотания:

– Так хорошо здесь! Так хорошо! Скоро станет совсем тепло. Закончится школа, не нужно будет учить уроки. Я смогу уходить на речку и читать целыми днями. Отец обещал купить новый роман Коэльо, который я еще не читала. Будем купаться и слушать музыку с подругами. Надо бежать отсюда! Здесь пахнет смертью! Здесь нет счастья!

Мысли Наташи летели, как птицы, будто она распахнула клетку и выпустила их. О каком счастье думала Оля? Сердце замирало, будто за ней гнался преступник, собираясь разрушить окончательно прекрасные мечты. Владимир пришел в себя, ему требуется поддержка. Он звал ее! Наташа не могла понять, почему они здесь, на улице, когда надо возвращаться в палату, ведь врач позволил увидеть его всего пять минут! Она готова была тронуть сестру за руку, но тут почувствовала, что неведомая страшная сила в один миг переломила Олю. Она же разрушила и разметала все, что было до этого важно. До основания.

– Не будет веселого дня рождения! Не будет поездки в Санкт-Петербург! Не будет мостов и реки Мойки! Все кончено. Владимир умер, любовь умерла. Ее убил пьяный водитель, который сшиб его на пешеходном переходе. Ничего не

исправишь и не вернешь. – Продолжала бормотать Оля.

Наташа в ужасе замерла, слыша каждое слово. А сестра будто не видела ее, а может, просто делала вид и шептала специально, чтобы объяснить свои чувства. Наташа не знала, что ей делать. То ли вернуться в больницу, то ли идти на остановку и ехать домой. Но оставаться с сестрой не хотелось. Становилось жутко и окончательно ничего непонятно. А Оля глубоко вздохнула, словно испытала облегчение. Ложное, которое спровоцировало приступ возбужденного веселья. Шаг стал уверенным и быстрым. Мысли девушки путались, начиная походить на психическую горячку. Ощущение близости к смерти ошеломило ее. Владимир мог умереть. Все шло к этому. «Но почему он вернулся? – думала она. – Как смогли его спасти врачи в этой старой никчемной больнице? Он пришел в себя и позвал меня! Его любовь оказалась действительно сильной, он ничего не забыл. Но, господи боже, как он ужасен!».

Олю затрясло в сильном волнении.

Она еще могла вернуться. Могла изменить свою жизнь, исправить свою трусость. Не нужно казаться сильной, можно и заплакать. Люди все понимают. Она упрямо шла вперед. А Наташа плелась позади, смахивая со лба капли пота. Тогда она впервые испытала жуткий, липкий страх и не знала, что делать с ним.

– Оля! Сулакова!

Девушка очнулась, увидев, спешащую навстречу матема-

тичку. В руках она несла две большие сумки с продуктами и лекарствами. Ее тонкие замерзшие руки вызывали жалкое презрение у Оли, но не желание помочь. Математичка стала причиной прорыва злости и отчаяния, оправдания трусости, нежелания смириться. Это оправдание было необходимо, чтобы не считать себя предательницей, спрятаться за непроницаемую стену ярости и лжи.

– Как дела?

– Нормально.

– Как Владимир Романович? Говорят, он пришел в себя!

В близоруких глазах радость, губы морщатся в улыбке. Неужели и правда радуется? Ей-то что за дело до Володи?

– А вы еще не знаете? Он умер!

Злые слова вырвались произвольно. Насмешливо. Математичка ахнула, выронив сумки. По дорожке покатались оранжевые апельсины и крупные желтые яблоки. Видно, их долго и заботливо выбирали в магазине, а потом укладывали в сумку. Женщина всхлипнула, прижав замерзшую ладонь ко рту, и нагнулась, чтобы собрать фрукты. А Оля стояла и смотрела. Ей хотелось пнуть ногой яблоко, раздавить апельсин, чтобы сок брызнул в лицо жалкой и растерянной математичке. Какая она некрасивая, старая, на лице видны полосы тонального крема. Мерзость!

– Оля, что же теперь делать?

Математичка в ужасе сидела на снегу, глядя на неприступную девушку, растерявшую доброту своей души.

– Жить дальше.

– Что с твоим лицом? Тебе плохо, Оля?

– Оставьте меня в покое.

Она развернулась и пошла прочь.

– Оля, не смей замыкаться в себе! Ты не одна! Мы с тобой и поможем, обязательно поможем...

Оля побежала. Она увидела, как к остановке подходит автобус. Главное – успеть! Ей не было важно, куда этот автобус привезет ее, главное, успеть, уехать, чтобы не слышать этот пронзительный голос...

А Наташа, очнувшись от ступора, медленно подошла к учительнице и нагнулась, чтобы помочь ей. Сестру видеть не хотелось. Она не знала, что скажет ей. Не знала, что скажет маме, как объяснит то, что только что произошло. Да она никому и не рассказала об этом.

А сейчас память выбросила перед ней яркие картины прошлого. Было ли это на самом деле? Или только сон?

В комнату вошла мама. Наташа напряглась и не смогла подавить тяжелый вздох.

– Прости, я не постучалась.

– Ты никогда не стучишься, – ответила Наташа, незаметно смахивая с ресниц слезы.

– Я никак не могла уснуть.

– Я тоже не могу.

Татьяна Анатольевна присела на край Наташиной кровати. Они помолчали несколько минут.

– Почему она так поступила с нами, мам? – не выдержала Наташа.

Было совершенно понятно, что разговор идет об Оле. Он должен был состояться давно, но обе они не смели затрагивать эту тему. Татьяна Анатольевна ответила не сразу. Ее голос звучал хрипло, будто она выдавливала из себя слова насильно.

– Она не хотела нам зла, я уверена.

– Ведь сколько было у нее мужчин! Неужели она не могла создать семью и спокойно жить, воспитывая детей?

– Но ведь никого из этих мужчин она не любила.

– Или никто из них не любил ее! Но ведь, чтобы тебя любили, надо полюбить самой! Как можно брать, не отдавая?

– Это все были не те мужчины.

– Тогда зачем они?

– Чтобы заглушить боль и забыть того, единственного.

– Володю?

Татьяна Анатольевна грустно кивнула. Но Наташа была слишком взвинчена, чтобы соглашаться с этим. Из горла вырвался смех, пальцы сжались в кулаки.

– Это смешно! Даже слышать об этом смешно!

– Не вижу в этом ничего смешного.

– Она сама его бросила, мама.

– Оля была молода. Она не смогла перенести ту трагедию, которая случилось с ним.

– Да, он не должен был выжить, раз уж попал под машину,

потому что стал уродлив до безобразия.

– Наташа!

– Но разве не это ее мучило, мама? Она страдала от того, что Володя изуродован! Она не радовалась вместе со всеми, когда угроза смерти отступила. Ее высокомерие и эгоизм не позволяли продолжать любить его таким, каким он стал.

– Это молодость. Оля была слишком молода, пойми!

– Молодость не оправдывает предательство.

– Ты говоришь слишком не те слова. Многие люди расходятся. Это жизненные ситуации.

– Тогда не нужно говорить что-то там про «единственного»! Глупо! Противоестественно!

– Тебе трудно понять ее.

– Я все понимаю. Хотя мне действительно трудно. Но осуждаю ее. А теперь, когда все позади, нам приходится решать сложные проблемы семьи, ты пытаешься впутать Бондарева во все это! Не нужно, мама! Он никто для нас. Он чужой человек. Ты только сейчас сказала, что случаются жизненные ситуации. Люди расходятся.

– Володя нам не чужой, Наташа.

– Правда? Давно ли ты стала так считать?

– Неважно.

– Важно, мама! У Кристины уже есть отец, ты забыла? Он еще не умер.

– Но он лишен родительских прав.

– Все равно. Не надо впутывать Бондарева. Ему и так при-

шлось несладко.

Татьяна Анатольевна ничего не ответила, и Наташу охватил страх, что мама приняла какое-то решение.

– Мама! Что ты задумала?

– Ничего, Наташенька!

– Почему ты сказала, что Кристине нужен отец? Как ты могла такое сказать?

– Но что в этом такого?

– У нее есть отец! При чем тут Бондарев?

– Потому что Володя сам изъявил желание помочь нам.

– Но почему ты хочешь позволить ему удочерить Кристину?

– Потому что Володя очень добр.

Наташа схватилась за голову. Перед глазами все закружилось. Она стиснула до хруста зубы. Хотелось вскочить и зарвать. Отдать девочку чужому человеку? Кровать под ней показалась текучей, как лава вулкана.

– Да пойми, Наташа, что у него есть связи, деньги, просторная квартира, а главное – огромное желание помочь нам воспитать Кристину. Ты не можешь не согласиться, что девочка совершенно отбилась от рук. Что мы станем делать с ней, если лечение не поможет? А вдруг она что-нибудь делает Вите? Ты думала об этом?

Смерть Арсения возникла перед глазами, замораживая дикий порыв защищать Кристину. Укрыть ее и не отдавать Бондареву. Ну а если она больна и захочет убить Витю, ма-

ленького кареглазого Витю, которого с пеленок тоже воспитывала Наташа?

– Я не знаю...

– Конечно, ты не думала об этом. Но мне нужно думать. У меня нет сил и денег, чтобы поставить девочку на ноги. Я не смогу потянуть сложного, больного ребенка! Теперь не получится жить спокойно, как раньше. Замучают проверками, заставят отчитываться за каждую копейку, требуя то врачей, то педагогов.

Наташа хотела запротестовать и ответить, что маме и не надо ее тянуть, Кристина живет с Наташей. И Витя живет с Наташей, просто он сейчас в деревне с папой. Но скоро он вернется, когда ситуация с Кристиной прояснится.

Мысли о Риге и отъезде показались дикими.

Как она могла подумать о том, чтобы сбежать? Без нее мама совершенно спятит и раздаст детей как вещи кому попало. А ведь Наташа заботилась о них, не спала ночами, покупала одежду, игрушки, книги. Не жалела ничего. Да, она мечтала, да и сейчас еще продолжает мечтать об одиночестве. Но это просто усталость и нервное напряжение. Оно пройдет, мама вернется к себе домой и все образуется.

На следующее утро они больше не разговаривали об этом. Мама была весела и деятельна, для нее вопрос с Кристиной был почти решен. Наташа понимала, что она пытается как-то решить сложную проблему, потому что не сможет ничем помочь девочке. Лучше избавиться от опекуна самой, чем его позорно лишат. Никто не смог бы ответить на вопрос о том, почему не сделать так, как говорил доктор Величутин. Найти хорошего детского психолога и помочь Кристине преодолеть трудности. Задуматься об учебе и посоветоваться с учительницей, что лучше сделать для девочки, чтобы она смогла как можно скорее вернуться в школу. Купить много книг, альбомов для рисования, скачать интересное фэнтези и мультфильмы Мидзояки. Были ли так уж трудны и неразрешимы эти вопросы? О них никто не задумывался, поэтому решение не находилось.

Наташа позавтракала и ушла из дома. Она подумала о том, что нужно устроиться на работу. А потом она попробует оформить опекуна над Кристиной на себя. Это будет нетрудно сделать, ведь девочка всегда жила с ней. Только не позволять Бондареву. Да он совершенно спятил! Кровь бросалась в голову всякий раз, когда мысли касались этого человека.

Но куда пойти работать? В магазин? На завод? В сотовую

связь? Наташа не боялась работы, но переживала, что история со смертью Арсения наделала слишком много шума, и ее узнают. Станут презирать и шептаться, а этого девушка не хотела. Был шанс, что все уже утряслось, ведь те пару репортажей напечатали в газетах Нижнего Новгорода. А это будто совершенно другой мир и другие люди. Но ведь с прежней работы пришлось позорно уволиться. Журналисты успели поговорить со многими людьми, которых знала Наташа. Расспрашивали их про ее детство, учебу в школе, друзьях, сексуальных отношениях. И сами не скупились на комментарии о том, как погиб Арсений, и какую роль, по их мнению, сыграла во всем этом семья Сулаковых. Наташа поджала губы, пытаясь вычеркнуть из памяти этот неприятный момент. И снова стало жаль себя. Она-то в чем виновата? Кристину не хотелось отдавать Бондареву, потому что будут еще разговоры. Мама просто вернется в Заозерье, а Наташа останется. И ей придется принять на себя давление общества. Она понимала, что не станет звонить в службу опеки и слезно просить их оставить девочку в семье. Но ей было приятно думать о том, что она возмущена и не позволит Бондареву забрать Кристину!

Наташа зашла в магазин, купила пирожок с яблоками и коробочку сока. Затем побрела в парк и присела на скамейку, намереваясь подумать и прийти в себя. Отключила телефон на случай, если мама вздумает позвонить. Ей не хотелось говорить с ней. Она все же считала принятое решение

по отношению к Кристине чудовищным. Можно было придумать что-то другое. Очередную больницу, например. Мало ли их в Нижнем Новгороде? Откусила кусочек пирога и мрачно задумалась, пытаясь разобраться и понять, когда начались беды и несчастья их семьи.

...Возможно, у Оли тот год был слишком напряженным. Она погрузилась в учебу, отлично успевая по всем предметам, готовилась к ЕГЭ, еще короче обстригла волосы. И только Наташа знала, как сестра металась и редела в своей комнате, собиралась все бросить и уехать из деревни, где каждый знал, что происходит, и осуждающе молчал, провожая ее взглядом. Олю все тяготило и сводило с ума. Она не думала о том, что спасение рядом, надо лишь пойти к любимому человеку и быть с ним, держать за руку и обещать, что они справятся со всем вместе. Он не виноват в том, что произошло, и это счастье, что остался жив. В этом убеждении крылись сила и успех. Но Оля злым упрямством загоняла себя все глубже в черное болото безысходности, обвиняя весь мир, что все неожиданно разладилось. Визиты к Владимиру закончились после позорного бегства из больницы. Она отчаянно защищалась от настоящего, которое неизбежно надвинулось на нее, и которого она не хотела.

Наташа не могла помочь сестре, которая отгородилась ото всех. Стала нервной, непредсказуемой, жестокой с близкими, насмешливой. Она лютой ненавистью возненавидела математичку, которая активно собирала деньги на лечение Вла-

димира. Металась, пытаюсь устраниваться, но завидуя той жизни, которая шла параллельно ей. Она не хотела помощи, не желала советов. Но, возможно, ей нужно было выспаться, а на утро встать прежней, полной сил. Обстоятельства загоняли ее в это самое черное болото, где Оля замыкалась в границах времени. В мыслях она была с любимым мужчиной, ласкала его, ухаживала за ним. Ей снились потрясающие сны, и она просыпалась в слезах, готовая бежать к нему и на коленях вымаливать прощение.

Это был порыв. И Наташа знала о чувствах сестры. Наблюдала, слушала и не одобряла. Но понимала и со страхом осторожно благодарила бога, что такое горе приключилось не с ней.

А Оля вытирала слезы, надевала на лицо маску хладнокровия и шла в школу. Ее терзала и мучила гордость, глядя на измученную, но счастливую математичку. Но она не хотела опускаться до уровня просьб и собирания денег с посторонних людей, которым было все равно, они испытывали лишь жадное любопытство. Им хотелось досконально изучить внешность человека, который совсем недавно был успешен и красив. И Оля считала, что математичка мерзкая, и унижительно собирать жалкие гроши с учеников и прохожих на улицах. Она не верила в добрых людей. Да и чем могут помочь эти несколько сотен рублей, если на лечение требуются тысячи? Оля собиралась держаться от всего этого в стороне. Она любому случайному обстоятельству уделяла вни-

мание, переворачивая с ног на голову, отрицая сострадание, помощь, заботу. Она пребывала в состоянии какой-то опасности. Мышцы были напряжены, под глазами пролегли тени, сердце то замирало, то билось, как сумасшедшее.

Если бы мама в то время заглянула своей старшей дочерью в мысли, то пришла бы в ужас. Девушку безоговорочно отвели бы к врачу, потому что здесь определенно требовалась медицинская помощь. Наташа не могла вмешиваться. Она была слишком испугана переменой в сестре, ее метаниями. И помощи оказано не было. Оля тоже, как и Владимир, подверглась необратимому разрушению. Только процесс происходил внутренний, жестокий и болезненный. Он ломал внутренности, гнул, выворачивал кости, жег каленым железом мозг и сердце.

К окончанию учебного года Владимира выписали из больницы. Он не стал прежним. Один глаз почти закрылся, потому что щека была обезображена грубыми шрамами, которые пересекали ее от брови до самой шеи. Походка стала медленной, он сильно хромал на левую ногу, неуклюже отставляя ее в сторону и опираясь на палочку. Речь нарушилась, стала невнятной, медленной, временами Владимир заикался, пытаясь произнести длинное предложение. Слова стали для него сложными, труднопреодолимыми препятствиями. На его глаза наворачивались слезы, когда он волновался и не мог побороть эту слабость, волновался еще больше. Все вокруг были счастливы и кричали: «Ура!», когда Бондарев

появился во дворе школы. И Наташа радовалась и кричала. А Оля убегала, пряталась по углам, рыдала от злости и несправимости положения. Она не могла пересилить отвращения. Не могла видеть его, мечтала очистить свою память. Ничего не было! Никаких обещаний, признаний и поцелуев! Не было планов! Не было мечты! Сон, который закончился. Оля говорила Наташе, что у них с Бондаревым никогда не было близости. Она часто заикливалась на этом, подчеркивала, что сохранила девственность, и смеялась. Смех переходил в злобу и хмурое молчание. Оля бросалась на кровать и делала вид, что спит. Изменить ситуацию она не могла. Бондарев казался ей отвратительным, пересилить это отвращение было невозможно. Понимание своей трусости усугубляло ситуацию.

Наташа боялась за сестру в минуты ее метаний и перепадов настроения от звонкого смеха до злого молчания. Она знала, что Владимир не мог понять, что происходит. Он спрашивал о ней у всех посетителей, когда лежал в больнице. Но никто не мог ему ничего ответить, пожимали плечами, разводили руками. И Наташа не могла. Ей было невероятно страшно и стыдно. Она ловила на себе тяжелые осуждающие взгляды учеников и сильно переживала. Что она могла сделать? Как объяснить всем, что Оля тоже страдает? Возможно, она пострадала сильнее Владимира. И восстановить разрушения, произошедшие в ней, невозможно. Все становилось только хуже.

Наступил момент, когда Владимир Бондарев смог выйти из больницы, и он стал искать встречи с той, кого продолжал любить. Они с Олей несколько раз сталкивались на улице. Она опускала голову и бормотала что-то про учебу и про то, что не хватает времени. Он пытался что-то сказать, но волновался и замолкал. В его глазах блестели слезы, губы дрожали, но он с силой сжимал их, пытаясь улыбнуться, не показывая ей своего отчаяния и бессилия что-то изменить. Попытался взять ее за руку, но Оля отскочила от него, тяжело дыша. Смутилась, занервничала еще больше, но в глазах Владимира не увидела обиды, лишь понимание. И ее трясло от омерзения, она не могла больше находиться рядом, видеть его добрые глаза. Ей не хотелось его любви. Не хотелось понимания, помощи от него. Ей хотелось, чтобы он исчез, чтобы его не было.

Оля ощущала невероятный стыд от своих мыслей и от страха, что их увидят вместе. Она жаловалась Наташе, выдавая долгие монологи, пытаясь убедить ее в том, что вовсе перестала думать о Бондареве. Страшная многословная ложь.

А потом была серьезная подготовка к экзаменам, которая действительно отвлекла от сумбура в мыслях. Оля оканчивала школу и готовилась поступать в ВУЗ. Родители радовались и уже предвкушали торжественное вручение красного диплома. Разрыв двух влюбленных перестал быть новостью номер один, не так будоражил нервы. Оля успокоилась. Ей казалось, что она выкарабкалась, победила.

Он пришел в школу на ее последний звонок с букетом белых роз. Все расступились, здоровались, улыбались, спрашивали, как дела. Вся школа, от учеников до учителей, гордилась тем, что Владимир Бондарев смог встать на ноги, что все помогали, никто не остался в стороне. Поэтому его выздоровление – общая заслуга. Оля будто окаменела. Ей некуда было бежать. Она стояла в окружении одноклассников в школьной форме времен СССР и чувствовала, как заливаешься краской невыразимого стыда. Когда он подошел совсем близко, чтобы вручить букет, из нее вырвался гневный шепот:

– Зачем ты пришел? Тебе нельзя так далеко ходить!

Она знала, как ему тяжело, и он старался быть сильным и сохранить отношения, от которых все еще не в силах был отказаться несмотря ни на что. Он старался выжить, но Оля не могла найти в себе слова нежности и поддержки, хотя бы дружеской. В один миг она забыла радость, доброту и сострадание. Видела, как Владимир растерялся от ее грубости, заговорил, пытаясь четко и правильно произнести слова поздравления. И совал ей в руки букет. Она не брала, отвернувшись, и делала вид, что больше ничего не замечает. Он был жалок и бессилен что-то изменить. Это был конец. Неотвратимый и разрушительный.

Ситуацию спасли шестиклассники. Они вдруг шумно откуда-то прибежали и обступили своего учителя, оттесняя Олю и ее одноклассников, громко рассказывая о своих пла-

нах на лето и вспоминая легендарный поход. Наташа стояла поодаль, покраснев от ужаса так же, как и ее старшая сестра. Она видела, как та поспешно скрывается за углом школы. Подлю, трусливо. И это видели все, кто еще стоял потрясенный. А Оля бежала до дома не оглядываясь, как будто ей угрожала опасность. Она ворвалась в свою комнату, бросилась на кровать и закрыла голову подушкой. Дышать было тяжело, но мысли постепенно приобретали какое-то направление. В один момент она изменила свой жизненный путь, оставив позади любимого человека. Теперь он не должен играть никакой роли. И это было невероятно. Прошлого больше нет! Она от него закрылась подушкой и представляла, будто сможет переписать все с чистого листа. Любовь преобразилась и виделась по-другому, обнажая уродливые очертания. Оля страдала. Она отгоняла от себя воспоминания, которые ужасно мучили ее, убеждала себя, что Бондарев умер. Но боялась, что он станет искать встречи с ней, и в какой-то момент она не выдержит, бросится к нему в объятия и станет молить о прощении. Но ведь Владимир стал совсем другим человеком. Его внешность потеряла привлекательность, стала отталкивающей. Он поступил в унижительную категорию инвалидов. Оля не хотела анализировать то, что была более восприимчива к эстетическим ценностям. Ее пугали собственный страх и неумение справиться с ситуацией.

Еще совсем недавно она надувалась от гордости, потому что у нее лучший парень. И такая любовь, которая бывает

только в классической литературе, от которой мурашки по коже. Ничего не предвещало беды, но Оля понимала, что всегда была слишком наивна и самоуверенна. А что теперь? Повзрослела? Или просто сломалась! Удар пришелся туда, куда не ждали. Где-то в глубине сознания билась совершенно другая Оля, прежняя. Она кричала, умоляя исправить страшную ошибку и не отталкивать любимого человека. Но эта мольба таяла за глухой стеной липкого страха. Не было объяснения, отчего она вдруг от всего отказалась. Страх и стыд – дикие звери, гнали ее, как зайца. И она бежала, не разбирая дороги.

Наташа слышала по ночам, как сестра бессвязно бормотала:

– Я не могу лицемерить! Он другой! Я не люблю этого человека! Тот, кого я любила, – умер! Я не поступаю плохо, потому что поступаю честно. Тем более он, наверно, скоро умрет, потому что нельзя же жить долго, имея такое уродство! А я молода, говорят, что красива! Это уже не мой путь! Мой Володя умер, а это совсем другой человек! Я его не знаю, и я его не люблю!

Остатками воли Оля боролась с паникой, которая нарушила сон. В теле слабость и апатия перекликались с адреналином, который постоянно вбрасывался в кровь потоком одних и тех же мыслей. Это был замкнутый круг. Измучив себя, Оля стала испытывать раздражение, которое переросло в ненависть к Владимиру. Она стала желать ему смерти,

думая, что для нее это будет избавлением. Никто тогда не посмеет осуждать ее. Ее станут жалеть! И пропадут страх и муки совести.

Одноклассники действительно вели себя отстраненно, а шестиклассники открыто хамили и бросались мусором. Наташа как родная сестра тоже попала в эту волну всеобщей неприязни. Обижалась и молча протестовала, считая происходящее несправедливостью. А Оля ничего не понимала. Она боялась одного – что Владимир снова подойдет и попытается заговорить.

Но этого не произошло.

Владимир больше никогда не подходил. Более того, она перестала его видеть. Поговаривали, что он уехал и никогда не вернется...

Наташа доела пирожок и допила сок, выбросив пустую коробку в урну. Потом поднялась со скамейки и медленно побрела по дорожке парка. Воспоминания призывали к действию. Уже нельзя было оторваться от этих мыслей, хотя они были обрывочны, без какой-то отчаянной прямоты, завуалированы. Будто сон, основанный на реальных событиях: что-то – правда, а что-то – домыслы. Наташа мрачно понимала, что правда никуда не делась, а она просто пытается обелить сестру. Перед собой оправдывает, ищет зацепки, чтобы объяснить странные, чудовищные поступки.

Оля отталкивала Бондарева, ненавидела его, боролась с чувствами к нему. Так отчего мама решила, что Кристина

должна жить именно с этим человеком? Разве будет справедливо и правильно? Опять она на стороне сестры! Корит Бондарева за то, что он был предан и забыт, уничтожен. Когда Оля требовала, чтобы Наташа не здоровалась с ним, та соглашалась беспрекословно, хотя чувствовала несправедливость. Но вникать не хотелось, хотелось убежать и спрятаться.

Что было потом?

...Новая жизнь началась не с понедельника, а с четверга, потому что в среду были сожжены остатки мостов. Июньским солнечным днем, стоя в большом зале городской администрации в шикарном вечернем платье кораллового оттенка, Оля Сулакова задумалась над тем, о чем запрещала себе думать. Наташа стояла поодаль в простом сером платье и понимала, что жизнь ее отныне изменилась тоже. Причины не были ясны, но грозные тучи уже накрыли их головы.

Низенький, без шеи, мужчина плотного телосложения, одетый в черный, идеально отглаженный костюм, действующий мэр, вручал золотые и серебряные медали выпускникам. Медалей было всего четыре по району, три серебряные и одна золотая, Олина. Мэр смотрел на девушку с холодным вниманием и долго тряс ее руку, затянутую в гипюровую перчатку, желал успехов в дальнейшей учебе и призывал не забывать родную деревню, возвращаться обратно.

– Учитесь, получайте дипломы и возвращайтесь в родные места. Обещаю всем специалистам работу и жилье! Молодые и энергичные нам сейчас крайне необходимы!

Он смотрел в лицо Оли, но обращался ко всем. И гости улыбались, лишь одной Наташе было совсем не весело. Карие глаза Оли смотрели внимательно, но где-то совсем ря-

дом таилось холодное равнодушие. Она снисходительно кивала, обещая обязательно вернуться. Искала в толпе гостей силуэты мамы или отца, но постоянно натыкалась взглядом на Наташу и хмурилась. Родители стояли прямо перед ней, но она не видела их. И не было ожидаемой радости. Все потухло.

Наташа понимала, отчего сердита сестра. Вечером произошел разговор с мамой, о котором никто не должен был знать. Наташа услышала не все, о чем говорилось, но достаточно, чтобы сделать определенные неутешительные выводы. Она подозревала, что вновь соединить Владимира и Олю невозможно, процент успеха невелик. Но надеялась. Ей хотелось, чтобы все наладилось, успокоилось, она боялась странного положения, в котором неожиданно оказалась вся семья. Подруги отстранились от Наташи, и она обижалась. Она-то в чем виновата? Но не смела подойти к ним и объясниться, стыд за поступок сестры еще был свеж, как рваная рана.

И этим вечером все встало на свои места. Вернувшись домой, Наташа была расстроена. Она не хотела ни с кем разговаривать, поэтому потихоньку пробралась в их с сестрой комнату и легла на кровать, прихватив с собой плеер, чтобы послушать музыку и пострадать всласть. Из кухни слышались приглушенные голоса, к которым сначала не хотелось прислушиваться.

– Говорят, он пошел на поправку. Такой молодой... жаль его. Ну, что ты молчишь?

Наташа насторожилась, представляя сестру, как она стоит у окна и хмурит лоб.

– Не таись, доченька, я же вижу, что ты его не разлюбила!

На этом моменте Наташа отложила в сторону плеер и шмыгнула носом. Ей было жаль Олю, жаль маму, да и себя жаль! Авария, произошедшая с Владимиром, изменила их жизнь. Кто бы мог подумать? Бесчисленные сожаления и уговоры не помогут. Она хотела пойти к ним, обнять! Но неожиданный возмущенный ответ сестры остановил ее:

– Ты о чем говоришь, мама? Мне скрывать нечего. Мы с Владимиром Романовичем просто друзья. Не слушай сплетни!

– Сплетни?.. Но ты же сама говорила, что любишь...

– Теперь не говорю.

– Завтра торжественное вручение диплома. Ты единственная золотая медалистка в районе. Наверное, он захочет прийти и поздравить тебя.

– Глупости!

– Пусть приходит! И ты к нему ходи, Оленька! Если из-за меня таишься, то не надо. Владимир – хороший человек.

Наташа затаила дыхание, потому что вдруг жалобно скрипнул стул, будто его резко отставили в сторону. Она быстро спрыгнула с кровати и выглянула из двери. Оля, красная от стыда и гнева, ходила по кухне, а потом дерзко взглянула на притихшую маму и закричала:

– Да не сходи ты с ума! У нас ничего нет! И не было! И не

могло быть! Он старый для меня, к тому же не в моем вкусе! Мы просто друзья, как и все остальные! Он же со всеми дружит, мама! Мне его тоже жалко! Я обязательно пожертвую сто рублей математичке, чтобы она передала ему на лечение! Я как все! И как ты могла подумать? Ты все напутала, мама! Когда я говорила о любви, то это было не про него! Я не в него была влюблена, а в другого Владимира! Ты его не знаешь! Да и вообще я просто пошутила! Это же математичка влюблена в Бондарева! Да-да! Она по нему с ума сходит! Об этом все знают! Поэтому и деньги собирает на лекарства! Она меня даже ревновала... Потому что я молодая и красивая, а она... как это говорят, последний шанс? Вот пусть и подбирает сейчас то, что осталось!

Наташа отшатнулась, приложив ладонь ко рту, чтобы не вскрикнуть. Сестра слишком далеко зашла в своих словах. Хотелось подойти к ней, залепить пощечину, чтобы приказать не становиться подлой. Сестра всегда была для нее образцом поведения и отношения к жизни. Наташа принадлежала ей всей душой, пытаясь подражать склонностям и вкусам. Но вот сейчас возникли сомнения, которые принесли боль.

– Завтра начинается моя новая жизнь, мама! Завтра!

– Но ведь где ты лучше-то найдешь, Оля? Володя и образованный, и деньги у него есть! Машину скоро купит.

– Да что он купит? Только кресло инвалидное!

– А вдруг еще поднимется, а?

– Ты его просто не видела, мама! Никогда он не поднимется!

Наташа потихоньку вышла на улицу. В этот миг разбились ее надежды на то, что все будет хорошо. Она не видела того, как Оля закрылась в комнате и стояла у стены с широко раскрытыми глазами и страшной застывшей улыбкой, заставляя себя вспоминать подробности из прошлой счастливой жизни, причиняя себе нестерпимую боль. Наказывая себя за то, что делала сейчас. Долговечность «нестерпимой боли» определена и готова поражать. Оля была уверена в том, что пронесет эти страдания всю жизнь. И восхищалась своим героизмом. Владимир занимал много места в ее душе. Он изменил ее к лучшему. Его необъятный внутренний мир поражал и восхищал ее. Он помогал ей, поддерживал, закрывал от неприятностей. Все брал на себя, но убеждал, что это она борется. Поэтому с ним она была сильной. И ложная самоуверенность в том, что эта сила продолжает биться в ней и направлять, затопила Олю. Она говорила себе, что Бондарев умер, а его место занял урод, который смешно отставляет ногу в сторону, когда ходит, и плохо выговаривает слова, когда волнуется. Это было очень важно для нее. Так важно, что отошли на далекий задний план необъятный внутренний мир, восторг и желание стать лучше. Она сжималась, будто от ударов, когда пыталась говорить себе правду. Ведь где ее сила? Она испугалась, струсила! Оказалась зависима от малодушия. Представляла, как будет идти с Владимиром по

улице, а люди станут оглядываться, шушукаться и показывать на них пальцем. Дети будут дразнить его и смеяться, а ей придется терпеть. Делать вид, что не обращает внимания.

Она не хочет этого! Пусть оставят ее в покое! Красавица и Чудовище – сюжет для фильма. В ее жизни все по-другому.

А в тот четверг новой жизни, когда вручали диплом по окончании школы, кружилась и болела голова. Потом дарили цветы. Оле сунули в руки букет из белых лилий. Она улыбалась и щурилась от вспышек фотоаппаратов и мобильных телефонов. Очарование важного дня померкло. Однообразен и сер мир вокруг, поневоле станешь такой же серой и однообразной. Побуждаемая какой-то чувствительностью, Оля не переставала думать о Владимире, тайно надеясь, что он придет. Хотелось, чтобы он увидел ее красивое платье, прическу, красный диплом! Наташа хмуро глядела на сестру и стеснялась мыслей, которые без труда читала в ее глазах. Оля предавалась фантазиям, что он стоит за дверью и смотрит на нее в замочную скважину, обливаясь слезами от сильной боли, которую ему причиняет любовь. Она рассеянно отвечала на поздравления, недовольно оглядывая зал. Почему он не идет? Ведь на ней это прекрасное новое платье, делающее ее невероятно сексуальной. Она похожа на Мерилин Монро! Он должен увидеть, что потерял! Отчаянно сжимала в ладони коробочку с медалью, которая была частичкой мира, который разрушился, подавляемый неизвестной темной силой.

Среди учителей не было математички. Хотелось и ее пред-

ставить, подглядывающей в замочную скважину. Оля мрачнела, понимая, что разочарована и от этого почти больна. В этом зале не было людей, которых она действительно хотела видеть.

Наташа не обняла сестру, которая даже этого не заметила. Они вышли на улицу и остановились, поджидая машину, которую пошел ловить папа.

– Оля! Сулакова! Поехали с нами! – крикнула серебряная медалистка из ее школы Виленская. Она стояла, окруженная знакомыми ребятами, и улыбалась. Это была высокая нескладная девушка с длинными руками и мальчишеской стрижкой. У нее был большой рот, и когда она улыбалась, обнажались кривые, некрасивые зубы. Платье висело на ней мешком, но глаза светились счастьем и предчувствием больших перемен. Виленская собиралась подавать документы в педагогический институт и считала большой удачей, если ее примут. Такая обычная и счастливая.

Наташа покосилась на сестру. Та ядовито скривилась, изображая ответную улыбку, и отрицательно покачала головой. Она завидовала Виленской, завидовала ее счастьем и легкости. Отчаяние подошло близко к горлу, и Оля тяжело задышала.

Церемония награждения закончилась, и как-то незаметно пролетело время, будто мимо, сумбурными мазками отложившись в памяти. Оля мечтала быть сегодня самой красивой, искренней, чтоб от ее улыбки разлетались солнечные

брызги. Хотелось обнять девчонок и углубиться в смешные школьные воспоминания, наделать множество совместных фотографий. Но она стояла истуканом и ничего не делала. Страдала от того, что счастье пролетало мимо, над головой, задев своим разноцветным крылом лишь Виленскую. Она хмуро смотрела, как ребята фотографируются и смеются. Не менее счастливые и возбужденные успехом своих детей, родители спешили вслед за своими чадами, предлагая помощь и раздавая советы, как нужно встать.

Оля застыла на месте. Наташе хотелось уехать. Она собиралась толкнуть сестру, чтобы выбить ее из мрачного ступора, в котором та оказалась. А та смотрела на ребят и страдала. У нее ничего нет! Совершенно ничего! И даже фотографий, где она должна стоять в первых рядах, блистая своей красотой, не будет. И тут мама обняла обеих своих дочерей за плечи и повела к машине, где ждал папа. Оля устало передала ей букет.

А дома был накрыт стол, в холодильник убрана бутылка шампанского. Оля переоделась в домашний халат, смыла с лица косметику. Оттопырив нижнюю губу, тщательно выбрала себе на тарелку кружочки ветчины и сыра, положила большую горку оливье и кусок жареного мяса, налила шампанское в бокал. Только себе, не обращая внимания на молчаливые взгляды семьи. Затем ушла в свою комнату и больше за весь вечер не выходила. Праздник сильно смахивал на похороны. А Наташа тогда не смогла скрыть обиду и, пожав

плечами, пробормотала:

– Я не понимаю ее. Зачем делать вид, что все так плохо? Ведь в итоге получилось так, как она хотела!

– Ты о чем? – спросила мама.

– Бондарев не пришел. Она же всем твердит, что не хочет его видеть.

Отец собрался и ушел из дома, сказав, что нужно на работу. После его ухода наступила тишина, наполненная еле слышными шорохами. Мама сидела, опустив голову. Наташа придвинула к себе тарелку с салатом и стала есть, не обращая ни на что внимания. И в последующие годы ей много раз приходилось пересиливать себя, чтобы не показать истинных чувств. А чувства совсем притупились, заржавели. Нужно было еще тогда возмутиться, прекратить это безумие, но никто не знал, что зайдет так далеко.

В парке было хорошо. Наташа медленно ходила по узким дорожкам, обходя редкие лужи и с наслаждением вдыхая чистый воздух, наполненный ароматами свежей зелени. Прогулка стала откровением. Оказывается, она ничего не забыла. Сегодняшний день располагал к размышлениям. Завтра пятница, приедет Влад. Мама права, необходимо подготовиться, тщательно собрать нервы в кулак. Ведь он не просто так приедет. У Влада есть цель, и, скорее всего, он станет интересоваться прошлым Оли, потому что она была биологической матерью Арсения. Поэтому надо сейчас все обдумать и тщательно уложить на самые дальние полки куски воспоминаний, закрыть дверцу, а ключ выбросить.

Что еще Наташа помнила о том времени?

Она видела, как сестра разорвала на мелкие кусочки письмо, которое пришло из Нижегородской Академии Водного Транспорта в конце июля. Там говорилось, что девушку приняли и с нетерпением ждут в своих стенах первого сентября. Но нужно ехать в Нижний Новгород, чтобы подать документы и написать заявление на общежитие. Оля с упрямым равнодушием разорвала письмо, ничего не сказав о нем родителям. На младшую сестру она совершенно не обращала внимания. Будто нет ее. Наташа понимала, что Оля решила никуда не ехать. Но было безумно интересно, а что дальше?

У Оли планы на другой ВУЗ? Или она станет работать?

Из обрывочных разговоров Наташа поняла, что сестра целенаправленно сжигает мосты. Ведь мечты о большом городе, институте – это из прошлого, из того самого прошлого, где находился Владимир Бондарев. Когда-то они вместе строили планы, подбирали ВУЗ для Оли, готовились к экзаменам. Он помогал, доставал книги, ссылки на видео, хотя девушка и сама прекрасно справлялась. Но ей было приятно принимать от него помощь и заботу. Владимир убедил ее поступать именно в Академию, считая, что у Оли способности к математике и физике. Она с восторгом слушала его. В то время они были неразлучны, но теперь Оля убивала все, что связывало ее с этим прошлым, жестоко рвала тонкие нити. Она безжалостно вычеркивала из памяти сюжеты о том прекрасном времени, которое провела с этим человеком. Большое воображение рисовало его жалким и беспомощным. Это провоцировало волну отвращения. Чувство было таким сильным, что Олю тошнило, и она плохо спала по ночам. Она ощущала себя больной и не знала, как прекратить это. Адреналин будоражил внутренности, и она постоянно находилась в состоянии тревоги. Иногда у нее случались короткие вспышки радости, на мгновение освещающие ее душу. В такие моменты она бросалась собирать вещи, ей хотелось поскорее оказаться на станции, купить билет. Ведь еще не поздно повернуть назад! Необходимо ехать учиться! И чего она надумала себе? Какие-то глупые, вздорные мыс-

ли, упрямое желание погубить себя! Глаза Оли загорались огнем, сердце начинало биться быстрее от предчувствия скорых перемен. Она поедет учиться в Нижний Новгород, снова станет читать книги, ходит в театр, в кино, заведет новых друзей! Ведь она никогда не была в большом кинотеатре! Не видела парки и фонтаны, которые есть в большом городе. Не посещала большие библиотеки! Не перекусывала в Макдоналдсе! Не покупала одежду в больших торговых центрах! Надо сделать исправления в своей печальной судьбе, в некоторых местах, от которых возможно получить толчок, чтобы забыть плохое и начать жить. Просто жить!

Но вспышка гасла. Оля замирала и останавливала себя. Видела мечты невозможными, ненужными. От этого испытывала новое катастрофическое потрясение, пыталась найти виновных в своем надуманном горе. И виновный находился. Всегда один и тот же.

Владимир Бондарев.

То, что когда-то хотел видеть в ней он, с жестоким упорством она ломала. Все перепуталось. Оля не могла разобраться в своих чувствах. Приступы отчаяния и ненависти становились все острее.

Поздними вечерами она выходила на улицу и в одиночестве обходила деревню. Ей не хотелось компании. Волосы стягивала резинкой на затылке, одежду подбирала, чтоб висела на ней мешком. Обычно майки только подчеркивали округлость ее форм, привлекая внимание мужчин. Но не

теперь. Она изменилась. Вроде бы не похудела, но словно высохла, ей было всего семнадцать, но она чувствовала себя старухой. Лицо осунулось, глаза горели в лихорадке, губы презрительно изгибались. Голова болела, и от этого было еще мучительней.

Оля не желала взглядов и восхищений. Она замкнулась в огненном кругу болезненных мыслей. Ей хотелось раствориться в воздухе, стать невидимой, полететь на небеса. В душе копился гнев против самой себя, мозг пульсировал, выбрасывая в кровь сознание, что она подлая предательница. Страх сковывал мышцы.

А потом появился Евгений Куимов, 31-летний водитель такси. Однажды он заявился к ним в дом, волоча за собой зареванную Олю, и потребовал от родителей платы за то, что только что спас девочку от суицида. Мама чуть не упала в обморок, отец стоял, будто громом пораженный. Они ничего не понимали, но заплатили таксисту «за помощь». Оля ничего не отрицала. Умылась и ушла к себе в комнату. Бросилась на кровать и заснула мертвецким сном. Но родители долго не могли успокоиться. И Наташа на протяжении всей ночи слышала их встревоженный шепот.

О дальнейшей жизни своей старшей сестры Наташе было известно мало. Оля вдруг разлюбила возвращаться домой. Монотонность телевизора, слабый, но ощутимый запах сырости, не уютность и холод дома сводили ее с ума. Силуэт испуганной мамы всегда возникал на пороге ее комнаты, как

привидение. Она ждала откровений. Но в такие минуты Оля бежала из дома вон. И не скоро возвращалась.

Наташе было пятнадцать лет, и она быстрее адаптировалась к переменам в семье. В августе уехала с классом на две недели в спортивный лагерь. А когда вернулась, то перестала обращать внимание на происходящее. Оля больше не пугала ее своим поведением. Ее почти никогда не было дома. Она возвращалась, когда Наташа уже спала. Они изредка пересекались днем, но не разговаривали.

Потом наступила осень, школа. И Наташа выпала из круговорота Олиных проблем. Но однажды ночью она проснулась от криков сестры. На кухне горел свет, он пробивался сквозь приоткрытую дверь. Видно, там происходил серьезный разговор. Она не могла разобрать тихих слов мамы, но голос Оли звучал более чем отчетливо:

– ... Я ему говорю: «И это твоя девушка? Вот это худое пугало? Посмотри на нее! Свитер на три размера больше, подчеркивает, что и так очевидно – она плоская, как доска! Зубы ужасны! Кривые и острые, как у пирании! Ты смог бы с ней целоваться?». И он ничего не ответил!

Наташа поняла из резких выражений, что Оля на какой-то вечеринке встретила с бывшей одноклассницей Виленской. Та была с парнем и вполне счастлива. Она сдержанно поздоровалась и поинтересовалась, куда Оля подала документы. Это было равносильно оскорблению, потому что документы никуда не были поданы. А самое обидное было

то, что Виленская оказалась уже не такой, какой была в школе. В ней появились взрослая серьезность и женственность, она с любовью смотрела на своего парня и гордилась университетом, куда поступила. Это обстоятельство взбесило Олю. Ведь когда-то Виленская отставала от нее и по красоте, и по уму, медаль-то получила серебряную всего лишь. А теперь оказывается, что она на высоте, а Оля где-то внизу, у ее ног. Оля кричала, плевалась ядом, рассказывая маме какие-то подробности вечеринки, а в голове у нее ширился и распухал все тот же непродуманный план мести. Оля не знала против кого этот план. Сначала он был против Бондарева, теперь против Виленской.

Мама пыталась ее успокоить, боясь, как бы дочь снова не попыталась броситься под машину неизвестного таксиста. Она еще не знала того, что знала Наташа. Оля и Куимов встречались. Она их много раз видела в машине за деревней, когда ходила с подругами прогуляться.

Оля продолжала ругаться, не находя ответов на свои вопросы. Еще на вечеринке щедро заливая свои горести вином из коробки. Но не могла расслабиться, стать веселой.

– Она рассказывала о том, что чувствовала, оказавшись перед приемной комиссией! Представляешь? Как будто это кого-то интересовало!

Наташа сморщилась и покачала головой. Ей хотелось спать, а не слушать ругательства сестры. Оля была напряжена, как струна, готовая оборваться. В какой-то момент злоба

выплеснулась через край, и с вечеринки пришлось уйти.

– Она думает, что нужна ему? Этому своему студенту политехнического? Да он с меня глаз не сводил! Если бы я захотела, то он бы мне тут же в любви объяснился! Как только мы остались наедине, полез мне под кофточку! Даже лифчик порвал! Хочешь, покажу? Хочешь?

Наташа пришла в ужас. Как мама терпит? И где папа? Она поднялась с кровати, накинула на себя старенький фланелевый халат и выскользнула на улицу. Заглянула в сарай, велосипеда нет на месте, значит, отец уехал на работу. Он теперь редко появляется дома. Наташа поежилась и посмотрела на наручные часики. Сорок восемь минут четвертого. Скоро вставать и идти в школу. Девушке не хотелось идти в дом. Она присела на холодную скамейку и задумалась. Ей представилась Виленская. Как она стоит перед разъяренной сестрой, страшенькая, бледная, в своем огромном свитере и безнадежно и затравленно смотрит в сторону своего парня, отношения с которым, скорее всего, разрушены. Их разрушила Оля. А парень обхватил свою голову руками и отошел в сторону. И Оля испытывала дикую радость, ведь Виленская смертельно оскорбила ее. Она посмела поступить в институт и быть счастливой.

Когда спустя полчаса Наташа вернулась в дом, Оля все еще плевалась ядом на кухне:

– ...Ну и пусть! Пусть! Пусть они пропадут пропадом! Любовь у них? Отдельная квартира? Педагогический инсти-

тут? Пусть расскажет, с кем ей пришлось переспать, чтобы ее приняли! Пусть они сдохнут! Сдохнут!..

Оля не могла рассказать маме о том, что Женя, о котором она благополучно забыла во время скандала, схватил со стола большой стакан, наполнил его холодной водой из бутылки и выплеснул ей в лицо, а потом сказал: «Иди отсюда! Через час подойдет твой автобус!».

Наташа узнала об этом, потому что сестра поведала ей эту тайну, когда укладывалась спать. От нее сильно несло алкоголем и сигаретами.

– Ты представляешь, какой козел, а? – громко шептала она, наклоняясь вперед, чтобы быть поближе к Наташе. – Выгнал меня из чужого дома! Но никто не посмел ему перечить! Конечно, лучше меня прогнать, чем связаться с Женькой! Он же бешенный! Однажды схватил меня за горло и чуть не задушил.

– Почему ты позволяешь ему? – не удержалась, прошептав в ответ, Наташа.

– Так не задушил же! Да и гулять не с кем. А Женька все понимает. Он меня любит и жалеет. Говорит, что я дурочка. Я после этих слов плачу всегда.

– И правда, дурочка!

Оля засмеялась, но тут же хрипло закашлялась, обдавая сестру волной неприятных запахов.

Наташа проснулась с будильником и долго вглядывалась в спящее лицо Оли, пытаясь увидеть в нем ту умную, добрую

девушку, которую она знала. Эта Оля, пьяная, с грязными волосами, была незнакома ей. И от этого становилось не по себе.

Разговор об ее учебе как-то отпал сам собой. Наверняка мама все поняла. Письмо из Академии разорвано и выброшено – мосты сожжены. Наташа боялась, как бы что родители не заподозрили и не затеяли разговор с Олей, провоцируя очередной скандал. Наташа пугалась до боли в животе ночных криков, которые уже вошли в привычку. А утром, глядя на спавшую сестру, злилась, считая себя достаточно взрослой, чтобы принимать собственные решения. И одно из этих решений было – изгнать Олю из их общей комнаты. Ей хотелось освобождения, заставить сестру прекратить пьяные излияния своих бед в утренние часы, когда так хочется спать. Эгоизм Оли возмущал, отталкивал. Но мама молчала, и ничего нельзя было сделать.

К Новому году наступило затишье. Оля рассталась с таксистом и осела дома. Сказала, что это было мимолетное увлечение, можно сказать, дружба. Наташа ничего не хотела знать, представляя себе, что это была за «дружба». А Олю поглотило ожидание нового. Она взяла в библиотеке несколько книг по медицине и уже представляла себя медсестрой в белом халатике. Мысли о медицинском училище посещали ее все чаще и чаще. Но дальше мыслей, как обычно, дело не шло. Прикладывать какие-либо усилия не хотелось. Оля говорила сестре, что не торопится подавать доку-

менты, у нее еще есть время. А пока можно посидеть дома за интересными книгами. Но покой не приходил. Книги не открывались. Оля не могла заставить себя прочитать ни строчки. Часами лежала на диване и ничего не делала. Поток хаотичных мыслей набрасывался на нее, советуя то одно, то другое. Эти мысли, как стая шакалов, мучили, пожирали ее. Но не было сил с ними бороться. Оля начала выказывать зависть к людям. Злилась, когда у кого-то из соседей происходило хорошее событие. Разве они заслужили? О Владимире тоже думала, но как-то отрешенно. Забыла о своей чистой любви. Огромный сгусток этого, когда-то прекрасного, чувства принял очертание уродливого безумия. Они с Владимиром не виделись с того самого дня, когда он безуспешно пытался поздравить ее с окончанием школы.

Оля переменилась. Это заметили все. С подругами разговаривала грубо, могла ответить матерно на безобидный вопрос, но тут же менялась, начинала смеяться и шутить. К весне она окончательно забыла о желании стать медсестрой и снова начала где-то пропадать до раннего утра. Когда Наташа оканчивала школу, ничего в жизни сестры не поменялось. Но родители постарели, стали другими. Мама равнодушно воспринимала судьбу младшей дочери, а отец ни во что не вмешивался. На робкое замечание, что дочь давно выбрала будущую профессию, мама пожала плечами:

– Зачем тебе это? Все равно отчислят, не закончишь. Да и что это за профессия – проектировать корабли? Где здесь

ты видишь реку или море? Можно пойти в магазин работать, вон в нашу «Пятерочку» набирают. А про большой город забудь, денег на это нет.

Наташа обиделась так сильно, что проплакала несколько дней. Этого никто не заметил, не пожалел. И обида приобрела оттенок черной ярости. Отчего для Оли готов был ВУЗ, и деньги были, а для Наташи нет? Неужели мама так разочарована поступками старшей дочери или просто разлюбила младшую?

Решение купить квартиру в районном центре родители приняли вместе, собираясь вложить в нее все свои накопленные деньги. Но квартира должна была достаться Оле. Планировалось помочь ей как-то выйти из сложной ситуации. Родители надеялись, что собственный быт исправит дочь, она станет серьезней, устроится на работу, выйдет замуж. Но Оля категорически отказалась переезжать. Ей было удобно жить в родном доме, на всем готовом. Поэтому квартиру купили для Наташи. Она не стала отказываться, а с большим облегчением собрала вещи и переехала.

Это было интересное время, хотелось что-то делать. Было радостно от того, что есть собственный дом, где чисто и уютно, на подоконнике горшок с пеперомией, небольшой книжный шкаф, диван, круглый стол, комод и шкаф для одежды. На чисто вымытом полу мягкий коврик. Что еще нужно для счастья? Она лишь расстраивалась из-за того, что не пришлось поступить в институт. Но быстро нашла работу и

старалась получать от жизни максимум удовольствия. Получалось. Нравилось после работы не спеша идти домой по одной и той же дороге, готовить ужин. Родители не беспокоили дочь, звонили редко, а когда она совсем обустроилась, перестали приезжать. Она не обижалась, в деревне много дел, не до гостей. Но новости все же доходили до нее. К концу 2011 года Оля вышла замуж за Евгения Куимова, а в мае 2012 года у них родилась дочь Кристина. В том же году Куимова посадили за торговлю наркотиками, и Оля подала на развод. В декабре 2013 года она родила сына Виктора. Кто отец – никто не знал. Но именно после этого события мама стала еще больше выпивать, а маленькая Кристина плавно перетекла в двухкомнатную квартиру Наташи. Сначала девочку привозили на выходные, а потом привезли и забыли забрать. Оля говорила сестре по телефону, что она пытается найти работу, но ей тяжело, потому что надо заботиться о сыне. Наташа хотела помочь сестре, поэтому согласилась с тем, что Кристина поживет у нее, тем более удалось устроить девочку в ясельную группу детского сада.

Однажды Оля приехала в гости. На ней были розовые лосины и вытянутая футболка. Наташа поразилась тому, как располнела сестра. Она уселась за маленький чистый столик на кухне и закурила. Наташа тут же возмутилась и отобрала сигареты. Кристина спала в комнате. Но на Олю это не произвело никакого впечатления.

– Подумаешь! Не расти ее неженкой. А то не будет знать,

что жизнь не один сплошной праздник, а еще бывает жестока.

– Она же маленькая совсем!

Оля повздохала, но было видно, что этот вопрос волнует ее меньше всего. Она заговорила о том, что, возможно, совершила ошибку, подав на развод с мужем. Он так любил Кристину. Если бы можно повернуть время вспять. Не нужно было рвать письмо из Академии, а ехать сразу же после школы. Теперь невозможно себя заставить учиться, да и забыла она все. А без образования хорошей работы не найти. Наташа не знала, что ответить на это. Она разогрела ужин и стала накрывать на стол.

– Выпить ничего нет?

– В смысле?

– Ну, бутылочки вина? За встречу.

Наташа отвернулась, не ответила. Ее прямая спина говорила о раздражении. И Оля снова вздохнула.

– Ты так изменилась, Наташка. Правильная стала. Что я такого сказала?

– Да ничего.

Наташа обернулась, присела за стол. Ей не хотелось ссориться, не хотелось говорить о том, что изменилась именно Оля. А та снова заговорила о чем-то близком ей, и стало понятно, что это какие-то обрывки мыслей о Бондареве. Она задавалась вопросом, почему ее не было рядом, когда он переходил эту чертову улицу. Уж она бы спасла его, а если

нужно, то до смерти избила бы того пьяницу, которого даже не посадили! И Володя остался бы прежним, любимым. Слова походили на заболевание, сильно нарушая равновесие Наташи. Но она молчала, слушая этот печальный монолог. Он сейчас калека, почти слепой и хромой, с изуродованным лицом. Как страдала все это время Оля, никому не известно! Она жаловалась и все-таки снова прикурила сигарету. На этот раз Наташа просто открыла окно и подставила ей блюдце вместо пепельницы. Она знала, что все давно вышло из-под контроля. Нерастроченная любовь к Бондареву бушевала в душе черной бурей, принося очередные необратимые разрушения. От этого плодились и размножались ядовитые бактерии ненависти к окружающим. От этого необъяснимые поступки.

– Я не могу находиться дома, понимаешь? Эта наша с тобой комната, старое кресло, письменный стол, книги... Все – старая рухлядь. А ведь когда-то я была там счастлива! А сейчас понимаю – это не мой мир.

Наташа продолжала молчать, морщась от сигаретного дыма и поражаясь тому, как изменилась сестра. Она обратила внимание на круги под глазами, морщины вокруг губ, а ведь ей чуть за двадцать. Возможно ли так изуродовать себя, когда еще года два-три назад была абсолютной красавицей? Это было удивительно и будоражило Наташины нервы.

– Мне говорили сделать аборт, когда я забеременела Витькой. Но я не стала. Страшно. Вдруг вырежут что-то не то,

повредят! Мучайся потом. Да и по деревне болтать начнут!

– А так не болтают? – вырвалось у Наташи.

– Кто за детей осудит? А вот если аборт, то уже преступление. Будто не понимаешь, что делаешь. Не думаешь. А потом идешь убивать живое существо, да и себе вредишь. Аборт – это противоестественно. Тот редкий случай, когда медицина идет против здоровья человека.

– Но это тот редкий случай, когда медицина решает твои проблемы, – не смогла удержаться Наташа, поражаясь тому, что говорила сестра. Ей хотелось заметить, что не заниматься воспитанием дочери – это тоже противоестественно, но не решилась, опасаясь обидеть.

– Ты права, конечно. Хотя, когда это ты успела стать такой циничной? Знаешь, как странно чувствовать изменения, которые начинают происходить в организме с началом беременности? Впервые было невероятно страшно, будто я приближаюсь к смерти шаг за шагом. Я чувствовала себя сонной, голодной, но поправившейся килограммов на сто. Странно... Будто в тебе завелся червяк и пожирает тебя изнутри. Я тогда курила не переставая.

Наташу передернуло. Она отобрала блюдо, видя, что Оля собирается прикурить следующую сигарету.

– Много куришь.

– Жизнь такая. А ты не куришь?

– Нет.

– И не пробовала?

– Незачем.

– Ты – счастливая, Наташка!

Потом Оля ушла, даже не взглянув на спящую дочку. Она привозила деньги, продукты, но к девочке относилась нейтрально, будто это Наташина дочка. И Наташа страдала за Кристину, которая была еще совсем маленькая, но уже брошенная. Пыталась оправдать сестру, объясняя этот бессовестный поступок горем и травмой. Ведь в ее жизни осталось темное пятно, которое со временем становилось больше. Его границы ширились, приобретая безобразное очертание. Наташа считала, что Оля до сих пор ощущает себя предательницей, сломавшей собственную жизнь из-за малодушия и трусости. Когда-нибудь она признается в собственных грехах, раскается, прокрутит в голове события прошлых лет.

Она не знала о том, что Оля стала ненавидеть собственный дом и маленького сына. Заботы о малыше сводили ее с ума. Совершенно не приносили радости. Она дико кричала, когда он плакал, швыряла мокрые пеленки в таз с водой, не желая их стирать. Злилась, когда кормила мальчика, сильно пихая в ротик упругий коричневый сосок. Малыш давился и плакал, а она брезгливо морщилась и отнимала грудь. Мама не обращала внимания, она привыкла к тому, что в доме нет покоя.

Мысли о разбитой любви терзали Олю, вернулись воспоминания, но в совершенно другом виде, искаженном. Она решила, что Владимир Бондарев ей необходим, но именно

в том виде, что был раньше. Вдруг появилось жадное любопытство, навязчивая идея, увидеть его, узнать, как он живет. Страдает ли без нее? Вспоминает? Она готова была сблизиться с ним, проявить притворную мягкость, чтобы увидеть его страдания. Ведь он же страдает! По-иному быть не может, потому что он инвалид. Оля не сомневалась в том, что права, потому что собственные страдания измучили ее до крайности.

Но тут появились препятствия. Никто не знал в деревне или не хотел говорить, куда подевался Бондарев. Подробно расспрашивать она стеснялась. Много раз проходила с коляской мимо его дома, стараясь заглянуть за забор. В воображении ей виделся сгорбленный старичок, который осторожно выходит из дома и сидит на крыльчке. Он никуда не ходит и никому не нужен. За ним ухаживает его мама, и помогают женщины из социальной защиты, которые приезжают из города. Но крыльцо было пусто, и дом тих.

Неизвестность делала Олю еще более раздражительной. Прошло много времени, а она так ничего и не узнала.

В очередной приезд в город Оля не выдержала и решила поговорить с младшей сестрой. Вдруг она что-то знает! Наташа с удовольствием меняла подгузник Кристине и весело разговаривала с ней. Оля с брезгливостью следила за ними, морщась на грязный подгузник. Потом не выдержала, подошла к Наташе, отняла ребенка и бросила в кроватку, объясняя это тем, что нельзя девочку приучать к рукам. Не при-

выкшая к грубости Кристина залилась звонким криком. Наташа снова взяла ее на руки и стала укачивать, на всякий случай отойдя от сестры подальше. В глазах Оли билась черная ярость.

– Оставь ее, давай поговорим!

– Говори.

– Она мне мешает!

– Кристина не может тебе мешать! Она еще маленькая!

В словах Наташи слышался упрек «Это твоя дочь!», поэтому Оля смирилась, тяжело вздохнув. Она недоверчиво смотрела, как сестра сюсюкает с девочкой, потом ушла на кухню, открыла форточку и стала курить сигарету. Ее раздражение достигло особого пика, Наташа пришла к ней только тогда, когда укачала малышку. Оля поспешно затушила сигарету прямо о подоконник и тут же заговорила на интересующую ее тему.

Услышав о Бондареве, Наташа пожала плечами и, взяв тряпку, стала старательно вытирать подоконник.

– Наташка, да оставь ты этот подоконник! Хочешь, я тебе все окно помою?

Наташа не хотела. Она выбросила окуроч, тщательно сполоснула тряпку и аккуратно повесила ее на раковину. Затем еще раз пожала плечами.

– Не понимаю, почему ты вдруг о нем вспомнила.

– А я и не забывала!

– Ты совсем не интересовалась им.

– А сейчас интересуюсь!

– Интересуйся своим Куимовым! Кстати, как он?

– Ничего интересного. Сидит и еще не скоро выйдет. А если и выйдет, то мне все равно. Развод получен. Ему осталось платить алименты. Лучше расскажи мне про Володю! Ты что-то знаешь, я же чувствую!

Наташа молчала. И Оля впала в ужасную ярость. Она ударила кулаком по столу и заплакала, обвиняя сестру в бездушии и желании дразнить ее.

– Трудно сказать? – рыдала она, забыв о том, что в соседней комнате спит ребенок. – Чего ты издеваешься? Я же вижу, ты знаешь! Я сижу в деревне, как привязанная, с ребенком! Что я плохого тебе сделала? Ведь просто хочу узнать, как он, что нового? Почему нельзя? Я могла бы приходить к нему, чтобы составить компанию. Мы с Витькой много по деревне гуляем! Я же уверена, что Володя устал от постоянного одиночества! Он сидит дома, никуда не выходит! Его совсем не видно! Может, воды некому подать!

– Зачем ему твоя вода? – не выдержала Наташа.

Оля замерла, сердце пропустило один удар и тут же сладко заныло. Бондареву стало хуже, ему даже вода не нужна! Он в коме и умрет с минуты на минуту. Освободит Олю от угрызений совести и позора.

– Да здесь он живет.

– Где? – не поняла она.

– Здесь, в городе. Они с мамой продали дом в деревне и

купили квартиру. Я их видела несколько раз.

– Но...

– Да все у него нормально. Проводит частные уроки на дому. Желающих много. У него создана группа «ВКонтакте», можно посмотреть, если хочешь.

– Он переехал?.. Переехал! Жив, здоров, работает. У него много учеников? Но как он мог переехать? Как? Ведь был совсем плох...

– Так сколько лет прошло!

– Не так уж и много.

– Не в каменном веке живем. Лечится и потихоньку поправляется.

– Старания математички не прошли даром...

Наташа не ответила, не собираясь развивать эту тему, подзревая вспышку ревнивой злобы.

– Но как он мог? Почему он уехал и ничего не сказал мне?

Наташа не могла скрыть своего удивления. Она не ожидала, и слова сестры казались ей каким-то спектаклем. Ведь несколько лет назад та с невозмутимым спокойствием бросила его. В глазах Наташи это был жестокий, бессмысленный и оскорбительный поступок. И всю неприглядность этой подлой ситуации семья поделила вместе с Олей.

– Он должен был сказать мне, Наташка! Должен был!

– А зачем ему говорить тебе? Ты была замужем, у тебя дети.

– Ну и что? Ты говоришь так, будто я перестала быть че-

ловеком! Ну, мы расстались, ну и что? Настоящая любовь выше глупых расставаний! Выше ссор и непониманий!

Наташа удивилась еще больше, ее рука, тянувшаяся к стакану с водой, застыла в воздухе.

– Любовь? Кажется, у вас давно все прошло.

– Володя не может разлюбить меня.

– Почему?

– Потому что мне снятся сны... Потому что я знаю, как он меня любил! И карты об этом говорят.

– Ты гадаешь на картах?

– Нет, к гадалке ходила несколько раз. Она никогда не врет. Все сбывается, как она скажет.

– Получается, ты его можешь разлюбить, а он тебя нет?

– А кто сказал, что я его разлюбила?

Наташа очнулась и взяла стакан, чтобы выпить. Она была ошеломлена, не могла понять суть происходящего. Но Оля была слишком погружена в свои фантазии, чтобы обращать внимание на состояние сестры.

– Наташ, а ты не знаешь, у него нет девушки?

– Не знаю. Спроси у гадалки.

– Надеюсь, что нет.

– Но почему? Почему ты надеешься на это?

– Потому что это будет глупость! Самая настоящая глупость! Во-первых, он постарается это сделать мне назло. Очевидно! А, во-вторых, нельзя позволить, чтобы его обманули. Ведь девушка станет встречаться с ним только из-за

денег или из-за жалости. А это противно!

– Тебе противно, но пусть он сам решит. Я не вижу ничего плохого в том, если девушка станет его жалеть.

– Он же инвалид! Жалость не будет основана на любви.

Наташа поставила пустой стакан на стол. Ей хотелось наброситься на сестру и вытолкать ее вон. Слова, которые она произносила, казались дикими, сумасшедшими. Она ушла в комнату и присела возле кровати Кристины. Та проснулась, и Наташа с готовностью принялась играть с ней. Оля долго не появлялась, сидела на кухне и обдумывала свои дальнейшие действия. Удивлялась, что представляла Бондарева старичком, больным и сломленным, сидящем на старом крылечке, а он переехал и у него все замечательно! Потом она, наконец, собралась уходить.

– Наташ, достанешь мне его адрес?

– Не говори глупостей! Да и когда мне искать его по городу? – испугалась Наташа. Она не хотела связываться с этим.

– Ладно, я сама достану.

С этими словами Оля ушла. А Наташа прижала девочку к себе, предчувствуя большие неприятности...

Тени прошлого мучили ее, вызывая воспоминания. Слезы давно высохли, и где-то в глубине сердца появилось и стало расти, шириться дикое, яростное раздражение. Оно было знакомо Наташе. Этот монстр периодически возникал на ее пути, подминая под себя волю и здравый смысл. Когда впервые она познала это чувство оглушающего яростного несогласия?

Да, она предчувствовала неприятности. Они не заставили себя долго ждать. Кажется, это случилось, когда Кристина заболела. У девочки была высокая температура, гноились глаза, и приехавший на скорой помощи врач монотонным голосом пояснил, что у ребенка вирус, и прописал лекарства.

– Успокойтесь, мамаша, ничего страшного! Все дети болеют! – на пороге улыбнулся он, глядя на замученную, не спавшую ночь Наташу. Она от изумления не нашлась что ответить. Мамаша? Ей не понравилось, что ее назвали так. В голове застучала кровь. Ребенка захотелось бросить в кровать и пойти быстро вымыть руки. Ощущения возникли непроизвольно. Тут же позвонила Оле и потребовала приехать. Наташа не знала, для чего это сделала, порыв произошел неконтролируемый, странное слово «мамаша» взбудоражило натянутые нервы. Оля приехала к вечеру, привезла большую сумку картошки, две банки яблочного варенья и банку соли-

ных огурцов.

– Лучше бы захватила меда! – огрызнулась Наташа.

– Где я тебе его возьму?

– Нашла бы! Твоя дочь заболела! Неужели негде купить?

– Денег нет.

Голос Оли усталый, равнодушный. Она покачала головой, глядя на Кристину, которая страдала на руках у Наташи, пытаясь уснуть.

– Почему дети ловят вирусы? Кристинка, скорее всего, в детском саду заразилась!

– Взрослые тоже болеют.

– Зря я приехала, Витьку еще заражу, не дай бог! Меня мать убьет!

– Ты не останешься?

Наташа рассчитывала, что Оля останется ночевать и поможет с больным ребенком, а на утро заберет ее к себе. Наташа и вещи приготовила. Но Оля сомневалась, кусая губы, будто раздумывала.

– Остаться никак не могу.

– А что мне делать?

– Да что ты так нервничаешь? Подумаешь, вирус! Кристинка не первая и не последняя. Поболит немного, и пройдет. Тебе же врач сказал не волноваться.

– Да, сказал.

– Вот видишь! Все хорошо будет. А я остаться никак не могу. Сама понимаешь, там сын. Еще не хватало, что и он

сляжет с вирусом! Я не выдержу, точно тебе говорю. И так вся на нервах!

И в душе Наташи разливалась горячая лавина разочарования. Она понимала, что отныне забота о девочке лежит только на ее плечах. Оля не станет помогать. В ее глазах не было беспокойства. Она неловко сидела на стуле и вздыхала, то и дело поглядывая на настенные часы.

– За лекарствами могу сходить.

– У меня все есть.

Наташа страдала от отчаяния, ей требовалась помощь, но напрямую с сестрой не говорила. Было унижительно просить ее остаться, потому что она видела явное нежелание делать это. Наверно, Оля мечтала о новой жизни, пыталась что-то сделать, найти работу или выйти замуж. Предугадать ситуацию было несложно, но Наташа сопротивлялась. Ей хотелось думать, что сестра чем-то занята. Чем-то важным, и это что-то пойдет на пользу семье и детям. Но когда Оля поднялась с места, случилось непонятное, она вдруг побледнела. Тяжело задышала ртом, закачалась, схватившись за грудь. У нее закружилась голова, и она снова тяжело опустилась на стул.

– Кажется, у меня грипп начинается... Господи, только этого не хватало!

Сердце у Наташи упало. Ей были слишком знакомы эти симптомы.

– Ты ела что-нибудь? – спросила она, уговаривая себя, что просто ошиблась. Она устала и много часов не спала. Нервы

взвинчены. Тяжесть засыпающей Кристины давила на руки.

– Нет, от одного слова меня тошнит. Точно грипп!

Оля снова попыталась встать, но вдруг охнула, зажала рот рукой и бросилась в туалет. Стало тихо. Монотонно тикали часы. Кристина уснула, но Наташа боялась отнести ее в кроватку, прижимала к себе, думая о том, что пригласить сестру было плохой идеей. Лучше не видеть ее и ничего не знать. Пусть уезжает! Квартира заполнилась тишиной, и под тиканье часов Наташа начала засыпать. Напряжение отпустило. Оля появилась перед ней неожиданно.

– Мне лучше, – сообщила она. – Наверно, съела что-нибудь несвежее на вокзале.

– Что-нибудь?

– Да, сосиску в тесте покупала.

Наташа поднялась со стула, на котором сидела и осторожно отнесла ребенка в комнату. Положила в кроватку со всеми предосторожностями, чтобы не разбудить, и укрыла теплым одеялом. Она вернулась через несколько минут, потирая затекшие руки. Остановилась посреди кухни и сказала абсолютно безразличным голосом:

– Значит, сосиской отравилась?

– Возможно, но уже все прошло, – Оля утерла со лба пот и попыталась улыбнуться. Наташа не ответила на улыбку, ее губы презрительно изогнулись.

– Ты беременна.

Оля замерла, обдумывая ледяные слова, на лице отрази-

лась насмешка. Обозначение положения сближало, провоцировало на откровенный разговор. Но Оля еще колебалась, стоит ли говорить. Мысли будоражили воображение, но разложение моральных устоев произошло намного раньше, поэтому не было стеснительного замешательства, слез и раскаяния.

– Так заметно?

– Да.

– Хочешь спросить, кто отец?

– Нет, – Наташа покачала головой. Она действительно не хотела. Это не имело значения. Она устала, и у нее были совсем другие заботы. Ей не хотелось брать на себя груз новых проблем. Хотелось проводить сестру и лечь спать. Каждая минута отдыха дорога, пока лекарства действуют, и Кристина спит.

– Правильно. Это знать ни к чему.

Оля достала сигареты, прикурила дрожащими руками и шумно выдохнула дым, прижавшись к стене. Улыбнулась, как ей показалось, надменно.

– Только не смей меня жалеть!

– А разве это нужно? – все так же тихо и безразлично говорила Наташа. – Обычно в таких случаях приносят поздравления.

– Но от тебя я их не услышу.

Наташа не ответила. Она не понимала, что чувствует. Еще один ребенок! Когда он родится, Кристине будет четыре го-

да, а Вите два. Маленькие дети, никакой помощи от них. Забот прибавится, а значит, Кристина снова не вернется к матери. Еще как минимум год.

– Наташ, вот такие дела! Для меня это не радость, а проблема. Да ты сама все прекрасно понимаешь! Не маленькая.

Оля не имела себе равных в разговорах такого рода, когда надо переложить вину с себя на кого-то другого. Смотрела осуждающе, в упор, усмехаясь. Наташа все знала о своей старшей сестре, но поражалась степени безумия, и как все это было устроено.

– Почему ты не предохраняешься? – не удержалась она от упрёка.

– Не всегда получается.

– Третья беременность, пора что-то с этим делать.

– Рожать, что же еще?

– Рожать? Ты уверена?

– Я не стану делать аборт. Это не для меня, ты же знаешь. Я не враг своему здоровью.

Наташе хотелось расхохотаться, но она сдержалась, скривив губы. Покосилась на сигареты, и Оля тут же спрятала пачку в карман.

– Я не могу бросить курить сейчас, это повредит ребенку. Нужно это делать постепенно. Да я курю только ради ребенка, чтобы все было хорошо. А так я в любой момент могу бросить! В любой, слышишь?

Наташа поморщилась от слов, которые больше походили

на бред сумасшедшего. Она не знала, что с этим делать. Сестра безнадежна. Понять ее невозможно, да и сил нет, чтобы тратить их на понимание воспаленного видения жизни.

– Наташ, ты только не волнуйся! Кристине давай лекарства, если что – снова вызывай врача.

Оля легко вошла в роль принимающей решения, будто это Наташа собиралась стать матерью в третий раз. Она совсем забыла о том, что та уже воспитывает ее дочку. Кристине лучше жить в городе, чем в деревне. У сестры есть квартира, все решено окончательно. Возражения не принимаются. Тишина давила. Сказать больше нечего. В глазах Наташи не было сочувствия, любви и восторга по поводу появления на свет нового племянника или племянницы, лишь глухое, упрямое раздражение, почти злоба. И этот взгляд вдруг подействовал на Олю неожиданно. Она опустила на пол и, закрыв лицо руками, тихо заплакала. Напыщенная уверенность и усмешка слетели с нее, как тонкий слой мишуры. Ей было страшно, одиноко. Она почувствовала себя маленькой девочкой, которая искренне признает свои ошибки, лишь бы только открыть глаза и поверить в то, что это всего лишь кошмарный сон. Мысли об очередной беременности и были тем кошмарным сном! Каждый раз занимаясь сексом, она не думала о том, что может снова забеременеть. Ей было легко, радостно. Она чувствовала необычайный подъем. Алкоголь давал ей ощущение крыльев за спиной. А похоть пьяных мужчин она принимала за любовь.

Наташа вздрогнула, на лице отразилось удивление и что-то похожее на брезгливую жалость.

– Да ладно тебе, не в первый же раз! – тихо заметила она. – Скоро станешь многодетная мать.

– Я боюсь...

– Чего ты боишься?

– Всего боюсь. Мне кажется, случится что-то плохое!

– Надо сделать аборт в этом случае. Раз ты всего боишься.

Отличный вариант для тех, кто забывает предохраняться.

– Опять ты об этом!

Можно предположить, что сухие слова Наташи вызвали шок, поэтому Оля прекратила плакать и уставилась в одну точку на стене. На процедуру аборта у нее не было денег, утаить от мамы пару тысяч рублей невозможно. И не было желания, страх навредить себе был очень велик.

– Матери только ничего не говори.

– Так она не знает?

– Нет, надеюсь, не узнает как можно дольше. Не скажешь?

– Как скажешь. Твое дело.

– Спасибо.

– Денег можно попросить у того... от кого ребенок.

Наташа будто прочитала ее мысли. Оля поднялась с пола, тяжело вздохнула. На лбу пролегла глубокая некрасивая морщина. Она не ответила, зная, что ни у кого просить денег не станет. Это глупо и бесполезно. О беременности никто не знает. И не должен знать.

– Боишься попросить?

– Я разберусь с этим.

– Как?

Оля неопределенно пожала плечами. Подошла к столу и тяжело опустилась на табурет. Она понимала, что ближе сестры у нее никого нет, и от этого было грустно. Казалось, что много времени упущено, и жизнь пошла наперекосяк. Взглянув на стройную, красивую Наташу, Оля испытала сосущее чувство зависти, будто она совсем состарилась, и молодость окончательно увяла. А у сестры все впереди. Она не осознавала, что отрывала Наташу от личной жизни и свободы. Эгоистический нрав привык ставить задачи для других, но не для себя.

– Знаешь, а если бы... тогда... мы с Володей поженились?

– Все бы было по-другому, – машинально согласилась Наташа.

– Да... это правда.

– Только сейчас бессмысленно думать об этом.

– Лучше бы он умер! Это он во всем виноват!

Наташа внимательно посмотрела на сестру. Велико было искушение пристыдить Олю, посмеяться над ней за глупые высказывания.

– Не говори так.

– Буду говорить! Это он виноват!

– Ты сама. Только ты виновата!

– Нет! Это он! Он! – Оля выпучила покрасневшие глаза и

стала совсем не красивой. – Если бы не он! Ты просто ничего не понимаешь, Наташка!

– Да что он тебе сделал?

– Испортил мою жизнь.

– Ты живешь как хочешь!

– А если я не хочу так жить?

– Не живи!

– Не могу. Это получается само собой.

– Я тебя не понимаю.

Наташа встала и подошла к окну. Смотрела на вечерний город и желала одного – пусть сестра убирается к черту! Но Оля ощущала себя иначе. Ей вдруг показалось, что здесь ее понимают. И это было правдой. Вот только от этого понимания Наташе было по-настоящему плохо и неудобно.

– Послушай, Наташ, ты только ничего не говори маме. Она не поймет, станет плакать, кричать... Я просто не вынесу еще один скандал. Она из-за папы стала совсем нервная. Ведь он почти дома не бывает, говорит, что на работе, но на самом деле неизвестно где и у кого. Ей ничего не докажешь и не объяснишь! Понимаешь? Ты только ничего ей не говори, а я постараюсь решить эту проблему. Поверь, в мои планы не входит становиться многодетной матерью. Я этого не вынесу, да и не потяну. Работы у меня нет, в деревне ее не найдешь. А переселяться в город... мне не хочется. Куда я без мамы?

– Да не скажу я ей ничего, не беспокойся.

– Ты настоящий человек, Наташка!

Нужно было бы прогнать Олю прочь. Выгнать и запретить приезжать. В этом виделся выход. Но Наташа продолжала сомневаться. Кристина оставалась дочерью Оли, родительских прав ее никто не лишал. Оставалась надежда, что все еще изменится.

Не на шутку разболелся Витя.

Татьяна Анатольевна вздыхала, плакала и горстями пила валерьянку, запивая ее холодным разливным пивом. Помогать было некому. Оля в панике носилась по дому. У нее ничего не получалось. Каша пригорала, капуста в супе недова- ривалась, пятна на детской одежде не отстирывались, посуда не отмывалась.

Витя капризничал и не хотел засыпать. Оля хмуро сидела у окна и зло трясла кровать ногами, удерживая внутри силь- ную волну раздражения. А потом собрала ребенка и поехала в город.

Наташа нахмурилась, увидев на пороге раскрасневшуюся, тяжело дышащую Олю с ребенком на руках.

– Что случилось?

– У него температура... я не знаю, что делать!

– Как не знаешь? Надо срочно вызывать врача!

– Вот и вызови!

– Но Кристина только первый день пошла в детский садик после болезни! Зачем ты приехала сюда?

– Но мне некуда больше идти!

Нервы сдали, и Оля разрыдалась, привалившись к косяку двери. Наташа решительно забрала у нее мальчика и отнес- ла в комнату. Пришлось вызвать врача на дом, у Вити была

высокая температура. Когда приехала скорая, Оля тихонечко сидела на кухне и прислушивалась к разговору Наташи с врачом. Та отчитывала сестру за халатность по отношению к ребенку, у которого обнаружили вши и покраснения кожи в местах гениталий. Видно, считая, что Наташа – это мать. Наташа что-то неуверенно отвечала. Ее голос звучал хрипло от волнения. Оля заварила себе чаю и прихлебывала его из большой чашки. Ей стало легко, а ведь еще находясь дома, она чувствовала себя глубоко несчастной и предполагала конец света. Этого не случилось, поэтому надо было благодарить сестру и возвращаться к своей жизни. Скорая уехала, а Наташа убежала в аптеку за лекарствами, когда вернулась, Оля была в прихожей, готовясь уходить.

– Последний автобус через час, – пояснила она, – а следующий только утром.

– Ты можешь остаться, – удивленно заметила Наташа. – У меня есть раскладушка!

– Боюсь, что надо ехать, мама с ума сходит! Она же даже не знает, куда я пропала! А Витька пусть побудет у тебя. Так надежнее и безопаснее, если что – врача вызовешь. Здесь город, скорая быстро приезжает, не то, что у нас. Деревня – одно слово.

– Нет, подожди! – воспротивилась Наташа. – Так не пойдет! Кристина только после болезни, она еще слишком слабенькая!

– Ничего страшного. Она уже переболела. Что ей будет?

– Так она снова заболевает!

– Не заболевает.

– Оля, я не могу рисковать здоровьем ребенка! – она хотела крикнуть: «Твоего ребенка!», но снова важного слова не сказала. Как много важных слов она не решилась произнести! – Ты должна остаться и помочь!

– Но я не могу остаться!

– А я не могу управляться с двумя маленькими детьми, один из которых болеет! – чуть не плакала Наташа от волнения.

– Витка же из-за нее заболел! Его здоровьем можно было рисковать? Это же я вирус ему от вас привезла!

Наташа растерянно замолчала, а Оля неприятно покосилась на входную дверь, как будто ее не выпускали из квартиры, держа силой.

– Я позвоню, как приеду.

Так Витя оказался у Наташи. И стало у нее двое детей. Пришлось брать отпуск. Директор туристической фирмы, где та работала, неожиданно вошла в положение, горячо сочувствовала и дала много дельных советов по воспитанию детей. Наташа погрузилась в домашние проблемы. Конечно, Кристина снова заболела, да еще подхватила от родного брата вшей. Наташа готова была биться головой об стену, не понимая, как это могло произойти, если дети спали на разных кроватях. До жути боялась за свои длинные волосы, поэтому туго закручивала их на голове и надевала шапочку для душа,

когда возилась с детьми. Почти месяц потраченных нервов, слез в подушку, бессонных ночей и больничных, но потом стало легче. Дети поправились, успокоились и начали привыкать друг к другу. Наташа до блеска отмыла квартиру и обработала ее специальным раствором. Купила новые вещи для мальчика и написала заявление в детский сад, чтобы его приняли в ясельную группу. От Оли не было вестей. И Наташа не звонила.

Так постепенно проходили дни. Наташе было весело следить за чистыми, накормленными детьми, слушать их лепет. Она до боли в сердце боялась, когда у кого-то из них поднималась температура, или болел животик. Умилялась, когда они засыпали и выглядели такими беззащитными, что на глаза наворачивались слезы.

В то время ей приходили мысли об учебе. Она еще в школе мечтала стать архитектором и работать на судостроительном предприятии, проектировать танкера и сухогрузы. Работа в турагентстве не нравилась, потому что казалась примитивной и скучной.

Она подала документы на заочное отделение в архитектурно-строительный институт. Ее приняли, и нужно было поехать в Нижний Новгород на неделю, чтобы провести первую сессию. Детей пришлось отвезти в деревню под опеку мамы и Оли. Ничего не предвещало беды. У Наташи не было страшных предчувствий, лишь легкая грусть из-за разлуки. Оля была беременна, но до сих пор скрывала это от мамы.

Она вела себя тихо и, казалось, обрадовалась своим детям.

Но что Наташа нашла в этом доме через неделю? Воспоминания этого вечера, когда она на такси приехала, чтобы увидеть детей, нагрузившись кучей подарков для них, долго не шли из ее памяти. По дороге она думала, что, скорее всего, все наладилось, и Оля захочет оставить малышей жить с собой. Третья беременность наконец-то смогла повлиять на взбалмошную сестру. От этого было грустно, но где-то внутри билось облегчение. Свобода! Она сможет учиться, а затем навсегда бросить ненавистную работу. Переедет в Нижний Новгород и будет архитектором на судостроительном предприятии. Прекрасные перспективы. Детей она станет забирать к себе, когда у нее будет отпуск. Возможно, даже возьмет их на море. Мысли были радостные, и впервые за эти годы девушка ощутила прилив настоящего опьяняющего счастья.

Но что она увидела, распахнув дверь родного дома и замерев от неожиданности и ужаса на пороге? Везде грязь и жуткий холод. Печь давно остыла, а затапливать ее никто не собирался. Работает телевизор, но не слышно детского лепета. Неужели детей нет дома? Оля вывела их на прогулку? Осторожно поставив пакеты на пол, Наташа прошла в комнату, на ходу расстегивая пальто. Оля спала на диване крепким пьяным сном. На столе была навалена грязная посуда, скатерть свезена, а в пепельнице полно окурков. Краем глаза Наташа заметила жирного таракана, который совершенно не боял-

ся ее и осторожно сидел на стене, шевеля усами. Она замерла, осознавая то, как переменялся родной дом. Ведь раньше здесь было тепло, чисто, и никогда не селились тараканы!

Отмывать грязную посуду и наводить порядок не входило в Наташины планы. Она прошла в другую комнату, которую когда-то они делили с Олей. Здесь стоял старый письменный стол, на котором валялась выдавшая виды фотография в пластмассовой рамке, на ней были изображены пушистые котята. Когда-то она казалась забавной и очаровательной, но теперь внушала дикий ужас, источая волны тлена, будто кто-то умер.

На старом диване среди грязных простыней сидели дети. Витя был красный и тяжело дышал ртом, а Кристина сосала корку заплесневелого хлеба. Увидев ее личико, у Наташи закружилась голова, а в глазах потемнело. Она схватилась за горло, боясь, как бы с ней не случился припадок. Девочка была избита, ее личико опухло, один глаз закрылся, а под ним чернел жуткий синяк.

– Что случилось? – задыхаясь, спросила она, бросившись к детям и ощущая неприятный запах от подгузника. И тут девочка заплакала. Ее худенькое тельце затряслось, а ручки потянулись к подушке. Она пыталась закрыться, спрятаться. Этот инстинктивный детский страх вызвал еще больше ужаса. Наташа оставила Кристину, не решаясь притронуться к ней, потрогала лобик мальчика, быстро оценила ситуацию и достала телефон, чтобы вызвать врача. А потом вернулась в

комнату, где спала сестра. Нагнулась к ней и стала грубо будить, хлеща ладонью по щекам. Оля проснулась и медленно поднялась, натягивая на себя одеяло.

– Ты... Наташка!.. Ты приехала?

– Поднимайся!

– Который час?

Наташа бросила взгляд на стену, таракан уже скрылся. Она пододвинула к себе скрипучий стул и села напротив Оли, впериw на нее дикий, возмущенный взгляд. Она представляла себе сцену бешеного иступления сестры, когда она избивала свою дочь. Возможно, та плакала, потому что не могла уснуть от холода? Или от голода?

– Где мама? – хриплым голосом спросила Наташа, глубоко вздохнув и боясь расплакаться от сильного волнения.

– Она... в гости ушла... Я тут одна второй день...

Рыдания душили, Наташа не могла говорить. Не могла кричать и выразить свое отношение и ненависть. А Оля уже тянулась за сигаретами. И тут пришло понимание, что детей нельзя здесь оставлять. С самого начала это было ошибкой.

– Сейчас приедет врач...

– Врач? – удивленно посмотрела на Наташу Оля, глубоко затягиваясь дымом. – Зачем? Со мной все нормально.

– Твой сын... у него температура.

– Да?.. Хотя я вчера еще заметила вроде он красненький какой-то.

– Дома холодно.

– Вчера было тепло! Это за ночь остыло. Я домой пришла, а тут нормально... Я затоплю сейчас.

– А что с твоей дочерью?

– А что с ней? Тоже заболела?

– Ты ее била?

– Я? Нет, конечно! Шлепнула пару раз, чтоб не капризничала. А так она сама упала. Ты совершенно ее избаловала. Как я теперь стану ее перевоспитывать?

– Не нужно никого перевоспитывать.

Наташа еле сдерживалась, она не двинулась с места, сидела и наблюдала за тем, как Оля пытается затопить печь и убирает со стола. Она думала о детях в соседней комнате и ждала, что Оля пойдет к ним или хотя бы станет варить кашу. Но детей будто не существовало. Они молчали, не подавая признаков присутствия. И Наташа сходила с ума от жалости и злобы, ей не хотелось заниматься этими проблемами. Она была испугана, подавлена, понимая, что детей придется вновь забрать к себе. Тонкая ниточка надежды оборвалась. Промелькнула мысль: нельзя говорить врачу о том, что Оля не заботится о детях, чтобы ее не лишили родительских прав. Малодушный выход, слабая попытка сбежать, избавиться от всего этого. Наташа еще цеплялась за надежду, что ее жизнь станет другой, такой, какой она хочет, а не той, которую ей навязывают. Но положительные эмоции отсутствовали, она понимала, что паутина Олиной жизни опутывает ее, ломая кости до дикой боли. Возможно, когда сестра

родит третьего ребенка, материнский инстинкт все же возьмет верх. Слабая надежда, но все же! А иначе Наташа завяжет во всем этом навсегда. Ей придется воспитывать детей своей сестры и терпеть у себя ее присутствие время от времени.

Скорая прибыла через полтора часа. За это время в доме был наведен более-менее порядок, и вовсю топилась печка. Детей помыли и накормили овсяной кашей. Врач, молодая некрасивая женщина, устало сделала укол Вите, осмотрела Кристину.

– Это она вчера с крыльца упала! – спокойно объяснила Оля синяки дочери. – Кожа нежная, сразу напухла!

Врач покачала головой, посоветовала таблетки и мазь. А Наташа стояла, прислонившись к косяку двери, и страдала от явного равнодушия пожилой женщины. Ведь прекрасно понимает, откуда эти синяки. Но молчит и кивает на слова пахнувшей перегаром вперемешку с дезодорантом молодой матери.

– Маленькие дети – они такие! Постоянно куда-то лезут или бегут. Не слушаются. Но вам я советую показаться педиатру. Выпишу направление!

Оля соглашалась, но Наташа понимала, что никуда она не поедет. У нее еще оставалась надежда поговорить с сестрой, когда они останутся одни. Но разговор не получился. Как только скорая уехала, Оля снова улеглась на кровать.

– Вы на такси поедете? – лениво поинтересовалась она. –

Их вещи собери, пожалуйста, сама, у меня голова что-то болит. Это точно уже грипп!

Наташа, возмущенная еще больше, вышла на улицу, чтобы позвонить в такси. Здесь столкнулась с соседкой, которая вышла посмотреть, к кому приехала скорая помощь. И она рассказала Наташе о том, что дети все время одни, за Олей с вечера приезжает машина с чужим мужчиной. Она возвращается лишь под утро. Постоянно слышны матерные крики и плач девочки.

– А где мама? – задыхаясь от ужаса, спросила Наташа.

– Так она пьет третий день. У Ивановых, первый дом от поворота. Там самогонку гонят.

Это был ужасный день, который никак не хотел кончаться. У соседки удалось взять таблетки для Вити. Кристина плакала, не подпуская к себе, но стоило ей услышать голос Оли из соседней комнаты, как она в страхе замирала. Невыразимый ужас и отчаяние выбили Наташу из колеи. Ей хотелось убежать, разрыдаться. Но чувство жалости и долга заставляли одевать в теплые вещи упирающуюся, визжащую Кристину. Наташа так разнервничалась, что сама готова была ударить девочку, лишь бы она замолчала. Паника холодной силой сдавила сердце. А вдруг девочка сошла с ума, или у нее серьезное сотрясение мозга? Тут же решила, что обязательно покажет ребенка педиатру, как советовала доктор со скорой помощи.

– Что они сделали с тобой? – шептала она, глотая горькие

слезы. – Почему ты меня больше не любишь?

Оля спала, храпя на весь дом. Она проснулась в пять часов вечера и удивилась, что сестра еще не уехала. А у Наташи дрожали руки. Она сжимала их в кулаки, пытаясь унять дрожь, собрала вещи детей в большую сумку, туда же закинула пакеты с подарками, которые валялись у входа никому не нужные. Градус ненависти повысился до высшей отметки и сломал Наташину надежду. Она задумалась о том, что теперь здесь все по-другому. Отец ушел от матери, та стала пить и уходить в запой на несколько дней, а Оля... Здесь приходилось делать паузу, чтобы собраться с мыслями. Оля спит с разными мужчинами, которые приезжают за ней по вечерам. Моральный облик она потеряла, очередь – за человеческим. Да и здесь не будет задержек.

Сестра будто ощутила волну ненависти, которая исходила от Наташи. Она вдруг произнесла:

– Это он во всем виноват! Как я его ненавижу! Бондарев – исчадие ада! Если бы не он... А ведь я почему гуляю-то? Потому что хочу, чтоб ребенок этот не родился. Я уж и в бане горячей парилась... Ничего не помогает. Ребенок этот будто заколдован!

Тот бесконечный холодный день остался в памяти Наташи. Границы ненависти впервые обозначились в ее голове, и она приняла их. В тот вечер она уехала, поклявшись себе никогда больше не возвращаться. Детей забрала с собой. Понимала, что это правильно, необходимо, но внутри все бунтовало и противилось. Идеальный образ сестры сменился, теперь виделся порочным и уродливым. Наташа не хотела больше общаться с чудовищем. Исчезли чувство жалости и желание помогать. Об учебе снова пришлось забыть. И недовольство собственной жизнью, которую загнали в жесткие рамки обстоятельств, росло. Она не могла смириться. Злилась, возмущалась, но лишь в глубине себя, внешне оставаясь совершенно спокойной, хотя отпечаток горечи уже лежал в тонких морщинах вокруг рта и глаз. Она любила детей, но бунтовала против обязанностей, которые были грубо навязаны. Клялась себе, что третьего ребенка ни за что к себе не возьмет! Но с ужасом понимала, что, скорее всего, именно так и случится. Дополнительная забота на ее хрупкие плечи. Наташа старалась не думать о том, что будет, но внутренний страх не отпускал, временами нападала страшная тоска, будущее казалось безнадежно испорченным. Ей и в голову не приходило рассказать кому-то о своих проблемах, попросить совета или помощи. Родные не поймут, а чужим рассказывать

стыдно. Главное – работать, чтобы были деньги, и следить, чтобы дети не болели.

Наступил май 2015 года. Именно в это время снова появилась Оля. Приехала и осталась. Она сшила себе несколько расклешенных сарафанов, которые полностью скрывали изменившуюся фигуру. Привезла с собой небольшую сумку вещей. Была тихой, помогала по хозяйству, прекратила курить. Наташу это устраивало, и она молчаливо позволяла сестре оставаться ночевать. Однажды Оля решилась на разговор, пытаясь сбивчиво объяснить то, что хочет, и оправдаться, ведь она не сделала того, чего обещала, не избавилась от ребенка.

– Я собираюсь найти Володю Бондарева, просто поговорить. Пришло время забыть обиды. Он поможет мне, подскажет, что делать. А если помиримся, то заживем хорошо, как люди! Я давно этого хочу, но понимаю, что без него не смогу этого сделать.

Мысль была неясная, бредовая и требовала немедленно-го ответа. Но Наташа молчала. Она все давно поняла и уже составила список того, что нужно новорожденному малышу. Ей не хотелось ругаться с сестрой, пусть будет, что будет. Ее странные намерения мало волновали Наташу. Она в них не верила. А Оля успокоилась, не встретив сопротивления своим сумбурным словам. Она приехала для того, чтобы родить ребенка. Ей не хотелось впутывать в это родителей, которые до сих пор пребывали в неведении. Надеялась, что получит-

ся это осуществить с помощью Наташи. Прямо говорить об этом не решалась, боясь встретить гнев и раздражение. Поэтому продолжала тихое проживание у сестры, ожидая скорых родов.

Неожиданно Оля почувствовала, что ей нравится смотреть на игры детей и слушать их лепет. Кристина любила, взяв расческу, делать различные прически из волос матери. Оля в это время растворялась в нежности детских прикосновений и лежала, не двигаясь. Витя пробовал на вкус новые игрушки. То, что ему не нравилось, сразу выплевывал, остальное продолжал с аппетитом грызть. Оля не запрещала ему этого. Наташа удивлялась, как быстро дети забыли плохое, а может, просто не узнали свою мать? Оля сильно поправилась, покрасила волосы, от нее не пахло алкоголем.

В уютной квартире Наташи она стала чувствовать себя спокойнее. Но все равно бывали сложные моменты, от которых сильно болела голова. Знакомое чувство зависти подступало к горлу. В последний раз это случилось, когда Виленская поступила в педагогический институт и нашла парня. Зависть тогда была похожа на черную тучу, грозившую разорваться убийственными молниями. А теперь зависть кружилась вокруг жизни Наташи. Оля не понимала ее сложностей, считая заботы о своих детях и о себе обязанностью. Так надо. Но вот чистая квартира, работа в туристическом агентстве, куда каждый день приходят люди, среди них – симпатичные мужчины – это другое дело. Наташа была красивой. Спор-

тивная подтянутая фигура, чистое лицо, упругая грудь – все это давило и вызывало беспокойство, которое будоражило и провоцировало кратковременный, но сильный гнев. Его Оля старательно, но с трудом прятала, понимая, что нуждается в помощи сестры. Без этой помощи никак не обойтись. Оля знала, что никогда не заберет детей к себе, ей вовсе не хотелось менять свою жизнь. Она уговаривала себя, что, возможно, попытается начать все сначала. Пусть не с понедельника, но обязательно постарается! Окончательно бросит курить, купит новую одежду, устроится на работу, сделает дома ремонт, уберется в огороде, где валялись кучи мусора. Но за вспышкой приходило равнодушие, сменяющееся полной апатией. С таким планом не останется времени на себя.

Наташа была удивлена неожиданными переменами, странным спокойствием и дружелюбием, но с трудом выдерживала общество сестры. Оля была способна говорить только о мужчинах, выпивке и развлечениях. Она всеми силами стремилась устроить свою личную жизнь. Но ее стремления сводились к тому, что она раздвигала ноги на первом же свидании, не помня на утро имени своего любовника. Наташа не хотела знать этих подробностей, потому что давно все поняла.

Однажды, увидев на полке новую книгу, Оля взяла ее в руки, прочитав вслух:

– Мураками. Боже, как это скучно.

– Магический реализм, разве это скучно?

– Не знаю, что это такое. Магический реализм! Какое-то нереальное словосочетание!

Наташа только что вышла из душа, тщательно обматывая мокрые волосы полотенцем. Она заглянула в комнату к детям, убедившись, что те крепко спят. Оля осторожно раскрыла книгу и понюхала страницы.

– Я раньше книги выбирала по запаху, представляешь?

– И как тебе эта? – усмехнулась Наташа.

– Хорошо пахнет.

– Можешь взять почитать.

– Уверена, что не пойму ни слова из того, что этот Мураками пишет.

– Попробуй почитать наших классиков. В школе ты зачитывалась Пушкиным. «Дубровский», «Пиковая дама», «Евгений Онегин»! Помню, от Онегина тебя было не оторвать. Ты даже гадала по этой книге, помнишь?

– Да, – мечтательно улыбнулась Оля, закрывая роман Мураками и возвращая его на место. – А «Капитанскую дочку» забыла? Ее могла перечитывать бесконечно. Я так ненавидела Швабрина, что однажды даже хотела придумать наказание для него и описать это в продолжении.

– Ты хотела написать продолжение «Капитанской дочки»? – не поверила ее словам Наташа. Она не надеялась, что сестра способна думать о чем-то, кроме мужиков и секса.

– Это смешно. Детские мечтания.

– И совсем не смешно! Это прекрасно!

Оля минуту помолчала, потом взмахнула рукой, закрыв глаза, продекламировала:

– Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым,
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И в небе в блесках без лазури;
И верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

Повисла пауза. От неожиданности Наташа опустилась в кресло и развела руками. Ту Олину жизнь, когда она хорошо училась в школе, все давно забыли. Предполагалось, что все умное и прекрасное осталось в прошлом. Оболочка слишком непривлекательна, но оказывается, за этой оболочкой что-то до сих пор скрывается. Оля радостно улыбнулась:

– Мой любимый когда-то Пушкин. Но это единственное стихотворение, которое я помню наизусть. А раньше, о боже, сколько я их знала!

– Из тебя вышла бы хорошая учительница.

– Вряд ли. Хотя я хотела поступить в педагогический. Но Володя настоял на Академии. Ему казалось, что у меня фе-

номенальные способности к математике. Он утверждал, что работа в судостроении принесет мне массу удовольствия.

Наташа сглотнула, пытаясь не думать о своих мечтах стать архитектором. Но слова Оли все же задели за живое. Приятное впечатление ушло, осталось раздражение.

– А я не сомневаюсь. Ты отлично окончила школу. Володя с тобой занимался.

– Что толку?

– Я бы на твоём месте не стала гулять по ночам с кем попало. Ты можешь добиться большего.

– А ты не на моём месте. Может быть, тебе хватает своей жизни по горло, она у тебя интересная. А мне своей жизни мало, она, в отличие от твоей, ограничена деревней и полумными стариками, которые в ней живут. Я хочу стать счастливой и богатой. И стремлюсь к этому. Пушкин мне в этом не поможет.

Очарование момента окончательно прошло. Наташа поднялась и подошла к зеркалу, снимая с головы полотенце. Улыбка стала натянутой, что сводило кожу. Слова рвались из нее, хотелось кричать, что «своей жизни по горло» у нее нет, потому что приходится заботиться о детях, которых она не хотела. У нее нет учебы, к которой она стремилась, не будет любимой работы, потому что приходится обеспечивать семью. И никогда не будет мужчины, потому что абсолютно нет времени на знакомства и свидания. Гордое упрямство не позволило выплюнуть эти слова в лицо беременной сестре.

Наташа промолчала.

Оля включила телевизор и стала смотреть сериал, а слова так и остались невысказанными. Наташа ушла на кухню и взяла из холодильника яблоко. Она собиралась посмотреть какие-нибудь ролики в интернете, но тут перед ней возникла сестра, по какой-то причине бросив смотреть сериал. Она тоже взяла яблоко и пристроилась напротив. Наташа попыталась не обращать внимания, но Оля вздохнула и заговорила почему-то шепотом:

– Я не хочу рожать!

Наташу поразили эти слова. Они будто исходили от ребенка, а не от женщины, у которой уже было двое детей. Она покачала головой и отложила в сторону телефон. Глядя на сестру, вдруг поразилась тому, как та плохо выглядит. Лицо серое, рыхлое, зубы желтые, дышит тяжело. Каждый ее поступок Наташа встречала с неодобрением, но стоило ли быть такой непримиримой?

– Я не хочу!

– Да, я поняла тебя, ты не хочешь рожать! – кивнула Наташа, иронично изгибая губы. – Но у тебя уже большой срок! Об аборте надо было думать раньше.

– Я не хочу аборт.

– Ты нашла какой-то другой способ? Надеюсь, не собираешься повеситься?

– Нет, зачем? Повеситься? – Оля оторопело смотрела на совершенно спокойную с виду Наташу.

– Можешь найти подпольную медсестру, которая точно убьет тебя.

– Нет... Я не хочу умирать!

– Это хорошо.

– А можно не ходить к гинекологу? Можно вообще в роддом не ходить?

– А что еще ты можешь сделать? Если есть ребенок, то надо его родить. Тебе обязательно надо будет ехать в роддом. У кого ты наблюдаешься?

Оля помолчала, дернула плечом, надкусила яблоко и сморщилась.

– Кислое!

Наташа, не могла себе представить, до какой степени сестра безрассудна.

– Оля! У кого ты наблюдаешься? Где рожать станешь? Да оставь ты это яблоко, раз оно кислое!

– Я ни у кого не наблюдаюсь.

Наташа привыкла возмущаться про себя, но тут трудно было сдержать эмоции. Это было непостижимо, невероятно! Отказавшись от аборта, сестра отрицала и рождение.

– Ты хочешь сказать, что не ходила на прием к врачу?

– Нет, ни разу не была.

– Почему, черт возьми?

– В деревне сразу узнают, пойдут разговоры. Что тут непонятного?

– Но это невозможно!

– Еще как возможно.

– Но рожать придется, понимаешь? – осторожно заметила Наташа, глядя в пустые глаза Оли и подозревая, что сестра помутилась рассудком.

– Я хотела найти Володю.

– Зачем? Чтобы он у тебя роды принимал? – сердилась Наташа.

– Да нет... Просто...

– Не понимаю твоего страха! Это же не в первый раз. Ты прекрасно представляешь весь процесс! И должна понимать, что он уже необратим. Ты не заставишь ребенка исчезнуть! Он уже стал маленьким человеком, который готов появиться на свет!

– Понимаю, – совсем поникла Оля. – Ты упрекаешь меня, а я действительно хотела найти Володю и поговорить с ним.

– О чем?

– Попросить совета.

– Он тебе посоветует то же, что и я, скорее идти к гинекологу.

– А что потом?

– Как что? Родишь.

– Но как потом я принесу этого ребенка домой? Что я скажу родителям? Они ведь ничего не знают.

– Но почему ты до сих пор ничего не сказала? – покачала головой Наташа. Ей стало больно от того, что, казалось, сестра намекает на то, чтобы вновь отдать ребенка ей. На

глаза навернулись истерические слезы. До каких пор это станет продолжаться? – Разумеется, испугалась. Трусиха!

– Ты просто не понимаешь, как мы живем! Папа еще ничего, молчит, потому что появляется редко, меня проведать, а мать на пределе. Ей тяжело, давление и артрит! А тут еще один ребенок! Да неизвестно от кого! Она обязательно станет допытываться кто отец, крик поднимет. Для нее почему-то это очень важно.

– Отец – это важный момент для ребенка.

– Не в моем случае.

– Начни новую жизнь, отдельно от мамы, тогда не придется искать оправданий. Заберешь детей, и будет у вас счастье.

– Заберу детей? – удивилась Оля и нахмурилась. – От тебя?

– Конечно.

– Но куда я пойду? У меня ничего нет! Да и детям с тобой хорошо.

Наташа отвернулась, задетая за живое. В очередной раз убедилась, что судьба ее решена, но только не ей самой. Поэтому сухо сказала:

– Я дам тебе адрес гинеколога. Она хороший специалист, я к ней сама хожу. Завтра позвони и запишись. Это неизбежно, пойми. Не я же стану у тебя роды принимать! Даже не надейся.

– Не стану я записываться! Как я объясню, отчего не приходила? Не замечала? Не понимала? Сначала надо что-то

придумать! А так меня ругать начнут! Ты просто не знаешь, какие звери эти гинекологи! – вспылила Оля и ушла в комнату, оставив недоеденное яблоко на столе.

Но все же к гинекологу записалась. После долгих сомнений, страхов и бессонной ночи.

Маленькая худенькая старушка, слывшая в городе хорошим специалистом, очень внимательно осмотрела Олю и осталась недовольна тем, что та ни разу не была на приеме у врача. Она выписала множественные направления на анализы, всевозможные витамины для беременных, УЗИ. Оля все внимательно слушала и кивала, но в глубине ее души назревал очередной протест. В душе было скрытое, подавленное сомнение. Это сомнение разъедало и отравляло ее. Она вышла из кабинета красная от стыда и тут же выбросила исписанные мелким почерком направления в мусорное ведро. В тот же день она вернулась в родную деревню, ничего не сказав об этом Наташе, сбросив ей на мобильный телефон короткое смс. Оля была уверена, что больше никогда не попадет к врачу и не станет отвечать на разные унижительные вопросы о своем нежелании проходить осмотры. «Как-нибудь обойдусь!» – думала она. Ведь обходилась же до сих пор! Никто ничего не замечал, и она надеялась, что удастся и дальше скрывать все. Две первые беременности протекали как положено, под наблюдением врача, но в этот раз все было по-другому. Оля, как страус, спрятала голову в песок. Ребенок нежеланный и никому не нужный. Он неожиданно появился

и должен неожиданно исчезнуть. Будто ничего не было.

Но к концу мая она стала чувствовать себя хуже. Появилось окончательное отвращение к сигаретам, совершенно не хотелось кушать, а только пить. Она много спала, смотрела телевизор. В последний день мая, с раннего утра, Оля проснулась в холодном поту и, свесив ноги с кровати, села, тяжело дыша. Чувство тревоги, зародившееся во время сна, не проходило, а только усилилось. Услышав, что проснулась мама, Оля быстро нырнула обратно в постель и притворилась спящей. Каждая минута казалась часом. Странная тяжелая боль, появившаяся откуда-то из глубины ее тела, сосредоточилась в пояснице и не отпускала. Оля старалась подавить в себе стоны, кусала губы, прятала лицо в подушку. Мама собиралась в библиотеку, где работала уборщицей. Она не торопилась. Гремела на кухне посудой, без конца выходила во двор. Оля мучительно считала секунды, пытаясь отвлечь себя от боли. В голове проносилось много мыслей, раскаяния, молитвы, обещания, что если останется живой и выпутается из этой ситуации, то начнет жить по-другому. Она станет примерной, хорошей и отвернется от прошлого. Боль внизу живота становилась нестерпимой. И когда за мамой захлопнулась дверь, молодая женщина отчаянно застонала и сползла с кровати.

Она совершенно не знала, что делать и кому звонить. Но понимала, что вызывать врача нельзя. Тогда все вскрыется, и придется признать третьего ребенка. Превозмогая боль, мо-

лодая женщина планировала убийство своего малыша хладнокровно, будто это обычное дело.

Оля достала из шкафа несколько чистых простыней и медленно, держась за живот, вышла из дома. Пока шла до сарая, чувствовала, как подкашиваются ноги, и боль разрывает внутренности. Но леденящий страх, что люди узнают, не давал ей упасть. Он двигал ее вперед.

– Я не хочу умирать! Помоги мне, Господи! Я теперь буду хорошей! Я брошу курить! Я никогда не уйду ночью гулять! Я стану помогать маме по хозяйству! Я устраюсь на работу! Только не позволяй мне умереть, Господи!.. Я и так настрадалась. Моя жизнь полна горя, которого я не заслужила.

Добредя до сарая, зашла внутрь и прикрыла за собой дверь, показавшуюся очень тяжелой. Тут позволила себе заплакать от отчаяния и боли. Привалилась к стене, уронив простыни, и тяжело сползла вниз.

Оля не заметила, как соседка, убиравшая мусор в огороде, внимательно посмотрела на нее, проводив взглядом. Но потом, пожав плечами, принялась снова за свою работу.

Именно соседка позвонила Наташе и рассказала эту историю. Говорила громко, сбивчиво о том, как сгрэбла весь мусор в большую кучу за домом. Муж крыл крышу, и много чего валялось во дворе. Отложив в сторону грабли, стала искать в карманах длинной старой куртки коробок спичек, чтоб развести костер. В этот момент ей первый раз показалось, что она слышит приглушенные стон и плач. Женщина замерла и прислушалась, но кругом было тихо. Шумела листва, и где-то скрипел колодец. Чиркнув спичкой, нагнулась, чтоб поджечь скомканную старую газету, подложенную в ворох мусора. И тут опять стон. Более отчетливый и жалобный, затем плач. Соседка осмотрелась, но ничего подозрительного не увидела. Напряженно стояла, прислушиваясь, глядя на разгорающийся костер, покусывая губы. И вдруг вспомнила Ольгу, которая около часа назад прошла в сарай и больше из него не выходила. Еще один стон!

Женщина без колебаний бросилась к соседскому сараю. Она больше не раздумывала. Ей стало казаться, что Ольга пошла туда за дровами, и тяжелая поленница рухнула на нее, причинив страшные травмы. Но ворвавшись в сарай, соседка остановилась на пороге, всматриваясь в холодную темноту, стараясь определить, что же тут произошло. Поленница дров, на которую она бросила свой взгляд, стояла ровной и

нетронутый. Рядом валялись две свернутые чистые простыни. Соседка заволновалась и шире распахнула дверь сарая, чтоб дневной свет смог проникнуть сюда. И то, что ей пришлось увидеть, она запомнила на всю свою жизнь. Замерла от ужаса, против воли сделала неуверенный шаг вперед.

– Оль, ты там что ли? Оль! Чего молчишь-то?

И тут послышался писк какой-то приглушенный и снова стон, и тут же – сдавленные рыдания.

– Ольга! Ты живая там?

Соседка крикнула громко, чтобы придать себе смелости. Сделала еще несколько шагов и наконец отчетливо увидела ее, стоящую на четвереньках на грязной соломе, в луже крови, пытающуюся подняться. Рядом с ней валялось большое ведро, в котором разносили по огороду навоз, из него доносился какой-то невероятный мышинный писк.

Женщина шагнула к этому ведру и пнула его ногой, думая, что там спряталась большая крыса, которая покусала Ольгу. Именно этим она оправдывала обилие крови. И тут вдруг заметила на дне ведра что-то красное, мокрое, шевелящееся. Нагнулась пониже и вскрикнула от изумления, увидев только что родившегося ребенка.

Она выскочила на улицу, тяжело дыша, сердце быстро билось. Скинув резиновые галоши, бросилась к дому вызывать скорую помощь. Врачи приехали быстро, потому что находились как раз в их деревне, делая укол «от давления» восьмидесятилетней старушке. Олю с ребенком тут же достави-

ли в городское отделение больницы. Но врач скорой помощи, увидев тяжелое состояние ребенка и ведро, в котором он находился раздетый, посчитал нужным сообщить об этом в отделение полиции.

Услышав сбивчивый, торопливый рассказ, Наташа поймала себя на том, что подозревала нечто подобное. Она была уверена, что сестра закопала бы ребенка в навозной куче, если бы не соседка. Этот явный план убийства отчетливо встал перед Наташей. Она уже не сомневалась. Отпросилась с работы и поехала в больницу. Узнав, к кому она, медсестра грубо спросила:

– Вы привезли ее документы?

– Она поступила к вам без документов?

– Привезите немедленно документы! Слышите?

Оля лежала на кровати тихо, без движения, не обращая внимания на косые взгляды, бросаемые на нее медсестрами. Она врала все от первого до последнего слова. Что все вышло случайно. Она не знала, что беременна. Ребенка пыталась спасти, поэтому положила его в ведро. Крестилась и пыталась выдавить из себя слезинку. Глаза были сухи, лицо бледно. Но внутренняя ярость уже начинала медленно душить ее. Ребенок остался жив! Ей не удалось скрыть его. Наташа вошла в палату, и ее поразила ожесточенная сознательность поступка сестры. Новые впечатления от пережитого будоражили нервы. Отчетливо понимала, что Оля не сожалеет о чуть не совершенном убийстве, но раскаивается в том, что ее за-

метили. Если бы не соседка, то, немного отлежавшись, Оля отнесла бы ведро на конец огорода, туда, где большая яма для мусора. Это была бы могила для ребенка. Достойное погребение тому, что мучило и изводило ее. Наташа убедилась в своей догадке, читая по измученному лицу сестры важные тайны.

Но все сложилось другим, наилучшим, образом. Соседка оказалась рядом, скорая помощь поблизости, видно, бог был в этот день решительно на стороне малыша. Ей повезло, полицейские не заподозрили преступных намерений, искренне пожалели деревенскую девушку, вынужденную рожать вне больницы из-за отсутствия денег и плохих дорог. Пожелав удачи и выздоровления, уехали. Получив передышку, Оля отдыхала, лежа в постели. Ребенка ей не приносили, и она совсем успокоилась.

Но когда пришла Наташа, ложь перестала иметь смысл. Голос сестры был чужим, и Оля приуныла. Приготовленные слова как-то разом вылетели из головы.

– Наташка.

– Пришла выразить поздравления, – это прозвучало как «соболезнования».

– Зачем?

– Ты родила ребенка.

Они смотрели друг на друга, и в глазах Наташи билось презрение. Оля была слишком слаба, чтобы защищаться. Но попыталась:

– Я почувствовала себя плохо, когда вышла в сарай. Я не понимала, что со мной. Не могла встать, а телефон остался дома, я не могла позвонить. Я упала... и у меня начались роды... кровь пошла...

– Да.

– Если бы не эта дура, соседка! Я бы отлежалась и...

– Ты могла умереть от потери крови. Она тебе жизнь спасла.

– Да, это, конечно... важно...

– У тебя родился еще один сын.

Оля была утомлена, она нуждалась в покое и отдыхе. Нервная система истощена, поэтому истерические рыдания готовы были вот-вот прорваться сквозь защитную стену. Но она упорно верила в то, что еще можно что-то спасти. Вид сестры, которая все понимала, мучил, изводил. Но не хватало духа отвернуться и прогнать ее. Ведь Наташа растила ее детей. Детей, которых Оля не собиралась возвращать. Проблемы, которыми была занята ее душа, походили на вопросы без ответов. То, что она пыталась найти: свободу, уверенность и силу – оказалось под запретом. И именно сейчас, находясь где-то совсем рядом со своим ребенком, казавшимся совершенно чужим, она поняла это. Рядом с ней была новая жизнь, но она ощущала дыхание смерти. Попыталась вспомнить Женю, за которого несколько лет назад вышла замуж. Был он, и нет его, будто и не было никогда. Что о нем думать? Он подарил ей Кристину. Подарок, о котором она не

просила. Но еще тогда, при первой беременности, она ожидала другой жизни. Ей хотелось иметь свой дом и распоряжаться в нем по своему усмотрению. Хотелось заботиться о дочери...

Ей двадцать четыре года, а такое чувство, что жизнь окончена.

И Наташа, стоя у кровати сестры, думала о конце. О том, что отношения окончены. Ничего не исправишь. От презрения не избавишься. Она дала себе обещание, что это ее последний визит к ней. Беспомощность и болезненный вид сестры больше не вызывали жалости.

– Ну, пока.

– Уже уходишь? Но что мне теперь делать?

– Не знаю. Выздоровливай.

Наташе хотелось уйти с гордо поднятой головой и громко хлопнуть дверью, чтобы штукатурка посыпалась на Олину голову. Но она торопливо, как-то боком выскочила из палаты, скинула халат на руки молоденькой медсестре и ушла красная, опустив голову.

В последующие несколько дней наступил кромешный ад. Трудно поверить, что в такое прекрасное весеннее время, когда все цветет, источает аромат, и тепло греют солнечные лучи, в душе человека может уместиться столько злобы и отчаяния. Наташа до дрожи во всем теле боялась, что и третий ребенок ляжет на ее плечи. И в этом не виделся предел. Сестра боится абортов, любит заниматься сексом. Очевидно,

что последуют еще дети. Маленькие кричащие комочки, которые вызывали в Наташе панический ужас. Она и к Кристине с Витей начала ощущать страх. Вздрагивала от каждого крика или визга, плакала, когда кто-то из детей просыпался ночью. Нервы были издерганы. Казалось, что приближается время борьбы за свою свободу. Наташа обдумывала план, который обязательно воплотит в жизнь, когда сестра выйдет из больницы. Она собиралась вернуть ей детей, продать квартиру и переехать. В новом месте уже не хотелось учиться на архитектора, достаточно работать продавцом-кассиром или оператором сотовой связи, лишь бы подальше от семьи, которая стала удушающе давить. Девушка обдумывала каждое слово, которое скажет маме и сестре, пытаюсь избавиться от гнева и истерики. Только сухие факты! Она больше не может заботиться о детях! Ей уже двадцать два года, а она совершенно не знает реальной жизни, строит общение в интернете с незнакомыми никами, не задумываясь о том, кто может оказаться под ними. Неважно! Все равно! Только бы прекратить невыносимое одиночество, заглушить безумную жажду любви. Еще немного такой жизни, и она будет потерянной для общества, для новых знакомств и отношений. Знакомиться на работе она не могла, потому что в голове постоянно крутились проблемы, связанные с воспитанием детей. Появилась навязчивая неуверенность в собственной значимости. Винила сестру в том, что не смогла получить образования. Ведь ей никогда не было дела до Наташи. Понимание

стало невыносимым, болезненным, что совсем не облегчало ситуацию. А теперь надо действовать решительно. Сестра в больнице, и Наташа решилась. Или сейчас, или никогда. С ее стороны не будет подлостью оставить детей, ведь она собирается вернуть их родной матери. В этом она решительно убедила себя.

Но разговору не суждено было случиться. Оля умерла. Осознание этого плохо укладывалось в голове. Оказалось, что она сбежала из больницы домой, написав отказ от ребенка. Врачи вовсе не удивились, потому что знали: не все так просто было и со странными родами. Оле необходимо было пройти курс лечения, но она не могла держать натиск страшного негатива и агрессии со стороны персонала больницы. Она сбежала ночью, как преступница, не захотев повидать своего новорожденного сына. Спустя сутки у нее открылось кровотечение. Скорую долго не вызывали, надеясь, что само пройдет. Спустя еще сутки началось воспаление, поднялась высокая температура. Врачей пришлось вызвать, но было уже поздно. Молодая женщина скончалась по дороге в больницу. Ей было двадцать четыре года.

Это черное время, когда события казались нереальными. Оказавшись на похоронах, Наташе приходилось сжиматься от шепота соседей, которые пересказывали и как проходили роды Оли, и ее отказ от сына, и о том, что двух старших детей воспитывает родная сестра. На нее указывали пальцем, а она старалась делать вид, что ничего не замечает. Это было

ужасно, стыдно, и хотелось поскорее убраться прочь.

После поминок, сильно выпив, мама изъявила желание стать опекуном Кристины и Вити. Наташа ничего не ответила на этот порыв, так как понимала: дети все равно останутся жить с ней, потому что их надо водить в детский сад, готовить к школе, воспитывать, обувать и одевать. А мама опустила до такой степени, что не могла ухаживать за собственным домом.

В какой-то момент их вызвали в службу опеки, и полная строгая женщина в коричневом вязаном платье начала разговор о малыше, который был брошен собственной матерью. Женщина долго говорила, осуждающе выглядывая из-за круглых очков, учила жизни, делала замечания, и Наташа с первой минуты возненавидела ее. Молча возмущалась: какое она имеет право! Но впечатление было произведено. Действительно, ребенок был, и нужно решать, что делать дальше. Женщина давила и не допускала того, что мальчик будет оставлен и другими членами семьи. Но мама молчала, опустив голову. И Наташа не собиралась ничего говорить. С нее было достаточно и двоих детей. Ничего не помогало. Вопрос висел в воздухе. И спустя полтора часа беседы женщина поставила вопрос ребром:

– Кто из вас будет опекуном ребенка?

Маме удалось справиться со смущением. Она заявила, что не знала о том, что ее дочь была беременна. Эти события оставили глубокий след в ее душе, и она пытается изо всех

сил справиться с болью и отчаянием. Но она не может взять на себя ответственность за еще одного ребенка!

– Я подаю документы на опекунство двух своих внуков. Более я не потяну. В деревне сложная, тяжелая жизнь. Наш дом совсем развалился и требует ремонта. Нет денег, да и сил – тоже!

Женщина из опеки перевела взгляд на Наташу, которая сидела блее мела, про себя возмущаясь словами матери, опровергая их.

– А вы?

– Я?.. Нет!

– Почему? Это же сын вашей родной сестры!

– Ну и что?!

– Почему бы вам не позаботиться о нем. Вашу маму я могу понять, на ней и так двое детей. Но вы! Молоды и свободны!

– Я сказала – нет!

На этом дело было решено. Они подписали какие-то документы, выслушали резкие высказывания по поводу этой ситуации и ушли. Мама пошла на вокзал, чтобы успеть на автобус, а Наташа вернулась на работу, где уже начинались проблемы из-за журналистов. Незнакомая, темно-синяя «газель» была припаркована прямо на тротуаре. Высокий худой мужчина в очках, в ярком растянутом свитере попытался задать ей несколько вопросов. Но Наташа не могла вымолвить ни слова. Она была испугана, подавлена, страшно болела голова от мыслей, что говорить детям и как себя вести.

Наташа совершенно не страдала из-за смерти сестры. Она будто забыла и вычеркнула из памяти. Болезненное напоминание – брошенный ребенок – гнало сознание в угол, чтобы там придумать очередную ложь в свое оправдание. Мальчик не воспринимался как личность, что-то живое и осязаемое. Он просто где-то был. О нем заботятся, самое главное. И Наташа никогда не увидит его. Ей не придется смотреть ему в глаза и оправдываться за то, что она отказалась от него, так же, как и Оля. Память постепенно переполнялась горечью. И было правильным вообще не думать о прошлом. Наташа решила, что станет любить детей и воспитает их хорошими людьми. Этого достаточно.

И все лето она жила так, будто начала все с чистого листа. О сестре не думала, на ее могиле не была ни разу со дня похорон. Маме не звонила, лишь получала от нее переводы опекунских денег раз в месяц. Они с того раза больше не общались. И Наташа ощущала себя даже счастливой.

Но в начале сентября 2015 года на страничку «ВКонтакте» пришло странное сообщение. Это письмо от незнакомой женщины, проживающей в Нижнем Новгороде, перевернуло зыбкое счастье, как старое одеяло, обнажив под ним множество грязных вонючих пятен, которые пытались скрыть. Письмо было вежливым, наполненным теплом и радостью. От него веяло дружелюбием и любовью, ни в коем случае не осуждением и презрением. Но у Наташи от этого письма мороз пробежал по коже. Она встала перед сложным выбо-

ром: отвечать на него или нет. Потом она много размышляла над этим, что побудило ее написать ответ. Ведь можно было просто проигнорировать, но она ответила и изменила судьбу своей семьи навсегда...

Наташа вышла из парка и побрела домой. Ноги промокли, хотя она старательно обходила лужи. Воспоминания сделали тело ватным, лицо горело. Она перебирала в голове обрывки прошлого, и на нее накатывало сомнение. Может, нужно было поговорить с мамой начистоту? Объяснить ей трудности с воспитанием детей, нежеланием этого делать, тогда, возможно, Кристина ходила бы сейчас в школу, а не томилась в психиатрическом отделении для взрослых.

Впервые пришло понимание, что для ребенка это невыносимо. Как она там находится целыми днями среди сумасшедших, больных людей, которые плохо контролируют себя? Ведь там нет книг, игрушек, планшета с играми. Но зато Наташа отдыхает, гуляет, дышит свежим воздухом. Даже на воспоминания появилось время. Справедливо ли то, что происходит? А вдруг Бондарев прав, и девочке нужен обычный детский психолог?

Наташа тут же отогнала от себя эти мысли. Она была там! Она знает, что Кристина вытолкнула Арсения из окна. Психолог не поможет. Не помогут книги, игрушки и планшет. Не помогут пельмени или лимонный кекс, который Кристина так любит. Не помогут школа и друзья. Кристина совершила убийство. Она должна лечиться, чтобы не сломать свою дальнейшую жизнь.

Или уже сломала? Наташа замедлила шаги, готовая схватиться за сердце. Что будет с девочкой дальше? Специальная школа? Постоянные приемы лекарств? Пусть уж лучше поместят ее в какое-нибудь социальное учреждение. Под присмотр врачей и специально обученных учителей. Наташа не справится! Она и так на грани срыва.

Достала из сумочки телефон. Никто не звонил. С тоской подумала о том, что нужно устроиться на работу. Но куда идти? Продавцом? Почтальоном? Няней в детский садик? Уборщицей в школу? Выбор велик, но безрадостен. Параллельно с этими мыслями появилось вновь желание уехать. Пусть не в Ригу! Этот переезд она финансово не потянет, но можно поехать в Нижний Новгород. Там Люда! Вдвоем они справятся. Люда поможет Наташе устроиться на работу, да и жить можно вместе, ведь Влад собирается разводиться.

При мысли о Владе Наташе стало не по себе. Она вспомнила, что он приезжает и останется у нее дома на все выходные. Что с ним случилось? Как он решился? А может, мама что-то перепутала, ей в интернете писал не Влад, и это всего лишь чья-то глупая шутка? Внезапное понимание, что еще все может сорваться, принесло облегчение. Ей не хотелось видеть Влада, она знала, что он терпеть не может всю их семью. Это нельзя изменить, потому что ему известна правда.

– Привет, Наташ!

Она очнулась от своих мыслей и чуть не налетела на Бондарева, который стоял на тротуаре, опираясь на трость, пря-

мо перед ней.

– О, господи! – не удержалась она, тихо вскрикнув.

– Я тебя жду.

– Зачем?

Наташа не собиралась проявлять дружелюбия, уже зная о том, что задумала мама. Бондарев не показался ей таким страшным, как около больницы. Его глаза светились грустью, губы пытались улыбнуться. На лбу блестели бисеринки пота, в коротком ежике волос уже пробивалась седина.

– Давай присядем на скамейку.

– Только на пять минут! Мне совсем некогда! – буркнула она, подходя к ближайшей скамейке и опускаясь на нее. Сидела прямая, непреклонная, краем глаза следя за тем, как Бондарев пристраивается рядом.

– Я только что разговаривал с Татьяной Анатольевной. Она переменяла свое мнение.

– Ты был у меня дома?

– Нет, мы разговаривали по телефону.

– Насчет чего переменяла мнение?

Сердце в груди бешено забилося. Неужели мама одумалась и не собирается отдавать Кристину?

– Я уверен, что ты знаешь, в чем дело. Я хочу удочерить Кристину.

– Знаю, но не совсем понимаю твой мотив.

– Я хочу, чтобы у девочки был хотя бы отец.

Повисло тягостное молчание. Наташа отчаянно пыталась

разозлиться и наговорить дерзостей, но знакомый липкий страх сковал ее, как лед озеро. Она до боли сцепила пальцы, чтобы скрыть дрожь. Как все просто, Бондарев честен и прямолинеен. Укоряет в том, что ребенок брошен и никому не нужен. Это правда. Случилась страшная беда, и Наташа с мамой отказались от Кристины, упрятав ее в сумасшедший дом. Они не хотят ее забирать оттуда, сопротивляются вот уже три месяца, навлекая на себя большие проблемы. Бондарев открыт. Стоит ли платить ему той же монетой?

– Значит, мама уже не хочет... отказываться от опекуинства, – она произнесла эти слова холодно, отстраненно, остерегаясь говорить слишком прямо и называя вещи своими именами.

– Нет.

– Хорошо.

– Наташа, я уверен, что Татьяна Анатольевна переменяла свое мнение после разговора с тобой. Прошу тебя, не препятствуй.

– Я даже говорить об этом не могу!

Страх сменился негодованием, ненавистью и надеждой, что она сумеет в этот раз отделаться от него окончательно.

– Понимаешь, Наташ, – все-таки попытался объяснить он, – я живу с мамой. Это моя семья, и большего мне не надо. Жениться я не намерен. Кристина мне не чужая. Она попала в беду, и я могу помочь ей.

– Какая глупость! Ты не отец ей! Она совершенно не знает

тебя!

– Мы уже познакомились!

– Как? – испуганно взглянула на него она. – Кто тебе позволил?

– Твоя мама. Она до сегодняшнего дня положительно относилась к моему решению. Несомненно, она еще передумает, но я считаю, что надо поторопиться. Девочке нужна помощь. Поэтому прошу тебя поговорить с ней.

– Я не стану делать этого. Считаю твою идею полным бредом.

– Но почему?

– Кристина не игрушка! Что значит ты собрался ее удочерить? В голове просто не укладывается! – взорвалась Наташа.

– Да что в этом такого? Девочке нужна семья, ты не можешь отрицать этого.

– Но у нее уже есть семья! Есть, черт возьми! У нее есть брат! А как поступить с ним? Тоже усыновишь?

– Усыновлю! – он смотрел твердо, исподлобья.

– Не забывай, что еще есть я! Если мама устала быть опекуном детей, то я возьму на себя эту обязанность!

– Ты не сделаешь этого, – тяжело вздохнул он.

– Сделаю.

– Нет. Если бы ты решилась на этот шаг, то я бы первый поддержал тебя. Но ты не сделаешь.

– Интересно, почему?

– Ты боишься.

– Да кто ты такой, чтобы говорить так со мной? – она еще больше задрожала. Откуда он узнал? Ему мама сказала? Но и она не может знать о страхах Наташи!

– Послушай...

– У нас много трудностей с Кристиной, это я не могу не признать, но ты не тот человек, который решит все проблемы! Поверь, я знаю, что такое дети! Кристина выросла у меня на глазах. Я была ей матерью и отцом! Своим упрямством ты только напугаешь ее!

– Не напугаю.

– Не понимаю твоей упертости.

Наташа не могла воссоздать обстоятельства, которые заставили Владимира пойти на серьезный шаг. Она боялась, что скажут люди. Хотя где-то далеко билось странное желание позволить ему. Как было бы прекрасно отдать тягостные проблемы кому-то, а самой уехать и начать новую жизнь! Туда, где ее никто не знает, в большой город, к новым людям!

– Наташ, я знаю, что тебе тяжело одной справляться с детьми, – не уступал Владимир, в упор глядя на нее своими большими глазами. – Ты крутишься как белка в колесе. От родителей мало помощи. Ты стараешься, но тебе трудно.

– А тебе будет легко? – усмехнулась она, чувствуя ком в горле.

– Мы с мамой справимся. Я все обдумал.

– Даже твоя мама одобряет? – перед Наташиным взглядом

предстала маленькая полная женщина, мама Бондарева, всегда веселая, с красивым голосом оперной певицы.

– Конечно.

– Но почему Кристина? Возьмите любого другого ребенка, у которого нет родителей!

– Я же сказал, она нуждается в помощи. Ни ты, ни Татьяна Анатольевна не сможете помочь ей.

– Почему не сможем?

– Потому что вы сейчас не помогаете ей! Она может погибнуть. Ей всего восемь лет, а она прошла уже все круги ада. Ты думаешь, это здорово лечиться в отделении, где содержатся настоящие сумасшедшие? Доктор три месяца пытается добиться от вас правильного решения. Вы не хотите ничего менять. Не хотите менять именно в своей жизни, боюсь остаться один на один со страдающим ребенком.

Слова прозвучали жестоко, и Наташа вскочила со скамейки. Бондарев не удерживал ее, но продолжал говорить.

– Вы не понимаете ее проблем! Вы отказываетесь показать девочку детскому психологу. Она у вас с февраля находится на психотропных препаратах. Этим вы признаете свое бессилие, я не стану говорить о равнодушии.

– О равнодушии? Да это возмутительно! Ты совсем с ума сошел? Мы пытаемся помочь Кристине!

– Вы пытаетесь убить ее.

– Какие высокие слова! Убить! Мы хотим помочь ей! Помочь, понимаешь? Если твое мнение не совпадает с нашим,

то это не значит, что ты прав, Володя! Врачи не станут лечить просто так. Они поставили диагноз! Реакционная депрессия! Это серьезное заболевание, между прочим!

– Но девочке нужен психолог!

– При депрессии нужен психиатр, Володя! Повторюсь, это серьезное заболевание. Нам врач объяснял.

– Да врач первый забил тревогу! Он не может лечить ребенка, у него другой профиль! С февраля девочку лечат от «депрессии», как ты говоришь, а сейчас начало июня! Ее надо забирать из больницы. Срочно забирать, а то придется заниматься долгой реабилитацией. Лекарства приносят Кристине вред, пойми! Врач несколько раз звонил Татьяне Анатольевне, с тобой говорил. Но вы будто не слышите! Я также разговаривал с Кристининой учительницей в школе, она ей дает характеристику запуганного ребенка, который плохо учится, потому что не способен воспринимать материал из-за собственных страхов.

– Это ложь и преувеличение! Каких еще страхов? Учительница – не психолог.

– Так надо обратиться к психологу, чтобы помощь не превратилась во вред!

– Не понимаю, о каком вреде ты говоришь.

– Лекарства наносят организму девочки вред.

– Это не доказано! Лекарства приносят ей пользу, раз их назначили!

– Не будь страусом, который прячет голову в песок!

– Я сказала, что это ложь!

– Вот видишь, Наташа, ты даже говорить об этом не можешь. Закрываешься, отрицаешь. Отмахиваешься от помощи, которую предлагают.

Она хотела закричать на него, затопать ногами. Это неправда! Никакой помощи не было никогда! Но сглотнула и попыталась успокоиться. Что толку разговаривать с этим чокнутым?

– Я пошла, мне некогда тут с тобой.

– Поговори с Татьяной Анатольевной, пожалуйста.

– Уже говорила.

– Позвольте помочь Кристине. Мы с мамой станем для нее настоящей семьей.

Его слова звучали оскорбительно для Наташи. А разве она – не семья детям? Разве не она сидела с ними во время болезни? Разве не она устраивала их в детский садик, школу? Разве не она обустраивала им комнату в своей квартире? Разве не она тратила на них свои деньги, покупала вещи и игрушки? Было невыносимо обидно, что ее вклад никто не ценит, наоборот, считают никудышной и слабой.

– Этого не бывать.

– Наташа!

– Не надо больше говорить со мной об этом.

Она развернулась и быстро пошла прочь, боясь, что он окликнет ее, начнет преследовать. Но Бондарев остался сидеть на скамейке, задумчиво глядя вслед молодой женщине.

Наташа ворвалась домой как вихрь и застала маму за разворачиванием какого-то большого свертка.

– Вот, смотри! Достала прекрасное платье баклажанного цвета, который тебе очень идет.

Наташа замерла, нервозность улетучилась вмиг. Она улыbnулась, наслаждаясь моментом, следя за тем, как тонкие руки Татьяны Анатольевны управляют с бумагой и пакетом. Забота всегда приятна, с ней не хочется бороться. Прекрасная, добрая, нежная мама! Когда платье было наконец извлечено, Наташа рассмеялась и покачала головой. Действительно, цвет баклажана и пуговицы такие же, красивые и перламутровые. А мама аккуратно приложила платье к дочери и развернула ее к зеркалу.

– Ну как?

– Прекрасно! Я давно себе ничего не покупала.

– А я заметила! И теперь, когда Владик приедет, не стыдно будет показаться ему!

Улыбка на губах Наташи застыла. Так вот, значит, для кого старается мама.

– Я гуляла в парке! – заговорила она, снимая туфли.

– Хороший денек для прогулки.

– Да, замечательный.

– Надеюсь, ты не устала? Я поставлю чайник на плиту согреться. В холодильнике еще осталось сливовое варенье, – Татьяна Анатольевна осторожно повесила новое платье в шкаф. – А может, ты хочешь обедать?

– Нет, чая будет достаточно.

– Ну, хорошо.

Татьяна Анатольевна ушла на кухню. А Наташа стала переодеваться в халат и тапочки, закрутила жгутом волосы.

– Между прочим, я встретила Бондарева!

– Володю? – мама совсем не удивилась, наоборот, в ее голосе звучали теплые нотки. – Надо как-нибудь пригласить его в гости.

– Это лишнее, – Наташа вошла в кухню и присела за стол.

– Не забыла помыть руки?

– Мам, он просил меня поговорить с тобой.

– Володя? – Татьяна Анатольевна заваривала свежий чай, не глядя на дочь. А та, наоборот, внимательно вглядывалась в лицо матери.

– Когда вы разговаривали?

– Не помню точно, кажется, сегодня утром.

– Он не понимает, отчего ты передумала.

– Да-да, он не понимает.

– И почему ты передумала?

– Ну, я решила, что нехорошо отдавать Кристину в чужие руки. Мало ли что может случиться.

– Что, например?

– По телевизору показывают разные истории о том, как родной отец пристаёт к несовершеннолетней дочери. Смотреть невыносимо, разрывается сердце. А ведь Володя не отец, он может вспылить на какую-нибудь мелочь, разо-

злиться, устать. Да он сам не здоров. О каком воспитании может идти речь?

– Значит, тебя телевизор убедил?

Татьяна Анатольевна не ответила. Она налила чай в небольшую чашку и поставила перед дочерью. Наташа машинально взяла из вазочки клубничную карамельку и, развернув фантик, бросила ее в рот. Она испытывала раздражение к Бондареву и к матери, потому что они с легкостью пытались решить судьбу Кристины, о которой заботилась Наташа. И именно Наташу никто спрашивать не собирается, просто надо отдать девочку. Но сомнения не давали говорить напрямую, оставалась надежда на свободу. А что, если она уже этим летом сможет поехать к Люде? Люда, конечно, обрадуется, ведь они давно не виделись. Она всегда рада помочь Наташе, она единственная, кто всегда ее понимал и сочувствовал ей. Вовсе не обязательно пытаться выворачивать перед Людой душу, она чутко улавливала любое настроение.

– Мам, на следующей неделе надо будет ехать за Кристиной.

– Да-да, я помню.

– А что будет потом?

Наташу волновал этот вопрос, но она знала, что ответа на него не получит. Мама не сможет решить, что лучше для восьмилетней девочки. Да и не станет она ничего решать. Поэтому Наташа принялась говорить о том, что как так вышло, что девочка находится в больнице такое длительное

время. Татьяна Анатольевна вздыхала, качала головой, соглашалась, даже пару раз смахивала с покрасневших глаз слезу.

– Надо было послушать этого доктора еще три месяца назад! Свозить Кристину к психологу. Сейчас бы избежали многих проблем. Кажется, эту новость обсуждают все кому не лень, раз уж Бондарев собрался заняться удочерением.

Но разговор был бесполезен. Тяжесть на душе все возрастала, освобождения от терзаний не приходило. Навязчивые мысли преследовали Наташу, доводя до паники, от которой потели ладони. Она пыталась понять мать, но чувствовала, что от этого становится только хуже. Татьяна Анатольевна могла предвидеть страшные неприятности, поэтому сделка с Бондаревым имела смысл. Но Наташа не могла с этим согласиться. У них семья, даже если Оля умерла. Нельзя впутывать чужих людей, особенно Бондарева, который может быть пристрастен. И с ним девочка окажется в опасности.

Пытаясь преодолеть мрачное настроение, Наташа подумала о том, что Владу совершенно не нужно приезжать в такой момент. От этого может стать хуже. Она попыталась сказать об этом маме, но та не согласилась.

– Я не смогу отказать человеку от дома, потому что он уже собрался в дорогу!

– Не вижу в этом проблемы. Уверена, что Влад поймет.

– Нет, это неприлично. Так нельзя!

– Но, мама, уверяю тебя, сейчас неподходящее время

для гостей. Мы не сможем скрыть от него наши проблемы, неужели ты не понимаешь?

– Не сможем, и не надо. Пора бы уже опереться на надежное мужское плечо.

Наташа замерла, подозревая неладное. Несмотря на всю хрупкость, Татьяна Анатольевна обладала охотничьей жилкой и постоянно пыталась навязать младшей дочери какого-нибудь «знакомого» мужчину. Она это делала с таким упоением, что Наташа не смела прекратить это и с тоской думала о том, что ни к чему хорошему это не приведет.

– Твое чувство собственного несовершенства, Наташа, слишком далеко зашло. Ты пытаешься оттолкнуть от себя хороших, надежных людей. Хотя надо только надеть новое платье, уложить волосы и быть приветливой.

– Я не в его вкусе, мам. Прошу тебя, выброси этот бред из головы и отмени встречу.

– Ни за что! Нам с тобой понадобится дельный совет от настоящего мужчины!

– Обратись за этим к Бондареву, при чем тут Влад?

– Ты хочешь убедить меня в том, что Влад не настоящий мужчина?

– Ты сама знаешь.

– Нет, не знаю и знать не хочу! Ты просто переживаешь из-за Люды, но, уверяю тебя, ты это зря! Мы не виноваты в том, что они решили расстаться.

– Мам, это не наше дело.

– Да я и не собираюсь вмешиваться. Но нельзя же позволить человеку пропасть!

– Кому? Владу? – удивилась Наташа, невольно усмехаясь. – Да этот человек никогда не пропадет! Тоже мне, нашла кого спасать!

Наташа поднялась из-за стола, чувствуя еще большее недовольство и головную боль. Она быстро помыла за собой посуду и ушла в комнату раздраженная и озлобленная. Проблемы множились в геометрической прогрессии, и она ничего не могла с этим поделать. Ей не нравилось, что мама отказывается говорить о Кристине. Не нравилось, что она подозревала решение, которое приняла мама, и о котором ничего никому не говорила.

В пятницу она целый день провела в парке, кормя голубей. В магазине удалось купить свежего хлеба с хрустящей корочкой, который она щедро разбрасывала птицам, а те грозились сесть ей прямо на голову. Наташа не чувствовала голода, хотя хлеб пах прекрасно. Ей не хотелось возвращаться домой, где с самого утра шли приготовления к встрече гостя. Мама готовила праздничный обед и сетовала на то, что дочь не помогает. Но Наташа твердо решила не участвовать в этом безумии.

Проходили минуты, складывались в часы. Пошел дождь. Ноги у девушки замерзли, в животе было пусто. Поспешно раскрытый старый зонтик не спас волосы, они быстро намокли. Птицы, не испуганные дождем, но увидев, что в руках у нее больше ничего нет, разлетелись. Нужно было возвращаться.

Она задумчиво шла, опустив голову. В груди бешено колотилось сердце, предчувствуя неприятную встречу. Не секрет, что Влад Харитонов ненавидит Наташу. Он этого никогда не скрывал. Он общался с ней лишь потому, что Люда его просила быть вежливым и мягким. Влад не хотел быть вежливым с Наташей, но держался из-за жены, которую безумно любил. От его вежливости несло арктическими паковыми льдами и снежной бурей. Разговоры о разводе казались

нелепостью. Скорее всего, мама неправильно поняла. Обычная размолвка, ссора. В последнее время в семье Харитоновых было беспокойно. А со смертью Арсения стало еще хуже. Наташа подумала о том, что несколько месяцев не видела Люду и не общалась с ней. За это время могли произойти значительные перемены. Может быть, любовь Влада была не так уж и крепка, как казалось?

Молодая женщина поднялась на свой этаж и позвонила дверь. Послышался высокий голос мамы, она торопилась открыть замок. Наташа предчувствовала, что получит жесткий выговор за опоздание к обеду. Дверь распахнулась, и на нее нахлынули сильные ароматы жареной картошки с мясом.

«Уж лучше бы семги пожарила или курицу запекла!» – подумала Наташа, отчего-то стесняясь за жареную картошку. Да еще, наверное, соленых огурцов достала и сделала салат оливье. Конечно, так и было, и Наташа нахмурилась.

Она не сразу заметила Влада, который стоял у окна и пристально смотрел на нее своими пронзительными карими глазами. Его лицо похудело, заросло короткой бородкой. Наташа машинально отмечала перемены. Через джемпер выпирали мускулы, это осталось неизменным. Влад не курил, не пил алкоголь и занимался спортом, поэтому всегда выглядел замечательно. Но теперь что-то изменилось, казалось, он стал ниже ростом. На лице появились глубокие морщины, края губ опустились, придавая облику озабоченное выражение. В густых темных волосах проглядывала седина. На

сильной шее вздулись вены, руки с длинными пальцами походили на руки старика, скрюченные, неподвижно застывшие вдоль тела.

– Привет.

От его тихого голоса отчего-то мурашки побежали по коже, дыхание перехватило. Она слишком разволновалась. И мама стояла рядом, осторожно наблюдая за дочерью через покрашенные ресницы. Потом она обязательно укажет на то, что Наташа была недостаточно приветлива.

– Здравствуй.

Она все же выдавила из себя холодное, отрывистое приветствие. И в этот миг, когда глаза их встретились, осознала до глубины души, что ничего не изменилось, и этот приезд ничего хорошего не принесет. Она побледнела и ощутила лихорадку в теле.

– Давайте садиться за стол! – заговорила Татьяна Анатольевна. – Наташенька немного запоздала, но ее задержали на работе. Это часто происходит в последнее время, но я уже привыкла. Наташенька на хорошем счету у начальства.

– Наташ, а где ты работаешь? – вежливо поинтересовался Влад, усаживаясь за стол.

– Она работает бухгалтером. Ушла из своего агентства. Я очень рада, мне никогда не нравилось, что дочка проводит время в том месте. Ведь она очень красива, и вокруг нее постоянно выются мужчины. Разве не повод для переживания матери?

У Наташи пропал дар речи, кровь ударила в голову. В глазах потемнело, и она судорожно схватилась за край стола. От стыда за ложь матери стало неудобно и захотелось убежать. Она обрадовалась, что от нее в данный момент не требуется ответов. Но поразило лицо матери, светлое, умиротворенное, будто ничего не происходит, и Наташа действительно работает где-то бухгалтером. Сердце тревожно екнуло в груди.

На столе появилась бутылка шампанского. Наташа занервничала. Маме нельзя пить, иначе может случиться непоправимое. Но Татьяна Анатольевна и не собиралась. В свой фужер она налила немного апельсинового сока, чистосердечно пояснив, что с алкоголем с некоторого времени не дружит. Влад понимающе кивнул.

– Но вы с Наташенькой обязательно должны выпить за встречу!

– Конечно!

Влад был доброжелателен и вел себя вполне раскованно. Даже взял на себя обязанность разлить шампанское.

– Ты вроде бы не пьешь? – пролепетала Наташа, пряча глаза в стакан с соком.

– Но сегодня я должен выпить за встречу.

Она бросила на него настороженный взгляд. Но лицо Влада ничего не выражало, кроме удовольствия. Это смущало, потому что Наташа только что видела совершенно другого Влада и пыталась понять, какая из личностей более досто-

верна.

Обед прошел приятно и весело. Татьяна Анатольевна смеялась, рассказывала истории из своей молодости, когда еще училась в педагогическом институте в Москве, жила в общестии с тремя подругами.

– Я ведь сама из Подмосковья, Владик. С Колей, отцом Наташи, познакомилась в Москве, он тогда учился в сельскохозяйственном и подрабатывал мойщиком машин. Какое это было прекрасное, беспечное время!

Влад поддерживал беседу и часто смеялся, не забывая подливать в фужеры шампанское. Наташе казался странным этот день, а этот обед – каким-то несообразным. Она пыталась подумать о Бондареве и представить его в роли отца Кристины. Отчего-то эта мысль уже не казалось дикой. Но сосредоточиться не получалось. Алкоголь ударил в голову, и она расслабилась, тоже приняв участие в беседе.

Вечером смотрели телевизор и пили чай с пирогами, которые напекла Татьяна Анатольевна. Владу отдали комнату Наташи, а женщины расположились в детской. Когда легли спать, Наташе хотелось спросить у мамы, зачем она соврала про работу. Но Татьяна Анатольевна тут же уснула, едва ее голова коснулась подушки.

На следующий день снова смотрели телевизор, разговаривали, смеялись, и к концу вечера Наташа совсем расслабилась. Напряжение спало, и она открыто смотрела в лицо Влада, ловя каждое его слово, широко улыбаясь. Он сказал, что

уедет в воскресенье утром, и предложил Наташе прогуляться. Она с удовольствием согласилась. Нужно время от времени проветривать подвал воспоминаний, от него несет затхлостью и плесенью. В нем хранятся воспоминания, которые могут разительно отличаться от реальности происходящего. Все-таки люди меняются. Раньше Влад никогда так открыто не улыбался и не смотрел в глаза. Сомнения, конечно, остались. Они упорно кружат где-то поблизости, как стервятники. Но Наташа пыталась расслабиться, быть веселой. Этот мужчина ей всегда нравился.

Они пошли в парк, девушка решила взять гостя под руку. Влад не возражал. В первом попавшемся магазине он купил два пива и пачку чипсов. В парке они расположились на скамейке, и Влад открыл для Наташи банку.

– Ты так изменился, – улыбнулась она. – Раньше же совершенно не пил!

– Все меняется, – улыбнулся он ей, уклоняясь от прямого ответа. И Наташа обрадовалась. Ее улыбка стала шире. Но все же хотелось уточнить подробности. Она осмелела, собираясь задать интересные для себя вопросы.

– Расскажи, как ты живешь? Мама сказала мне, что вы с Людой...

– Да, подаем на развод.

– Но еще есть время передумать. Кажется, на примирение дают месяц.

Он помедлил с ответом, сделав большой глоток из банки.

– Неплохое пиво! – кивнул он.

– Прости, если я...

– Нет, все хорошо. Ты должна знать.

– Так что случилось? Если вы еще не сделали этого, то есть шанс помириться!

– Такого шанса у нас нет.

– Но почему?

Он снова помолчал. Лицо его было спокойно, напряжения не было. И на Наташу это оказало положительное влияние. Она вообразила себе, что он приехал к ней, чтобы поделиться своими сомнениями, попросить совета, возможно, помощи, ведь Люда с Наташей лучшие подруги.

– Ты хочешь знать правду?

– Конечно, хочу!

– Я развожусь, потому что собираюсь жениться на другой.

Ответ поразил ее, разочаровал. Уверенность матери, которая, конечно, рассчитывала, что между ними завяжется роман, повлияла на настроение. Но хотела ли этого Наташа? Хорошо, что можно умолчать о своих чувствах, чтобы не выглядеть перед Владом ничтожно глупо. Что произошло за те несколько месяцев после смерти Арсения, когда Наташа совершенно не звонила Харитоновым? Она не замечала раньше, что у Влада кто-то есть. Он сильно любил Люду. От этой любви даже окружающих било током. А она любила его. Наташа завидовала им так, что иногда пыталась сделать какую-нибудь неприятную мелочь. Например, прятала Людин

телефон, когда звонил муж, или стирала любовную смс. Это было глупо, по-детски, но выходило само собой. Ей-то никогда не писали таких смс.

– Ты полюбил другую? Так неожиданно.

– Да. У нас скоро родится ребенок.

Наташа попыталась проявить осмотрительность и выпить еще пива, чтобы он не смог по ее лицу прочесть растерянность и сумбур, вызванные его словами. Захрустела пакетом с чипсами, вылавливая масляный ломтик холодными пальцами.

– Ого! Я поздравляю тебя.

– Спасибо.

Прогулка стала выглядеть вполне будничной, ощущение праздника пропало. Ей хотелось пойти домой, принять ванну, выпить чаю с вареньем и лечь на диван с книгой или вышивкой. А Влад пусть убирается прочь. Про его новую жизнь ничего не хотелось знать. Чувство надежды, возникшее вчера вечером, комкалось, как лист бумаги, превращаясь в грязные ошметки. Это шампанское так ударило в голову, что она стала думать о том, что у нее с Владом Харитоновым что-то может произойти. Она позволила себе думать, что он приехал ради нее.

– А как же Люда? – тихо произнесла она. – Я имею в виду она знает?

Влад не ответил. Мимо по дорожке проехали два велосипедиста, обдав их мелкими земляными брызгами. Нужно бы-

ло стряхнуть их с одежды, спасительная пауза, когда не надо ничего говорить. Наташе не хотелось забывать, что Влад Харитонов когда-то ненавидел ее. Но эти мысли не придавали ей силы. Разочарование разливалось чернильным пятном с горьким привкусом. Ей так хотелось, чтобы у нее был мужчина! В данный момент до боли хотелось, чтобы этим мужчиной был Влад. Не зря же он приехал! Перст судьбы! А может, он пошутил насчет другой женщины? Вдруг пытается проверить Наташины чувства, вызывая ревность? Она не решалась выяснить это, опасаясь нового разочарования.

– Послушай, – вдруг сказал он, – расскажи мне о своей сестре!

– Об Оле? – удивилась она, выходя из задумчивости. Ей не хотелось говорить про Олю. На лице отразились недоумение и страдание. Нелегко говорить о том, что когда-то было прекрасным и свежим, со временем становясь затасканным и мертвым.

– Да, ведь я о ней ничего не знаю.

– Кажется, ты не хотел ничего знать.

– Не хотел.

– Понимаю.

– Но кое-что мне известно.

– Что?

– Совсем мало. Эта информация случилась помимо моей воли, хотя я не собирался слушать. Когда мы усыновили Арсения, то нам рассказали, что его мать никогда не наблюда-

лась у врача. Она умерла от заражения крови через несколько дней после родов. Всю беременность она курила и пила. Нас заверили, что серьезных заболеваний у мальчика нет. Но я помню, что тогда был поражен. Я никогда не думал, что будущие матери могут быть так беспечны. Меня потрясло то, что у нее уже были дети. Значит, она понимала, что творит и чем может обернуться все для новорожденного.

Сухие слова Влада как-то успокоили Наташу. Будто не о сестре идет разговор, а о ком-то другом.

– Мы сами были потрясены.

– Но не так, как я! Потому что вы находились рядом. Вы понимали, что она из себя представляет. У вас была возможность как-то повлиять на происходящее.

– Мы не могли контролировать ее связи с мужчинами, – нахмурилась Наташа. Ей не понравились упреки.

– Как так получилось, что она родила третьего ребенка, но не хотела его? Возможно, ее бросил любимый человек? Или произошло что-то из ряда вон?

– Так получилось.

– Как так?

Наташа покачала головой, усмехнулась, понимая, что Владу будет трудно понять тот мир, в котором жила Оля. Мир, в котором обитают грязный пьяный секс, алкоголь, нищета, глупость и тараканы. Любимый человек! Оля следовала примеру героя романа Оскара Уайльда, который был внешне прекрасен, а гнилое нутро выплескивалось на порт-

рет. Здесь же гнилое нутро выплескивалось в поступки, от которых сильно страдала семья.

– Оля была замужем, но потом они развелись, потому что его посадили в тюрьму.

– Она переживала?

– Не думаю. Но мы никогда не разговаривали об этом.

– За что его осудили?

– За наркотики.

– Серьезно. А...

– Нет, Оля не употребляла.

Наташа осеклась, вдруг понимая, что совсем не знает, употребляла ли что-то из наркотических средств сестра. Это причинило новую боль, провоцируя очередную волну липкого страха. Пришлось несколько раз глубоко вздохнуть. Влад, казалось, не обратил на это никакого внимания.

– Так почему она, пройдив всю беременность, отказалась от ребенка?

Наташа плотно сжала губы. Она не собиралась рассказывать ему о том, что Оля струсила. Сначала просто отмахивалась от симптомов беременности, втайне подленько надеясь, что плод не вынесет нагрузки и погибнет, ведь она не отказывала себе в удовольствии перебраться с алкоголем или заниматься сексом всю ночь напролёт. Боялась сделать себе больно при аборте, боялась осуждения людей, боялась смерти. Но в итоге получила все сполна – и осуждение, и смерть. Влад внимательно смотрел на нее, понимая, что она не станет ни-

чего говорить, осознавая по-своему ее молчание. Ему казалось, что Наташа разделяет его возмущение, потому что Оля скрывала от всех свою жизнь и беременность. Он не знал, что Наташа была в курсе Олиной жизни. Считал, что ей неимоверно стыдно за сестру, поэтому слегка смягчился.

– Я бы никогда не стал думать о биологической семье моего сына. Послушал один раз и забыл. Я знал, что это мой сын, а мы – родители. Посторонних не должно быть. Все конфиденциально. Мне известна история его биологической матери, но я всегда был рад, что ее нет в живых. Прости, мои слова звучат жестоко, но я пытаюсь быть честным.

– Я понимаю.

– Раз ее нет в живых, значит, она никогда не передумает и не станет искать ребенка. Такими были мои мысли. Я ничего более не хотел знать об этой женщине. И думал, что никогда не захочу.

Наташа с большим трудом пыталась усвоить смысл слов Влада, сомневаясь, нужна ли ему поддержка. Поэтому молчала, ожидая продолжения.

– Сейчас все изменилось, меня будто выбросило из солнечной системы, и я мутирую и приспосаблиюсь к другой жизни, в другой атмосфере. Я понимаю, что прошлого никогда не вернуть, поэтому и приспосаблиюсь. У меня нет выбора, потому что свою жизнь я потерял. У меня нет сына, которого я успел полюбить. И отчего-то вдруг стала интересна судьба той, которая его родила и оставила. Может быть, этот

интерес от отчаяния, я не знаю.

Наташа чувствовала за его словами надлом и боялась, что произойдет что-то плохое. Обвинение или всплеск ненависти. Она сжалась, ожидая, сокрушительного гнева или даже рукоприкладства. Но Влад был внешне спокоен, продолжал говорить тихим, но твердым голосом.

– Твоя мама рассказывала мне, что у Ольги была большая любовь, которую она потеряла.

Влад впервые назвал сестру по имени, Наташа взглянула на него, столкнувшись со взглядом холодных глаз. Он продолжал ненавидеть. Ничего не изменилось. Но алкоголь расслабил мышцы и притупил сознание, поэтому она осталась сидеть на прежнем месте и не попыталась прекратить разговор. Ей даже стало тепло и приятно от того, что про Олю не сказано ни единого хорошего слова.

– Она утверждает, что на фоне этого у Ольги начались странности. Ты согласна?

Наташа пожала плечами.

– И все же?

– Я не знаю.

– Действительно была неземная фантастическая любовь?

Наташа подумала, что нельзя нарекать этим прекрасным словом отношения Оли и Владимира Бондарева, потому что здесь более преобладали страх, ревность, предательство и стыд. Никакого самопожертвования, преданности, жалости и желания быть с этим человеком.

– Мама преувеличивает. Было детское увлечение учителем.

Она постаралось сказать это небрежно, чтобы не произошло эмоционального эффекта, ложного впечатления. Оля прожила короткую, но бестолковую и бездарную жизнь, уничтожая себя, но думая только о себе.

– Значит, она не жалела о том, что не смогла быть с этим человеком? Не страдала?

– Нет.

Наташа не могла сказать о том, что всему виной авария. Оля бросила Бондарева, потому что не хотела выходить замуж за инвалида с отталкивающей внешностью. Говорить об этом было стыдно. И сможет ли понять Влад всю глубину этого отвратительного поступка, который изменил судьбу всей семьи. Он и так слишком закрыт и видит черное во всем, что касается их.

– Тогда почему она бросила своего ребенка?

– Ты уже спрашивал.

– Но ты не ответила.

– Я не знаю, Влад.

– Но все же!

– Порыв.

– Порыв? У нее было девять месяцев хорошенько обо всем подумать. Пожалела бы она о своем поступке, если бы осталась жива?

– Возможно.

– Стала бы искать Арсения?

– Не знаю.

Мысленно Наташа продолжала говорить. Оля боялась родителей, боялась осуждения соседей, поэтому молчала о беременности. Невозможно объяснить, на что она рассчитывала, но если бы родители поддержали ее, не стала бы рожать в сарае и выбрасывать ребенка в ржавое ведро. Она бы родила, а потом отдала его Наташе. Так уже было. Не нужно изобретать ничего нового и глупо ожидать от Оли, что у нее проснутся материнские чувства. Какая разница – Харитоновы или Наташа – у ребенка все равно не было бы матери. Эти мысли требовали широкого рассмотрения. Цепочка событий, от одного к другому. Если бы Оля не отказалась от учебы в университете, то мама не стала бы пить. А если бы она не стала пить, то никогда не позволила своей дочери спутаться с таксистом, у которого криминальная репутация. Одна неприятность влечет за собой другую. И, может быть, Оля была в чем-то права, когда говорила, что авария, которая произошла с Бондаревым, испортила ей жизнь. Получается, что в начале этого адского пути стоит пьяный водитель, который сшиб Бондарева на пешеходном переходе. А может, утро того дня, когда Владимир собрался за чем-то в город? Если бы он туда не поехал, то никто бы его не сшиб! Но все деревенские жители каждый день ездят в город, кто в больницу, кто в магазины, кто на работу... И все-таки! Где начало трагической цепочки? И как-то влияет на

эти события подлость характера Оли? Отчего возникла эта подлость, присутствовала ли она раньше или появилась от стресса и боли?

Наташа отрицала проблемы, о которых говорила сестра. По ней, они были преувеличены, вилами написаны на воде, от нежелания бороться за свое счастье. Но вдруг это судьба? И было все предрешено? Об этом постоянно говорила мама.

Они несколько минут сидели молча, потом Влад предложил еще выпить пива. Наташа согласилась. Настроение было подходящее. В ближайшем магазине купили несколько банок и чипсы. Затем вернулись на прежнюю скамейку.

– Я никогда не думал, что Люда напишет вам, попытается наладить контакт, – продолжал Влад, будто они никуда не уходили. – Я был категорически против. Но она твердила, что нельзя мальчика лишать брата и сестры. Дети и так несчастны. Я до сих пор злюсь, когда вспоминаю об этом. Она не стала советоваться, просто сделала все сама.

Наташа кивнула. Не нужно было сближаться, ни к чему хорошему это не привело.

– Но я понимаю, что вы не могли принимать решения за Ольгу. Вы не отвечали за ее поступки. Люда всегда восхищалась тобой, Наташка, потому что ты взяла на себя ответственность по воспитанию детей. Но я не мог восхищаться. Я не желал вам зла, но не хотел иметь с вами ничего общего.

– Да, наше знакомство оказалось ошибкой, – согласилась Наташа, закрывая рот ладонью и икая.

– Теперь ты согласна со мной? – обрадовался он.

– Да, теперь согласна.

Она задумалась над тем, для чего он приехал? Не привез никаких подарков детям, да и не интересуется ими совсем. Значит, причина в чем-то другом. Наташа уже не сомневалась, что причина есть. Ей трудно было определить Влада, хотя она знала его непримиримый характер. Разговаривает с ней вполне доброжелательно, агрессии не проявляет.

Она давно не пила столько алкоголя, наверное, со дня своего выпускного. Но ей было приятно свое ощущение легкости и смелости.захотелось пожаловаться на судьбу, высказать свои страхи.

– Как мне тяжело управляться с детьми, ты не представляешь! Родители мало принимают участия, только продукты привозят. А остальное все на мне, на мне! Мне страшно, что я не справлюсь, не смогу! Понимаешь?

– Ты не должна так говорить.

– Почему не должна?

– Кто, если не ты?

– Пусть кто угодно, только не я!

– Так сдай их в детский дом, как сделала это твоя сестра!

Она отрицательно покачала головой.

– Это не выход.

– Согласен. Временная слабость. Пройдет. Надо пересилить страх.

– Я стараюсь.

– Мне не понять вашу семью. Никого из вас, – вдруг сказал он, блеснув пьяными глазами, отхлебывая из очередной банки пиво. – Для вас дети – обуза! Балласт, который вы пытаетесь сбросить. А мы с женой десять лет прожили, так хотели детей. Людка лечилась, но все без толку. Тогда мы решились на усыновление. Признаюсь, далось это решение мне нелегко. Я тогда сильно сомневался, переживал, что не смогу воспитать чужого ребенка. Но Люда меня убедила. Она умела убеждать. Чужого ребенка нет, есть наш ребенок.

– А почему ты ее бросил?

– Я не бросил! – удивленно посмотрел на нее он. – Просто так вышло.

– Это мы виноваты, да? Тебе неприятно было, когда мы появились в вашей жизни.

– Возможно, это послужило началом.

– А это не слабость?

– Нет, – резко отрезал он.

– А если бы Арсений не погиб?

– Но он погиб! Нет смысла говорить о невозможном.

Наташа нахмурилась, вспоминая тот сентябрьский вечер, когда они приехали к Харитоновым в гости. Влада не было дома, но никто не расстроился по этому поводу. Люда убежала в магазин. А все они остались дома. Наташа болтала по телефону с парнем с сайта знакомств. Тогда она часто зависала на нем. Поэтому не поняла, что случилось. Лишь, вбежав на кухню, увидела, как мама и Кристина свесились из

окна. Мама кричала, а потом они обе отпрянули. Как потом выяснилось, Кристина вытолкнула Арсения из окна, а мама пыталась его удержать, но не смогла.

– Наташка, у меня к тебе будет большая просьба!

– Что? – не поняла она.

Влад расплылся в своей очаровательной улыбке, протягивая ей пакет с чипсами.

– Попрошу тебя кое о чем.

– Ладно. О чем?

– Помоги Людке. Вы всегда хорошо ладили, несмотря ни на что.

– Ей все еще тяжело?

– Более чем.

– Но чем я помогу ей?

– Не знаю. Побудь рядом, что ли. Поживи с ней немного.

– Она знает, что... у тебя будет ребенок?

– Нет, я пока не смог сказать. Да это и неважно сейчас.

– Да, но...

– Понимаешь, она стала выпивать. Без водки и дня не проходит. На работу со дня смерти сына не выходила. Все больничные оформляет. Меня не слушает, я боюсь, что она совсем пропадет. Мне бы не хотелось...

– Не все ли тебе равно? – вдруг вырвался из Наташи презрительный вопрос. Она замерла в испуге, но Влад не обиделся, пожал плечами, сжимая в кулаке пустую пивную банку и забрасывая ее в пакет.

– Нет. Я чувствую, что в ответе за нее. Невыносимо смотреть, как она убивает себя.

– Помоги ей сам.

– Нет, – ответил он твердо. – Я не могу ей помочь. Я бы очень хотел! Но уже невозможно.

Цель приезда прояснилась. Влад хочет, чтобы Наташа избавила Люду от пьянства. Но не преувеличивает ли он. Страдания матери безграничны, небольшая порция алкоголя только поможет не умереть от разрыва сердца. Люда выйдет на работу, и все потихоньку войдет в норму.

Наташа проснулась рано от головной боли. Хотелось пить. Осторожно поднялась с кровати и прошла на кухню. Выпила большую кружку воды и вернулась в постель. Но головная боль не давала уснуть. Вспомнился вчерашний вечер, и она нервно заерзала на кровати. Захотелось провалиться сквозь землю. Всегда знала, что алкоголь не приносит ничего хорошего, лишь стыд, раздражение и желание исчезнуть. А ведь она ничего плохого не сделала! Лишь пожаловалась на свою горькую жизнь. И получила сухой ответ. Влад считает ее плохим человеком. Кто-то хочет иметь детей, но не может, а кто может – не ценит. Избитая фраза, нечестная, потому что не раскрывает сути. Кто хочет, добьется, а вот что делать тому, кому навязали? Вчера алкоголь затуманил мозги, она не смогла достойно ответить, поэтому вышло, будто снова виновата. От этого кошки скребли на душе.

Они вернулись домой в два часа ночи, поддерживая друг друга. Мама лишь улыбнулась и предложила кофе. Влад согласился, но Наташа отказалась и ушла спать. Слова, сказанные вчера, казавшиеся такими правильными и красивыми, ужасали ее сейчас. Они что-то говорили об Оле, осуждали ее. Наташа и не подумала прервать разговор, потому что ей хотелось обсуждать! Она не понимала, что, осуждая сестру, кидает тень на себя. С Владом нельзя было этого делать ни

в коем случае! Потому что он – не друг, он презирает их семью.

Тихо поднялась с дивана мама и отправилась на кухню готовить завтрак. Влад сегодня уезжает. Как было бы прекрасно, если бы удалось обойтись без прощаний. Наташа притворится спящей, скажется больной. Что угодно, лишь бы не выходить из комнаты, не встречаться взглядами и не делать вид, что они лучшие друзья. Взгляд упал на новое платье багряного цвета, которое она так и не надела. Мама обязательно обратит на это внимание, когда они останутся одни. А Наташа не сможет объяснить ей, что все это глупо! Глупо, потому что надеяться на какие-то отношения с Владом бессмысленно. Он презирает ее так же, как и Олю. Ему никогда не понять таких людей, которые считают детей обузой и не хотят их. А Наташа именно такой человек. Она воспитывает, старается, но любви в ее действиях нет. Она на грани нервного срыва. Сейчас Кристина находится в больнице, а Витя в деревне с отцом. И Наташе легко и хорошо от этого. Ей не понять тех людей, которые идут на все, чтобы получить ребенка, даже на усыновление. Это разделяет их с Владом, делает врагами, потому что никто не станет менять свое мнение ради другого. Зря мама старалась и приглашала его, зря тратилась на новое платье. Влад любит детей, а Наташа их только терпит.

К завтраку пришлось выйти, доброжелательно улыбаться и спрашивать, как спалось на новом месте. Влад улыбался в

ответ, но глаза оставались непроницаемо холодными. Мама весело болтала глупости, от которых у Наташи еще больше болела голова. Она вдруг застыдилась своей кухни, вспоминая большую квартиру Харитоновых в Нижнем Новгороде. Обычные люди, никаких излишеств, но все у них хорошо и правильно. И деньги на отпуск есть, и новая машина, а уж какая была детская у Арсения! Наташа никогда не сделает такой прекрасной комнаты для детей. Мало места, да и денег нет. Мебель вся старая, привезенная из деревни, только телевизор новый, стиральная машина и плита. Наташа почти всю зарплату тратит на одежду, себе и детям. Она считает, что это важно. Встречают по одежке! Этот принцип никто не отменял.

Наконец пора уходить. Влад прощается, кивает Наташе и вдруг шепчет на выходе, чтоб она не забыла о том, что он ее просил. Мама замешкалась на кухне, и Наташа непонимающе поднимает на него глаза.

– Забыла? – Влад усмехнулся, но видно, что он раздражен.

– Нет! – вспыхнула она.

– Помоги Люде! Вы подруги!

– Хорошо.

И кто только тянет ее за язык! Когда она поедет в Нижний Новгород? Времени совсем нет, надо решать проблемы, которые не терпят отлагательств. Кристину выписывают через несколько дней. Предстоит нелегкий разговор с Бондаревым. Наташа знала, что отвязаться от этого разговора невоз-

можно. Ей стало обидно от того, что Влад думает только о себе. Ему неинтересны проблемы Сулаковых. Он ясно сказал, что их не понимает. Хорошо еще он не знает, что Кристину собирается удочерить тот самый учитель. Презрению и насмешкам не было бы предела.

Она стоит, прислонившись к косяку двери, и напряженно ждет, когда мама с Владом закончат прощаться. Это утомительно и раздражает, потому что Наташа не верит ни единому слову. Мама хочет его заарканить для нее, а он хочет заарканить ее для своей жены.

Наконец дверь закрылась, и Влад ушел. Наташа развернулась и отправилась на кухню. Вылила в раковину остатки остывшего чая и достала банку с растворимым кофе.

– Мне кажется, что ты была недостаточно вежлива! – Татьяна Анатольевна вошла в кухню и принялась убирать со стола остатки завтрака. – Подумать только, человек приехал на два дня, а ты ведешь себя так, будто он живет у нас целый год!

Наташа не ответила.

– Ты даже не надела новое платье! Человек видел тебя в этих ужасных джинсах, которые только портят твою фигуру!

– Мам, ну хватит.

– И куда ты его вчера водила? В пивбар? Как только осмелилась! Могли бы купить еще шампанского или вина и посидеть дома! Мужчина пригласил тебя прогуляться, а ты не нашла ничего лучше, как напиться! Мне стыдно за тебя!

– Он сам хотел пива.

– Ему было неудобно отказать тебе.

Наташа тяжело вздохнула, насыпая кофе в стакан.

– Мам, у нас есть молоко?

Татьяна Анатольевна достала из холодильника бутылку и поставила на стол. Губы ее были сжаты в тонкую линию, от которой разбежались морщинки. Мама обиделась, все прошло совсем не так, как она хотела. Где-то в области сердца стукнула жалость. Хорошая, добрая мама!

– Еще нет и восьми часов, а ты уже пьешь кофе!

– Когда же еще его пить, как не утром?

– Ты испортишь фигуру! И зубы пожелтеют!

– Пусть желтеют.

– Но ты никогда не найдешь себе мужа, – женщина присела за стол и внимательно посмотрела на взъерошенную дочь. – Годы идут, тебе уже двадцать семь лет! Еще немного времени, и мужчины перестанут обращать на тебя внимания.

– Пусть. Я не собираюсь замуж.

– Но ты должна выйти! – всплеснула руками Татьяна Анатольевна. – Ты не можешь продолжать жить одна!

– Почему?

– Вите нужен отец.

Наташа сморщилась. Ей не хотелось говорить о детях.

– У него есть дедушка.

– Это не то! Совсем не то! Тем более твой отец выжил из ума. Его интересуют только старые железяки, которые он

пытается чинить.

– Этим он зарабатывает.

– Несмотря на высшее образование, которое ему так и не пригодилось. Нет, Наташенька, у тебя должно быть все по-другому!

– А у меня и так по-другому, мама! – пожала плечами Наташа, наливая из чайника кипяток. – Высшего образования я не получила и не получу.

– Но оно тебе и не нужно. Сейчас не то время! Важно удачно выйти замуж. Кристина, можно сказать, пристроена. Остается Витя. И необходимо подумать о замужестве, чтобы хорошо воспитать мальчика.

– Так ты все же отдаешь ее Бондареву?

Татьяна Анатольевна тяжело вздохнула.

– У меня больное сердце, и оно просто разрывается от того, что должно произойти. Но надо думать о том, где ей будет хорошо. Мы не потянем больного ребенка, тем более больного психически.

– Я поняла так, что ты передумала и отказала Володе. Разве нет?

– Это случайность. Я просто была озабочена гостем, мне было не до Володи.

– Мам, зачем нам все это? Правильно ли будет разделить детей? Они брат и сестра!

– Ну и что? Будут видеться, не так часто, ну и что? Главное, чтобы у Кристины все было хорошо. Об этом мы долж-

ны с тобой думать.

– А папа?

– Что папа?

– Он знает о том, что ты задумала?

– Узнает в свое время.

– А если он будет против?

– Нет, не будет. Он решил не вмешиваться в эти дела.

– Но он любит Витю!

– Так в жизни Вити ничего не поменяется.

Наташа медленно потягивала горячий напиток и щурилась на солнечные лучи, которые пробивались через светлую штору. В голове пульсировала мысль, что они говорят о Кристине как о вещи, которая надоела. Изю всех сил она пыталась вызвать в себе чувство стыда. Но ничего не чувствовала, ей хотелось избавиться от обузы. И неважно каким способом. Мама – опекун, и она принимает решения. То был один из редких моментов, когда не хотелось протестовать. Бондарев действительно хороший человек, педагог с высшим образованием, железной силой воли и большим добрым сердцем. Почему бы ему не посвятить себя Кристине, дочери женщины, которую он любил? Вот будут ему и слава, и почет, и еще больше уважения.

А Наташа уедет в Ригу! И никто не станет показывать на нее пальцем и осуждать за то, что она устала.

– Влад сказал, что не понимает таких людей, как мы, – вдруг сказала она.

– Каких таких?

– Которые не любят детей, считая их обузой.

– Но это глупость, потому что мы очень любим детей. Все наши действия от любви к ним.

– Но Влад считает, что некоторые очень хотят ребенка, хотя им это не дано. А у нас есть дети, но мы к ним равнодушны.

– Я уверена, что ты неправильно поняла его слова.

– Ах, мама! Ну, что значит неправильно?

– Кто не знает, что такое дети, и мечтает о них. А стоит родить одного, и не дай бог, двоих, сразу начинают понимать свою дурость. Детей нужно планировать, подходить серьезно, правильно воспитывать, тратить на них деньги. А где возьмешь такую работу, чтобы на все хватало? Владика можно понять, он совсем мало побыл отцом.

Наташа подумала о его беременной девушке. И когда только начал изменять Люде? Когда еще Арсений был жив? Он говорил, что отношения расстроились. Ему не понравилось, что Люда написала Наташе и предложила общаться ради детей. Наташа прекрасно помнит его негатив, он даже не скрывал. И милую добрую маму, которая пригласила его в гости и так старалась быть приветливой. Ее он тоже презирует. И согласился на приезд только для того, чтобы попросить Наташу помочь Люде.

Она лениво взяла с тарелки кусочек белого хлеба, продолжая размышлять.

Но как она поможет Люде? Влад не рассказал о том, как все происходит. Живут они вместе или уже нет? Если нет, то отчего он не рассказал ей о беременности любовницы? Люда пьет, но это может быть из-за того, что еще не пришла в себя от смерти сына. А вдруг она совсем не думает о муже и плевать на него хотела? Вдруг и у нее кто-то есть?

Наташа отложила хлеб в сторону и посмотрела на маму.

– Я завтра поеду в Нижний Новгород. Позвони дяде Мише и предупреди, что я остановлюсь у него на несколько дней.

– Зачем звонить дяде Мише?

– Потому что он твой двоюродный брат, а не мой!

– Но как вы станете уживаться? Ведь ты знаешь, что дядя Миша очень сложный человек.

– Знаю, что он редкая сволочь.

– Господи, Наташенька! – Татьяна Анатольевна всплеснула руками. – Неужели нельзя остановиться у Харитоновых? Кстати, а зачем ты едешь?

– По делам, мама. Я потом расскажу. Все же позвони дяде Мише.

Она не хотела заявиться с вещами к Люде, потому что опасалась, что у нее тоже появился мужчина. Оказаться в сложном положении не было смысла. Сначала она просто зайдет в гости, а потом видно будет. Наташа не сомневалась, что Люда обязательно пригласит пожить у нее. Так что терпеть старого, скупого и вредного родственника придется недолго.

Часть 2

1

Людмила проснулась от давно забытого ощущения – теплые пальцы мужа поглаживали ее по обнаженной груди. Сердце женщины сильно забилося, когда она почувствовала, что Влад почти лежит на ней, ощутила тепло его мускулистых бедер.

– Влад...

Ее голос прозвучал хрипло, и она задрожала от безумного желанья, охватившего все ее тело. Людмила осторожно разомкнула веки и увидела красивое лицо мужа, его сильную шею и мускулистые плечи. Но тут же из горла вырвался невольный стон разочарования.

Влад спал. Его глаза были закрыты, темные волосы разметались на подушке. Это означало – все то, что он сейчас прodelывает с таким искусством, – не что иное, как фантазия. Людмила зажмурилась и постаралась удержать в груди сильное волнение. Конечно, она тоже сделает вид, что еще спит. Это единственный выход. Женщина знала, что в тот момент, когда Влад откроет глаза и посмотрит на нее, придется оттолкнуть его прочь.

Это положение было ужасным.

Муж продолжать гладить ее кожу. Людмила не могла

больше сдерживать себя. Изголодавшееся тело требовало продолжения и развязки. Она обняла Влада за плечи и со стоном притянула к себе. Не могла думать о страшной реальности, хотелось просто читать мысли любимого мужа по его лицу, которое горело страстью. Пусть он спит и не осознает своих действий, пусть! Она на все согласна. Возможно, это есть его тайное желание – вернуться к началу, к той женщине, которую он когда-то полюбил. Людмила с радостью окунулась в свои мечты, прижимаясь все плотнее к такому родному и желанному телу.

– Влад...

– Как я хочу тебя, котенок! Иди ко мне...

Неожиданно громкий шепот Влада привел ее в чувство. Людмила замерла, и огромная волна разочарования нахлынула на нее. Котенок! Он никогда не называл ее так. Это относилось не к ней. Она отстранилась. Возбуждение прошло в один миг, осталась боль от неутоленного желания. Людмила улыбнулась, как улыбаются безнадежно больному человеку, и закрыла глаза, пытаясь удержать внутри себя горькие слезы.

Все напрасно. Ничего не изменится. Влад будто почувствовал ее волнение. Он затих и, потянувшись, открыл глаза. С его лица моментально слетело выражение страсти, оно стало привычно-равнодушным.

– Доброе утро, – ровным голосом произнес он и поднялся с кровати, даже не пытаясь прикрыться спереди.

– Доброе..., – она проглотила ком в горле и тоже поднялась, одергивая подол прозрачной гипюровой сорочки. – Влад, я...

Но он уже скрылся в ванной, и вскоре Людмила услышала шум воды и негромкое пение. Он поет, проснулся в хорошем настроении и счастлив. Но как же иначе, ведь у него начинается новая жизнь, полная любви и счастливых волнений. А она остается здесь одна.

Людмила тяжело вздохнула. За последнее время ее жизнь круто изменилась. В ней не было больше уверенности, спокойствия и всего того, что нормальные люди называют благополучием. Людмила больше не жила, она существовала в нервозности и страхе. Был ли смысл этого существования? Семнадцать лет совместной жизни не говорили ни о чем и ни на что больше не давали право. Благодаря этим годам не забудешь прошлое, но они не гарантируют счастливое будущее. Семнадцать лет – это просто определенный отрезок жизни. Теперь это безжалостно прошло, и возврата нет. Людмила хорошо понимала все, у нее было достаточно времени для этого понимания, и это убивало. Сейчас начало июня, в сентябре прошлого года погиб ее маленький сын, и тогда же она узнала, что у мужа есть другая женщина. У нее было время, чтобы адаптироваться, разделить мечты и действительность. Принять ситуацию такой, какая она есть. И кто сказал, что время лечит? Невозможно отвлечь внимание и смотреть в другом направлении. Она металась от состояния послуш-

ной верующей до ярой безбожницы, не желающей смирения. Грозилась, что совершит убийство или суицид. Страдания раздирали ее на части. Она гнала время, чтобы утихла боль. В этой дикой убийственной гонке со временем хотелось остановиться и перевести дух. Оглядеться, чтобы понять, до какой степени дошли разрушения. И что-то начинать предпринимать для того, чтобы восстановиться. Но наступил июнь. Стало еще хуже.

Вспоминать о том, что случилось с четырехлетним Арсением, было больно и тяжело. Женщина замирала, отрицая воспоминания, пытаясь спрятать их глубоко внутри, но они постоянно просачивались на поверхность, принося новую порцию невыносимой боли. Она не помнила, в какой момент узнала о том, что у мужа есть другая женщина. Кажется, это случилось прямо на похоронах. Возможно, позже. Разговора тогда не получилось, не до этого было. Казалось, что совершенно не важно, чем занимается Влад. Эта боль казалась меньшей, но шлейф от нее тянулся до сих пор. Это было трудно принять и осознать. Но разговор уже казался бессмысленным, хотя вопросов становилось все больше. Людмила не могла успокоиться, она мучилась от адского неведения, угрызений совести, отчаяния и страстной, одержимой надежды, что все еще можно исправить. Было жаль мужа, ведь он тоже потерял сына, которого сильно любил. Казалось, что горе должно сблизить, но они все больше отдалялись друг от друга. Конечно, в тот трагический момент

не было и речи о том, чтобы он ушел окончательно. Людмила понимала, Влад не решается это сделать, потому что не хочет оставлять ее одну. Но она также понимала, что это рано или поздно произойдет. Вчера Людмила сама предложила ему уйти, потому что Влад пропал на все выходные. Она с пятницы места себе не находила, переживала не случилось ли что. А он вернулся в воскресенье живой и здоровый, в приподнятом настроении. И не произнес ни слова, чтобы как-то объяснить, где он был. У Людмилы сдали нервы, и она попросила его уйти, надеясь, что он откажется. Но Влад согласился.

Это был удар такой силы, что разом захотелось упасть на землю и умереть. Людмила ничего не хотела понимать, она столько времени молчала и делала вид, что все нормально, несмотря на то что Арсений умер. Пыталась что-то анализировать, но тут же начинала болеть голова, и мысли путались, скрывались от нее в потайных глубинах мозга. Начинала плакать и могла часами сидеть не двигаясь, не пить и не есть. Отчего-то надеялась, что Влад почувствует вину и изменит страшную реальность. Но не почувствовал и ничего менять в своей жизни не стал. Все получилось просто и ясно, будто и должно было так быть.

– Какая мерзость! – пробормотала Людмила. Дрожащими руками накинула на плечи халат. – Когда все это кончится?

«Все это» должно закончиться именно сегодня. Влад решительно переезжает. Скорее всего, у той женщины есть

отдельная квартира и какой-нибудь бизнес. Людмила однажды заходила в новенькое ателье, которое открыла молодая женщина лет тридцати, высокая, длинноногая, загорелая, с длинными 3D-ресницами и блестящими, как у модели, волосами. Отчего-то казалось, что это именно она избранница Влада.

Но какая разница.

Наверно, та, другая, безумно любит Влада и ценит. И он любит ее, это ясно написано на его лице. Так пусть живут вместе, есть ли смысл мешать чужому счастью? Но ведь и Людмила любит своего мужа ничуть не меньше, она никогда не переставала его любить. Они прожили вместе столько лет, и невозможно представить, что все закончилось. Наверно, дело в том, что Влада повысили до должности главного инженера. Людмила помнила, что встретила эту новость весьма вяло, потому что у них тогда были некоторые разногласия по поводу детей Куимовых. Влад решительно отказывался видеть их в своем доме. Но Людмила спорила, упиралась. Эта тема была главной, поэтому повышение Влада не вызвало радости. А надо было радоваться! Надо было говорить с мужем, обнимать его, целовать! И чего она тогда так уперлась? Сдались ей эти Куимовы! Пропади они пропадом!

Людмила в задумчивости отправилась на кухню готовить завтрак. Она прошла мимо ванной комнаты не остановившись. Какая разница, умыта она или нет, все равно ее внешний вид Влад не оценит, он совсем перестал смотреть на нее.

Но вот завтрак – это другое дело. Завтрак – единственное, что осталось от прежней жизни без изменений.

Что может изменить время? Все и ничего. С чего это она взяла, что годы, проведенные вместе, дают ей какую-то уверенность в собственных силах? Что может она изменить? Избавиться от настоящего кошмара невозможно. А кошмар заключался в том, что все оказалось ложью с начала до конца. Эта ложь вскрылась, как нарыв, когда погиб Арсений. Любовь, понимание, годы совместной жизни...

Не осталось ничего.

Небо такое же далекое. Смотришь в окно, ничего не происходит, все по-прежнему, но это обман. Ежесекундно что-то меняется: ветер начинает дуть сильнее или вовсе стихает, идет дождь, наступает ночь или утро, старую скамейку в парке заменили на новую, а на клумбе перед домом растут огненные цветы. Вот только настроение все такое же подавленное, и ком стоит в горле. Как прекрасно готовить завтрак любимому супругу и как страшно осознавать, что на этот раз примирения не будет. Влад уже собрал свои вещи. Он это сделал сразу же, как только она предложила ему расстаться. Людмила поняла, что Влад торопится. Он не думает больше ни о ком, кроме своего Котенка. Она тоже накормит его завтраком, и этот завтрак покажется ему намного вкуснее, а потом она возьмет его за руку и поведет в спальню. Влад безумно соскучился, даже стал бредить, называя Людмилу как-то по-иностранному. Котенок! От этого безобидного слова

тошно и муторно. Слово казалось враждебным, его хотелось уничтожить, стереть с лица Земли.

Окна соседнего дома. Серые силуэты крыш. Как страшно смотреть вниз с пятого этажа на знакомую улицу и думать о том, что ничего больше нет. Все умерло, ничего изменить нельзя.

Людмила достала из шкафа бутылку водки и рюмку. Это лучшее за сегодняшнее утро.

Почему она не прогнала Влада сразу же, как только узнала об его измене? Для чего продолжала делать вид, что все в порядке, и ничего не изменилось? Испугалась? Надеялась, что Влад передумает и не оставит ее? Неужели серьезно рассчитывала на то, что он сделает выбор в ее пользу, а не в пользу преуспевающей красавицы с большой грудью, молодой кожей и шикарными волосами? Портрет соперницы был нарисован, и к нему то и дело добавлялись новые штрихи. Она, конечно, водит иномарку, у нее много подруг, она пьет кофе без кофеина из маленькой фарфоровой чашечки, курит тонкие сигареты и ходит в фитнес-центр.

Преимущества не было. Семнадцать лет совместной жизни, воспитание прекрасного сына – этого оказалось недостаточно. Людмила поплатилась за свою самоуверенность. Она с остервенением продолжала мучить себя, проводя жестокий монолог в своей голове. Влад решил бросить свою надоевшую старую жену, потому что полюбил другую. С той, другой, у него нет сложных проблем, которые постепенно пере-

шли на стадию неразрешимых, потому что никто не соби-
рался их решать. Он перестал чувствовать Людмилу, его не
интересовали ее мысли, ее слова, ее тело. А когда погиб Ар-
сений, оказалось, что оборвалась последняя ниточка. Уже не
было смысла ругаться каждый вечер из-за Куимовых. Они
перестали разговаривать, избегая даже дотрагиваний друг до
друга. Ее это устраивало. Она слишком страдала, пыталась
уговорить себя что-то изменить. Ей не было до него дела. В
тот момент любовница не казалась реальной и такой близ-
кой. Горе от потери сына душило, не давая подняться с ко-
лен из той вонючей грязи, в которой она внезапно очутилась.
А Влад тоже страдал. Только он был не один. Его поддержи-
вала любящая рука посторонней женщины. Все это понят-
но, и даже немного смешно, что все так примитивно просто.
Смешно до слез, до дикого крика.

– Мерзость!

Она налила еще водки, быстро выпила. Потом убрала бу-
тылку на место и принялась раскладывать горячие готовые
бутерброды на тарелке. Зачем теперь жалеть себя? Но боль-
ше ничего не остается. Влад уже начал новую жизнь с чисто-
го листа, а Людмила осталась ни с чем.

– Ты снова пьешь с утра?

Она вздрогнула от звука его голоса и обернулась. Мыс-
ли разлетелись, как стая ворон, но засели где-то рядом, ожи-
дая, когда можно будет снова наброситься на Людмилу и
клевать ее до живого мяса и крови. Влад, одетый, чисто вы-

бритый, ароматно пахнувший, стоял в дверях кухни. Людмила вся сжалась. Его привлекательность не порадовала, а расстроила еще больше.

– Я...

– Все в порядке, – поспешно ответил он. – Только не думай, что я пытаюсь осудить тебя. Делай, как считаешь нужным.

Он прошел к столу, обдав ее волной приятного запаха мужского парфюма.

– Ты не против, если я позавтракаю с тобой?

Конечно, она не против! А если бы была против, то что тогда? Он бы поехал завтракать в ресторан или сразу к своей любимой? Почему он на прошлой неделе не задал такой вопрос или в прошлом месяце? Для чего спрашивать? Она специально готовила вкусные бутерброды, заваривала свежий чай – все, как любит Влад. Для себя ей ничего не нужно. Слова возмущения пытались прорваться наружу, но губы упрямо не произнесли ни звука.

Они завтракали молча.

Душа рвалась на части, но Людмила понимала, что устраивать сцены поздно, да и бессмысленно. Влад все равно уйдет. Но переживания совсем лишили женщину воли. Ее внутренний мир теперь очень походил на зловонное болото. Оно засасывало ее медленно, обещая в скором времени поглотить совсем. Прошло восемь месяцев с того страшного дня, когда погиб сын. На улице лето, тепло и солнечно. Но

внутри глухая, непроходимая темнота и лютый холод.

Безнадежно больно от тепла и солнечных лучей, лучше бы пошел дождь. За это страшное время Людмила потолстела, хотя почти не притрагивалась к пище, подурнела, под глазами появились круги, лицо опухло и пожелтело, волосы потускнели и походили на старую мочалку. В последние дни она плохо засыпала, а утром поднималась с трудом, испытывая одышку. Всегда ходила в джинсах и черном свитере, будто только вернулась с садового участка. На работе взяла отпуск, потому что лимит больничных закончился, ни с кем не разговаривала, даже подруги стали тяготиться общением с нею. Единственный человек, в котором она так нуждалась, бросал ее с легкостью на произвол судьбы. Бросал ради другой, молодой и красивой. Так зачем же задерживать его? Пусть идет, если его чувства настолько сильны. Людмила просто обязана отпустить его. Уговаривала себя, сдерживая тяжелое шумное дыхание, боясь, как бы не наступила истерика. Изо всех сил пыталась отыскать куда-то подевавшуюся гордость. Вот не сидеть бы истуканом, а швырнуть в любимого супруга тарелкой, пусть сосиска запутается в галстук, а горячий сыр растечется по холеному лицу, смывая навсегда эту чертову самоуверенность и равнодушие! Но она не могла этого сделать. Она ничего не могла. На нее нашел какой-то столбняк.

– Когда планируешь выйти на работу?

– Ч-что? – она совершенно не уловила смысл вопро-

са. Звуки его голоса будоражили ее, заставляя испытывать вновь и вновь муки страдания.

– Я подумал, что будет лучше, если ты вернешься к работе.

– Почему?

– Тебе необходимо чем-то заняться.

Людмилу бросило в жар. Лучше бы не трогал ее. Диалог окончательно разбил нервы. Голос дрожал, руки тряслись, а слезы бились в глухом голосе, обещая с минуты на минуту прорваться фонтаном.

– Как ты станешь теперь жить?

Жестокий вопрос, от которого волосы на руках встали дыбом. Его это и правда интересует? Или это изощренное издевательство, мучительная пытка? Но она хотела отвечать, чтобы попытаться сблизиться. Вдруг Влад поймет ее страшное отчаяние и пожалеет!

– Не знаю.

– А может, тебе поехать к родителям в Сочи? Подлечишь нервы. Самое удачное место для этого. И сезон подходящий.

Людмила напряглась. Вот оно, начинается. Влад пытается услатить ее куда-нибудь подальше, чтобы под ногами не мешалась. Он боится, что Людмила придет в себя и начнет ходить в его новый дом и устраивать скандалы. Да, он ужасно боится оказаться посмешищем в глазах своего обожаемого Котенка. Его расчет прост. Пусть Людмила едет к родителям и всю свою горечь и разочарование выльет на их престаре-

лые головы, ну а когда она решит вернуться назад, то все уже утихнет, успокоится и приобретет другой смысл. А возможно, что было бы совсем в идеальном варианте, она решит не возвращаться никогда. Сезон подходящий прикончить себя, потому что счастье лета невыносимо, когда в душе лютый холод.

– Люда, обещаешь подумать?

– О чем? – выдавила она из себя ответный вопрос.

– Я бы помог с переездом.

– Обойдусь.

– Но почему? – Влад пристально смотрел на нее, в его глазах искреннее непонимание отказа.

– Не нужно беспокоиться обо мне, беспокойся лучше о себе!

Ответ прозвучал резко, и Влад отступил.

– Спасибо за завтрак, вкусно, как всегда.

Затаив дыхание, она смотрела, как он поднимается и выходит из-за стола. Вот и наступил этот трагический момент. Сейчас он уйдет и на этом поставит жирную точку. Больше ничего не будет.

– Влад!

Она вскочила с места так, что даже стул упал, и бросилась за мужем в прихожую. Мужчина уже надел ботинки. Рядом с ним на полу стоял коричневый чемодан-трансформер. Людмила чуть не налетела на этот чемодан. Она поймала удивленный, непонимающий взгляд мужа и остановилась в нере-

шительности.

– Что случилось? – спросил он. – Ты передумала?

– О чем ты?

– Хочешь поехать к родителям?

– Нет.

– Но что тогда?

– Ты забыл попрощаться, ведь, кажется, ты бросаешь меня! – в ее голосе зазвенели истерические слезы, и Влад поморщился.

– Люда, давай обойдемся без лишних сцен. Ведь мы взрослые люди!

– Но почему?

Слезы непроизвольно и обильно текли по ее щекам, но Людмила этого не чувствовала. Она не могла понять своего жалкого положения, отягощенного этим нелепым объяснением. Упрямая сила толкала на разговор, потому что еще оставалась надежда.

– Ты сама предложила мне уйти, – Влад говорил сухо, почти официально, и ей становилось еще хуже.

– Я не знаю, почему это сказала! Тебя не было все выходные! Ты даже не позвонил.

– У меня были дела. Прости, если расстроил тебя.

– Да, конечно, я понимаю, что это за дела. Я думала, что с тобой пройдет! Это безумие должно пройти!

– Что пройдет? Ты с ума сошла?

– Ты так говоришь сейчас, будто не имеешь ко мне ника-

кого отношения! – она перешла на крик, но и этого совсем не замечала. – А как же наша любовь? Почему она прошла? Или ты никогда не любил меня?

– Я любил тебя, и ты знаешь это, но все изменилось, Люда!

– Я ничего не меняла!

– Прекрати, – он начал терять терпение. Людмила не могла заставить себя замолчать. Не теперь. Это был последний шанс.

– Влад, я знаю, что из-за Арсения ты стал другим, что тебе трудно. Но мы все наладим, обещаю! Мы все преодолеем, если будем вместе!

– Не будем говорить об этом.

– Да, я понимаю, что еще слишком больно!

– Люда, успокойся! Давай не будем сейчас ничего обсуждать, просто останемся добрыми друзьями.

– Господи, какими еще друзьями! – она схватила за голову. – Неужели я смогу стать тебе другом после всех этих лет совместной жизни? Да какая может быть дружба после такого предательства?

– Люда, тут нет предательства. Я честен с тобой.

– Я не просила об этой честности.

Ее мир был разрушен, и слова мужа только дробили осколки, пронзая сердце нестерпимой болью. Людмила пыталась объяснить ему, но не могла. Беспомощно жестикулировала руками и пыталась подобрать слова.

– Люда, мне нужно идти! Ты немного расстроена, тебе на-

до успокоиться.

– Постой! Влад... Ты ничего не понимаешь, – она сделала неопределенный жест рукой. Слезы с новой силой потекли по ее бледным щекам. – Я расстроена? Да я просто в ужасе от того, что происходит со мной! Это кошмарный сон, который никак не закончится...

– Успокойся, это скоро пройдет.

– Что именно пройдет? – снова повысила голос она. – Моя неуверенность в себе? Мой страх? Да, я во всем виновата! Это из-за меня произошло! Но неужели это все должно было привести к этому? Как это изменить? Я никогда не разлюблю тебя, Влад! Ты – мой единственный, и я...

– Тебе просто не нужно пить водку по утрам, – сухо оборвал ее он. Людмила замолчала, растерянная.

Влад решительно взял в руки чемодан и холодно взглянул на нее. В его взгляде промелькнуло что-то очень похожее на безразличие. Людмила обняла себя руками за плечи, подавленная еще больше.

– Всего хорошего.

Она смотрела, как он поворачивается и уходит. Дверь хлопнулась, и чуть слышны были на лестнице быстрые шаги. Вот и все.

Теперь можно спокойно пойти в ванную и перерезать себе вены. Это станет спасением, выходом из тупика. Ведь, как говорят, нет безвыходных ситуаций. Смерть – выход из любой безвыходной ситуации. Влад ушел и забрал с собой все,

что она имела хорошего в своей душе – уверенность в себе и желание жить дальше.

Людмила опустилась на пол. Она уставилась в одну точку на стене. Так просидела несколько часов, потеряла чувство времени и не понимала день сейчас или ночь. На улице началась гроза, и в квартире стало темно. Женщина не двигалась. Вера в существование глубоких чувств утратилась. Мыслей больше не было, воля умерла, только нервы не переставали дергаться и заставляли тело трястись мелкой дрожью.

Людмила стояла на краю пропасти, и земля сыпалась у нее из-под ног.

2

К вечеру ей стало немного лучше. Она выпила чашку горячего чая и съела бутерброд с сыром. Подошла к окну и, глядя на улицу, ощутила полную оторванность от мира. От чего она мучилась больше – от измены мужа или смерти сына? Одна боль наслоилась на другую. Такое потрясение не может пройти, возможно, оно никогда не пройдет. Людмила бесцельно бродила по пустой квартире, словно привидение. Это становилось невыносимо. Нельзя вернуть прошлое – ходить здесь, как ходила она еще год назад, переставляла вещи с места на место и с радостью поджидала любимого мужа с работы. Тогда не было тревоги, ничего плохое не омрачало мысли. По-другому быть не могло. А сейчас реальность такова, что брак с Владом окончательно разрушен, и ничего изменить нельзя. У него есть Котенок, молодая, красивая и любимая, а у Людмилы никого нет. Дом холоден и пуст, за стеной соседи смотрят телевизор. Где-то сверху принимают душ или моют посуду, в трубах шумит вода. А за окном слышится шум машин. Она подумала о сыне.

Арсений.

Людмила сцепила пальцы в молчаливом протесте. Он выпал из окна и разбился насмерть. Пятый этаж, очень высоко. Ему было четыре года, совсем маленький. Людмила бежала из магазина и нашла своего сына лежащим в кустах акации

с разбитой головой...

Она задержала дыхание, а потом шумно выдохнула. Попыталась заблокировать поток воспоминаний. Нельзя думать об этом, потому что вновь придут беспомощность, страх и помутнение рассудка. И она с диким отчаянием метнулась к противоположности, воспоминаниям о другом горе, не таком оглушительном – о том, как узнала о любовнице мужа. Пыталась вернуть именно ту боль, чтобы этой болью заглушить воспоминания того дня, когда погиб сын.

Влад бросил ее ради другой женщины. Никогда бы не поверила в это, если бы не происходящее. Будто сон или приближение смерти. Нельзя рассчитывать на вознаграждение умереть, не дожидаясь продолжения. Исключения не будет. Людмила пыталась оглянуться на прошлое, найти причину, но ничего не находила. Что-то протекало в их семейной жизни не так. Влад не потрудился объяснить. Она испытывала страх, будто перед какой-то опасностью. Адреналин большими порциями выбрасывался в кровь. Возбуждение требовало ответов на вопросы. Где познакомились? Когда он изменил в первый раз? Чем эта женщина привлекла его? Ответов не было, и в душе нарастали новая боль и отчаяние. Но потом Людмилу охватила слабость, что пришлось присесть и закрыть глаза. Когда она их открыла, за окном стемнело. Она осторожно поднялась и прошла в ванную. Здесь умылась и почистила зубы, попыталась причесать волосы, но потом решительно бросила эту затею. Скинула халат и переделалась в

привычные джинсы и свитер. Прошла в прихожую, натянула черную вязаную шапку до самых бровей, не задумываясь о том, что на улице тепло, и вышла из квартиры. Сидеть в замкнутом пространстве, где еще продолжал витать знакомый аромат мужского парфюма, больше не представлялось возможным.

Она медленно пересекла улицу и направилась в сторону центра. Шум редких машин, которые проезжали мимо, дошел вдруг до ее сознания, и она отчетливо поняла, что ни за что не выберется из того болота отчаяния, в которое попала. Оно засосало ее в себя, и без помощи не выбраться. Но помощи не будет. С Владом все кончено.

Острая боль в душе поутихла, но на ее место тут же пришли чувство униженности и тяжелая тоска. Людмила мрачно смотрела на прогуливающиеся пары, от них исходили мир и покой. Губы растянулись в неприятной улыбке. Стало невыносимо смешно. Она резко развернулась и пошла прочь от этой улицы, подальше от своего дома и от этих незнакомых людей, которые были до неприличия счастливы. Ей было враждебно абсолютно все, и от этого хотелось громко хохотать. Людмила старалась с силой удерживать дикий хохот в своей груди. Она выглядела странно, с узкими заплаканными глазами, опухшим красным лицом, зажимающая рот ладонью.

Скоро она сойдет с ума. Все к этому идет.

Неожиданно подумала о том, что ей нужен мужчина. Глу-

пый молодой самец с длинными волосами и накаченной грудью. Мужчина, который не станет задавать лишних вопросов и не будет стараться что-то понять. А в придачу к такому мужчине ей необходима бутылка крепкого вина. Этот вечер надо провести в компании молодого жиголо, домой возвращаться нельзя, там все пропитано суицидным духом, стены давят и готовы убить. Только сегодняшние вечер и ночь! Робкое предостережение о том, сколько нужно заплатить этому жиголо, чтобы он всю ночь был с ней, было отмечено в сторону. Обычный наркоман согласится составить ей компанию. Она и на это готова, лишь бы был молод.

Первое попавшееся кафе называлось «Азалия».

Людмила вошла в полутемное помещение с низким потолком. Ей совсем не понравились дизайн и вся обстановка кафе. Все здесь, начиная с блестящего пола, панелей цвета слоновой кости и хрустальных светильников, заставляло переноситься в другой мир, спокойствия и умиротворения, от которого она была сейчас очень далека. На стенах висели картины с изображением китайских собачек и фантастических растений. Маленькие подвальные окна закрывали занавески изумрудно-зеленого цвета.

Людмила поморщилась и прошла к угловому столику, который скрывался от посторонних глаз за большой пальмой, что росла в высокой деревянной кадке. Над столиком горели бра под зеленым абажуром. Свет, исходивший от них, был мягок и не раздражал глаз. Подошла официантка и приняла

заказ. Людмила попросила бутылку красного вина и плитку шоколада. Тут же пожалела, но не решилась вернуть официантку, которая не пыталась скрыть брезгливость.

Надо было заказать бутылку водки и салат оливье. О чем она только думала? Но дело сделано. Пусть будет вино. Людмила не собиралась расстраиваться из-за денег. Это самое меньшее, что в данный момент могло ее расстроить. На карте достаточно средств, чтобы выпить, но в душу неприятно кольнуло сомнение. Ведь Влад переехал, станет ли он теперь пополнять этот счет? Если нет, то действительно придется выйти на работу. Людмила работала в стоматологическом отделении одной из городских больниц, была на хорошем счету. Но с того момента, когда погиб Арсений, никуда не выходила. А даже мимолетная мысль о работе нагоняла еще большие страх и тоску.

Официантка принесла заказ. Людмила сразу же налила себе полный фужер вина и жадно выпила, не притронувшись к шоколадке. С легким вздохом переменяла положение ног и задумчиво уставилась в пустоту. Вот бы напиться до чертиков и устроить погром в этом полусонном кафе! Хорошо бы бросить бутылку в зеркальную полку с напитками, пусть разлетится вдребезги, как вся ее чертова жизнь.

О чем только она думает! Людмила испуганно огляделась, будто кто-то смог увидеть ее фантазии, и попробовала отогнать от себя опасные мысли. Из высокой темной бутылки налила еще вина. Ее словно раскачивало на качелях: вверх-

вниз, вверх-вниз... Посмотрела на свои дрожащие руки и тут же отвела взгляд. Что с ней происходит? То смешно, то страшно. Нервы совсем расшатались.

Фужер снова опустел и снова наполнился. Людмила подняла руку, чтобы поправить волосы, которые упрямо лезли из-под шапки в глаза, но тут ее рука замерла в воздухе. Прямо на нее шла красивая молодая женщина и улыбалась. Людмила критически оглядела ее и осталась недовольна.

У женщины были длинные, прекрасной формы ноги, с тонкими лодыжками, стройность которых подчеркивали туфли на умопомрачительной шпильке. Тонкая талия, плавный изгиб бедер, высокая грудь, плотно обтянутая кожей изящного пиджака. Безупречный овал лица, полные губы, накрашенные светлой помадой, дерзко вздернутый носик и огромные зеленые глаза, сверкающие в полумраке кафе, как настоящие изумруды. Темные локоны с шоколадным отливом тяжелой волной спадали на спину красавицы, и она небрежным движением откидывала их за спину. Она очень вписывалась в обстановку кафе, будто тщательно подбирала одежду именно под этот интерьер.

Тут было от чего позлиться.

Людмила узнала эту женщину. Они давно не виделись. Много изменилось, прошла целая жизнь. Хотелось добиться независимости от воспоминаний, вернуться в прошлое и обрубить то робкое начинание, тогда казавшееся правильным, но сейчас видевшееся роковым. Сломать, вырвать с

корнем тот день, когда они познакомились, посеяв вглубь судьбы черное зерно смерти, проросшее в полной мере через три года.

Наташа Сулакова.

Когда-то они были лучшими подругами, созванивались каждый день, делились секретами, встречались по выходным. Но эта дружба закончилась в тот момент, когда Людмила нашла под кустами акации мертвого сына. Влад оказался прав, он не переносил Наташу, ее мать, племянников с первого дня и хотел, чтобы это прекратилось. И это прекратилось, когда Арсений умер.

Последнее время они с Наташей совсем не созванивались. И Людмиле было совершенно наплевать. Она собиралась вычеркнуть этих людей из своей жизни, предполагая, что те сделали то же самое. Сегодня один из черных дней за последнее время. Утром ушел Влад, а вечером появилась Сулакова. Плохой признак, как черная метка. Жди беды. Молодая женщина уверенно подошла к столику, за которым расположилась Людмила, приветливо кивнула и спокойно уселась на свободное место, положив ногу на ногу, небрежно расправив на коленях коричневую юбку. Будто не было между ними смерти и этих страшных месяцев раскаяния и горя.

– Привет!

Людмила не ответила, но Наташу это ничуть не смутило.

– К вечеру похолодало. Кажется, будет дождь, – сказала она и улыбнулась. – Что пьешь? Красное вино? Я его не

очень.

Людмила не понимала, для чего нужно было подсаживаться именно за этот столик, места что ли мало? Ей не хотелось компании, не хотелось быть откровенной. Хотелось стать незаметной для знакомых глаз. Ее лицо выражало напряженность. Скрывать это было трудно.

– Я приехала рано утром на автобусе, к дяде. Он что-то неважно себя чувствует, попросил приглядеть за ним несколько дней. Мне не сложно. Целый день я гуляла по Покровке, такая приятная улица. Люблю ее очень, но не знаю за что. Просто нравится. Мороженое вкусное, я купила фисташковое в розовом рожке. И апельсиновый сок. Не заметила, как время прошло. Хотела возвратиться к дяде, но тут смотрю, ты идешь! Какая приятная неожиданность!

Слова звучали фальшиво, слишком радостно. Людмила подозревала, что нет никакой случайности и приятной неожиданности. Но не собиралась интересоваться, в чем дело. Скорее всего, Наташе нужна какая-то помощь для детей. Она приехала, чтобы купить что-то или записаться на прием к платному врачу.

– Ну, что ты молчишь? Ведь здорово же, что мы встретились!

– Здорово.

– Вот и я говорю! Здорово!

Наташа улыбалась, играя прекрасным блестящим локоном, нанизывая его на палец. Но Людмиле было тошно, буд-

то она заболела гриппом. Руки и ноги отяжелели, в груди билась истерика. Она хотела просто посидеть в кафе и выпить вина! Уже не думала о молодом человеке и случайном сексе. Но боялась, что Сулакова начнет ворошить прошлое, и тогда придется рассказать о том, что муж бросил ее. И в этом было главное сомнение. Рассказать хотелось, поплакать, попросить совета. Но в то же время упрямая гордость не позволяла, заставляя глаза сверкать злобной яростью.

Официантка принесла Наташе заказ: чашку кофе и маленькое пирожное с кремом. Людмила нервничала все больше. Она отчаянно жалела, что не заказала водки.

– Вообще-то тут миленько.

– Дерьмо!

– А ты изменилась, – заметила Наташа.

– С чего бы, правда? В моей жизни все по-прежнему.

Сулакова внимательно посмотрела на Людмилу, и той показалось, что в ее взгляде промелькнула неприязнь. Она везде видела неприязнь и брезгливость. Машинально поправила шапку. Голова вспотела, и хотелось сдернуть ее. Плачевный вид волос отметал эту перспективу.

– Как твои дела, Люда?

Вопрос прозвучал неожиданно мягко, но снова в этой мягкости Людмиле почудились фальшь, издевка и пренебрежение. Она попыталась глубоко вздохнуть, отгоняя туман неприятных мыслей. Это было сделать нелегко. Туман прочно и надежно окутал ее. В отчаянии подумала, что это же

Наташка Сулакова! Простая, добрая деревенская девчонка, которая много пережила и воспитывает детей своей сестры.

– У меня все нормально, я же говорила...

– Ты сказала, что в твоей жизни все по-прежнему.

– Да, это так, – Людмила вызывающе посмотрела на подругу, ее язык слегка заплетался от выпитого за вечер. – А в чем дело? Почему ты интересуешься?

– Потому что мне небезразлична твоя судьба

– С чего бы это? Странно даже.

– Что тут странного?

– Да так. Мы давно не виделись. Ты неожиданно появляешься,ходишь ко мне и сообщаем, что тебе небезразлична моя судьба. Что с тобой?

– А с тобой?

– Не понимаю, что ты имеешь в виду. Со мной все в порядке.

– Поэтому ты сидишь здесь и пьешь вино?

Людмила помолчала, разглядывая этикетку на бутылке. Разговор не ладился. Но неожиданно пришло чувство, близкое к благодарности, ведь Наташка первый человек, который заинтересовался ее судьбой. Она единственная спросила, как дела! В душе шевельнулось слабое чувство благодарности. Алкоголь расслабил затвердевшие мышцы. Зачем отталкивать Наташку? Они подруги. И Людмила сейчас должна решить, оттолкнуть ли Сулакову окончательно. Распатанные нервы – дурной советчик. Они вносят свой разруши-

тельный вклад. Но хотелось видеть в этой встрече руку помощи и ухватиться за нее, не отпускать!

– А как ты живешь? – дрогнувшим голосом спросила Людмила.

– В заботах. Кристина находится в больнице три месяца. Должны выписать.

Упоминание о Кристине раздосадовало. Людмиле была неприятна эта девочка до боли в зубах. Хотелось открыто осуждать ее, ругать, плевать. Но нельзя позволять такого. Поэтому Людмила зевнула, делая вид, что ей все равно, она даже не помнит, кто такая эта Кристина.

– От чего лечили-то?

Но Наташа была печальна и серьезна, тема девочки беспокоила ее. Это было понятно по тому, как она говорила, озабоченно поджимая пухлые губы.

– Реакционная депрессия.

– Оказывается, страшный диагноз – депрессия. Я тоже страдаю.

Они помолчали немного. Наташа грустно смотрела перед собой, будто вспоминая что-то. К кофе не притрагивалась, а Людмила, опустошила всю бутылку.

Но душа рвалась на части. До боли очень хотелось поделиться своими переживаниями, рассказать все первому встречному или бывшей подруге – какая разница! Только бы скинуть с плеч давящую тяжесть неразрешимых проблем! Людмила еще пыталась сопротивляться.

– Есть улучшения?

Наташа очнулась, принимаясь помешивать ложечкой сахар в чашке.

– У Кристины?

– Да, у нее. Депрессию вылечили?

Наташа неопределенно пожала плечами. На ее лице отразилось отчаяние. Но она быстро взяла себя в руки. Широко улыбнулась.

– Надеюсь, что все будет хорошо. А как Владик? Почему ты тут одна?

Людмиле хотелось обмануть, уклониться от правды, но обида и боль были слишком свежи. Во что бы то ни стало хотелось поделиться ими. Раз уж Сулакова испортила вечер, который посвящался поискам самца, то надо хотя бы использовать его для откровенного разговора.

– Он ушел от меня.

Она четко проговорила эти слова, глядя на подругу. И та не посмела переспросить и сделать испуганные глаза. Добавить истеричной эмоциональности никто не хотел, поэтому сидели молча, пока наконец Наташа не произнесла:

– Давно?

– Сегодня.

– Что случилось?

– Ты знала, что у него есть любовница?

– Нет.

– И я не знала. Это вскрылось на похоронах. Почему-то я

совершенно ничего не замечала.

– На похоронах Арсения? – уточнила Наташа, пытаясь восстановить в памяти этот день. Она никого не запомнила, было очень много народу.

– Да.

– И как это вскрылось?

– Они явились на похороны вместе, представляешь? Держась за руки. Он рыдал, а она его обнимала и успокаивала.

– Ты это видела? – удивленно замерла Наташа, пытаясь вспомнить. Но у нее никак не получалось. В тот день она была слишком напугана и выбита из колеи. Ей приходилось поддерживать рыдающую, падающую в обморок маму и следить за испуганными детьми.

– Нет. Мне сказали. И я у него спросила. Он ответил, что это его женщина.

– Так прямо и сказал?

– Да. Так и сказал.

– А ты?

– А мне тогда было наплевать. Казалось мелочью, ложью, сном кошмарным. Мы об этом больше не говорили. Влад жил дома, как прежде, только отлучаться стал по вечерам, но не каждый день. Я не была против. Я еще не верила. Но стала замечать разные мелочи. Зарплату переводил мне на карту уже меньшую. Его телефон разрывался от смс, и он боялся его оставить рядом со мной. Как будто я бы стала проверять!

– Тоже мне мелочь! Я бы не позволила! Устроила скандал!

Особенно за зарплату!

– Для меня это неважно, – поморщилась Людмила. – Я надеялась, что все пройдет. Но ничего не прошло. Сегодня он ушел с вещами. Я бы хотела знать подробности, но не посмела у него спросить. Язык не повернулся.

– Потому что надеешься его вернуть.

– Не знаю.

– Я тоже ничего не замечала. Он никак не проявлял этого.

Удивительно.

– Кто бы мог подумать.

– Люда, но нельзя это так оставлять! Надо бороться!

– С кем? – покачала головой Людмила, поправляя шапку на голове. – С ним? С ней? Я не хочу ни с кем бороться. Я устала. Я хочу, чтоб это все поскорее закончилось.

– Не говори так.

– Я хочу его вернуть, но не собираюсь заставлять. Мы и так достаточно проспали в одной постели, хотя я уже знала, что он меня предал. Он предавал меня каждый день, просыпаясь, желая доброго утра, завтракая, уходя на работу как ни в чем не бывало. Затем шел к ней, а потом возвращался домой. Не понимаю, почему он сразу не ушел? Сил признаться хватило, но вот уйти – нет. И длится это... долго. Нескончаемо долго. Надо признать, что лучше не стало, хотя я думала, что раз он остался дома, то все еще наладится. Глупость! Надо было обрывать с самого начала! Вот с того самого момента, как правда вылезла наружу!

– Так ты его сама прогнала?

– Можно и так сказать. Он провел у нее все выходные. Меня даже не предупредил. Я подозревала, где он, но переживала безумно, вдруг ошибаюсь, и что-то случилось, он попал под машину, или случился инфаркт посреди улицы. Он не подумал обо мне, ему наплевать. Вернулся в воскресенье как ни в чем не бывало. Съел ужин, помылся и лег смотреть телевизор. Я хотела зарезать его – так мне было плохо. Мечтала отрезать ему голову и выбросить в окно. Но вспомнила, что ножи уже не точились в нашем доме несколько месяцев.

– Ты и правда изменилась. Будто сошла с ума. Где только нахватались таких слов? – лицо Наташи было непроницаемо. Значит, Влад не сказал жене, где был. И она не собиралась.

– Ладно, уже поздно. Иди к своему дяде, и мне пора домой.

– Постой! Я могла бы пойти с тобой!

Людмила, пошатываясь, поднялась из-за стола. Она медленно покачала головой, утирая вспотевшее лицо ладонью.

– Не надо. Я справлюсь.

– Но, Люда! Так нельзя!

– Все хорошо. Спасибо, что выслушала.

– Я тебя не оставлю!

Но Людмила уже шла к выходу, бросив на стойку деньги за вино и шоколад. Наташа в отчаянии смотрела ей в след. Она уже успела поругаться с дядей и не планировала возвращаться в его старую вонючую квартиру. Ее разозлило, что Люда

не пригласила ее к себе. Она готова была заорать и стукнуть по столу кулаком, так она была зла!

3

Людмила проснулась поздно и никак не могла заставить себя подняться с постели. В квартире тихо, и от этого приятно. Миг удовлетворения прошел, и в сердце начала вползать привычная тоска. Людмила сжалась, судорожно вздохнув. Она совершенно одна. А ведь еще прошлой весной Харитоновы всей семьей собирались за ужином в большой уютной кухне. Они с Владом обсуждали новости, которые показывали по телевизору, строили планы, делились впечатлениями. Обнимались, целовались, отводили Арсения в детский садик.

Теперь ничего не осталось, и кухня перестала источать уют, только жуткий холод и запах, как в старой общаге. Мусор не выносятся по неделям, пол не мылся со дня похорон Арсения, окна не протирались, а посуда покрылась тонким слоем липкого жира. Кухонное полотенце куда-то подевалось, салфетки закончились, и Людмила вытирала руки туалетной бумагой. Влад еще как-то пытался поддерживать чистоту, ради него она заставляла себя готовить еду. Иначе умерла бы от голодной смерти или передозировки алкоголя.

Людмила надеялась, что общее горе сблизит их. Но они по-разному восприняли этот удар. Будто оказались по разные стороны глубокой пропасти, разверзшейся под ними. Начались ссоры. В какой-то момент она стала отмалчиваться-

ся, надеясь, что ситуация изменится, если перестать орать друг на друга. Но стало только хуже. Муж отдалился настолько, что она перестала его наблюдать в собственном доме. Они сидели по разным комнатам, не разговаривали.

Нестерпимая боль терзала сердце. Казалось, в него врос железный крюк, который истязает и отравляет ядовитой ржавчиной. Кто-то постоянно поворачивает этот крюк, и Людмиле становится трудно дышать, и подкашиваются ноги. Она отрешилась совсем, подозревая, что так долго продолжаться не может. И оказалась права. Эти выходные, которые провела в ужасе и слезах, решили разрыв окончательно. Мучила навязчивая далекая надежда: а вдруг ездил в командировку по работе? Но надежда сгорала как спичка. Нет, он был у нее! Какая еще к черту командировка!

Людмила вспоминала, как прожили они эти несколько месяцев после смерти сына. Влад приходил домой каждый вечер, читал новости в Твиттере, пил горячий чай, принимал душ и шел спать. Иногда заказывал еду на вынос или привозил с собой, оставлял ей, не предлагая присоединиться к нему. А она не знала, ей ли он оставил поесть или просто отложил на утро. Поэтому ничего не брала. Прежние привычки искоренились навсегда. Людмила, зная о другой женщине, не прогоняла мужа, молчаливо позволяя находиться рядом. Было все равно, но случались моменты, когда Влад представлялся жирной навозной мухой, назойливо кружившейся поблизости. Она терпела его, потому что после похо-

рон сына он был так же сильно подавлен и разбит, как она. Он постарел и осунулся, его взгляд был безнадежен и жалок. Но она не могла дать ему внимания и сочувствия.

Людмила лежала и слушала, как каркают вороны за окном. Резкое карканье раздавалось совсем рядом, будто птицы сидели на подоконнике. После короткого, рваного сна женщина не чувствовала себя отдохнувшей, наоборот, появилось знакомое ощущение напряжения и бессилия. Сон быстро проходил, и на его место возвращалось осознание мрачного настоящего. Вернулись забытые во время сна тревожные мысли. Что сказать, если необходимо строить жизнь заново? Ответов много, разные пути, строгие планы, исправление ошибок. Но ответ о смерти всего один – миг боли, темнота и бесчувствие. Каждое утро у Людмилы начиналось одинаково. Вспоминала, что на кухне, в ящике стола, лежит пузырек с таблетками. Если сейчас пойти туда и достать этот пузырек, высыпать на ладонь маленькие таблеточки, их можно запить водой, а потом допить остатки водки.

Смерть – она быстрая, как молния. Мгновение мужества, а затем переступить черту. Людмила уверена, что многим принесет облегчение своей смертью.

Именно поэтому и тянет с этим! Не хочет, чтобы Влад испытал облегчение. Какая-то невыносимая обида точила душу. Требовался серьезный разговор. Но оба молчали, однако это казалось лучшим решением. Быть рядом хоть как-то. На прошлой неделе Людмила написала мужу письмо на пя-

ти страницах. Но перечитав его, ужаснулась и осознала, что ей ничего не нужно, она не может выразить свои мысли так, чтобы он понял. Письмо было разорвано на множество кусочков и смыто в унитаз.

Осознавать страшно, что отношения разладились. Они с мужем отделились настолько, что говорить не о чем. И это понимание было ужасно, потому что еще некоторое время назад все было по-другому. За пределами черной реальности жизнь оставалась иной, с разными семейными обязанностями, мелкими проблемами, радостью и бесконечными разговорами за ужином обо всем на свете. Стремление освободиться от этой жизни пришло спонтанно, во время потери рассудка от горя. И разрушить оказалось проще, чем восстановить. Ей было горько от того, что это так, потому что тогда получается, что не было никакого понимания и любви. Они изменились, и все вокруг изменилось. Мучительные рваные мысли вызывали отчаянную головную боль.

Истошно заверещал звонок под нажимом нетерпеливого пальца. От неожиданности Людмила подскочила на кровати и грохнулась на пол. Цепочка образов, плодившихся и множившихся в голове, как инфекционные бактерии, разорвалась, оставляя после себя болезненную пустоту. Звонки не прекращались. Женщина с трудом поднялась, удивляясь, каким тяжелым стало ее тело, накинула на плечи старый застиранный халат неопределенного цвета и пошла открывать дверь. Мертвый взгляд столкнулся со своим отражением в

зеркале. Бледное опухшее лицо с красными глазами, тонкая бесцветная полоса твердо сжатых губ, а спутанные волосы точно напоминали логово паука. Еще один звонок, и она, отвернувшись от зеркала, распахнула дверь.

На пороге, в уверенной позе, стояла Наташа Сулакова. Людмила напряглась и пожалела, что не посмотрела в глазок. Она оглядела гостью, еще раз убедившись в том, что Сулакова – очень красивая женщина. Именно сейчас эта природная красота слепила глаза. Другая жизнь, словно другая планета или подснежники среди зимы. Будто свежий морской бриз ударил Людмиле в лицо. Она попятилась, потому что не хотела этого. Внутренний разлад провоцировал боль и хаос. А образ Наташи был слишком идеальным и неподходящим.

И все же в облике Сулаковой появилось что-то новое, незнакомое. Они не виделись несколько месяцев. И в это время что-то, безусловно, изменилось. Молодая женщина похудела, в лице появилась мраморная белизна, скулы заострились, а в глазах мерцал нездоровый блеск. Но это мало влияло на безупречную внешность.

– Привет!

Людмила молчала. Ей хотелось захлопнуть дверь и навсегда перевернуть страницу.

– Почему так долго не открываешь?

Наташа вошла в квартиру, не дожидаясь приглашения. Людмила продолжала молчать, не зная, как объяснить то, что сейчас ей совсем не до гостей. Из бесконечных боли и

хауса родилась тяжелая невыносимая неприязнь к подруге. Осознав ее, Людмила застыдилась. Она всегда была добрым человеком. Новые черные разрушающие чувства не принесли ничего, кроме разочарования и еще большей боли.

– Ты еще спишь? – Наташа покосилась на неубранную кровать, стоя на пороге комнаты.

– Проснулась только что, – выдавила из себя Людмила и жестом пригласила гостью войти.

– Тебе не нужно на работу?

– Нет.

– Клиенты закончились? Теперь никто не лечит зубы? Кажется, ты работала в больнице.

– И закончились, и не лечат. Ко мне никто не записывается.

– Почему?

– Потому что я в отпуске.

– Понятно, а где Владик?

Людмила удивленно посмотрела на Сулакову, пытаясь вспомнить: а не приснилась ли ей вчерашняя встреча в кафе? А иначе отчего она задает этот вопрос?

– Его здесь нет.

– А, да, ты говорила, что вы расстались, – в голосе Наташи послышалась печаль, но Людмила не поверила и покачала головой. В ней начинала расти ярость.

– Говорила. А ты, кажется, забыла совсем?

– Нет, не забыла. Просто надеялась, что все наладилось.

Ведь могло все наладиться?

– За одну ночь?

– Почему бы нет? Ночью как раз все и налаживается.

– Нет, не могло.

Голос дрогнул, Людмила отвернулась, испугавшись, что разрыдается. Намеки были невыносимы. Она жалела, чтопустила Сулакову в квартиру.

– Иди прими душ и переоденься. А я пока заварю свеженького чайку. Потом мы поговорим.

Ласковый голос и открытая улыбка раздражали. Людмила готова была возмутиться, но долго думала, что ответить, оттого потеряла момент. Поэтому ушла в ванную комнату, кусая губы от досады. Суицидальные бактерии в мозге бурно протестовали против вторжения незваной гостьи. Но Людмила еще в силе утихомирить их. Заставила себя умыться холодной водой, почистила зубы, попробовала причесать волосы, но, испытав сильную боль, оставила эту затею. Каждое дело давалось ей с трудом. Мозг притупился, мысли кружились лишь около пережитого горя. Но визит гостьи спровоцировал и другие воспоминания. Людмила, затаив дыхание, позволила им распространиться по своему телу. Но они были скромны, сдержанны, проникнуты грустью и совсем не глубоки. Женщина вспомнила, что очень любила, когда Наташа приезжала в гости. Они много разговаривали, делились секретами, играли с детьми, вязали детские вещи, делали друг другу разные прически из кос. Трудно представить, что

это когда-то было. Ей казалось, что они с Наташей родственны по духу, близки характерами. Когда-то это чувство единения было приятно и возвышенно. Но не сейчас.

Это случилось уже после похорон Арсения. Влад тогда решительно заявил, что не собирается терпеть эту женщину в своем доме, как и всю их поганую семью. Людмила не пыталась возразить, потому что было не до этого. Не удивилась, потому что они с мужем много раз говорили об этом. Он не переносил Наташу Сулакову, ее мать и племянников. Но до того момента молчал, не проявлял явного недружелюбия или агрессивности. Смерть сына все расставила по своим местам. И Наташа пропала на несколько месяцев. Будто слышала, как Влад бесился и орал, что с него хватит! Было непонятно, отчего она вновь появилась и настойчиво хочет разговора. Прошлого не вернуть. Все исчезло.

Людмила вздохнула. Надела на себя все черное, волосы собрала в пучок, напоминающий логово паука, и задумчиво потерла подбородок. Лучше, чем есть, не станешь. Изменить в себе ничего нельзя. Воля сломана, и неважно, что стало с внешностью. Ей тридцать семь лет, она старуха, которая отвратительно выглядит. Лицо Людмилы пожелтело, на лбу выступили прыщи, как у подростка. Это все из-за шапки, которую она надевает, выходя на улицу. Но по-иному нельзя, волосы в плохом состоянии. Она слышала, как Наташа что-то делала на кухне, и тянула время, чтобы подольше не выходить. Ей не хотелось быть доброжелательной, что-то гово-

рить и делать вид, что все хорошо. Но понимала: отмолчаться не получится. Мечтала исчезнуть, раствориться в воздухе. Потом вышла, тяжело дыша. Сглотнула, пытаюсь унять бешенное сердцебиение. В последнее время это часто случалось. Малейшее волнение вызывало всплеск адреналина в крови. Грудь сдавливало, дышалось тяжело, будто она пробежала десять километров.

Людмила остановилась на пороге кухни, прислонившись к косяку двери, ноги не держали. Заметила, что Наташа уже заварила чай, помыла грязную посуду, оставшуюся со вчерашнего дня, и смахнула крошки со стола. Это тоже было неприятно. Порывы Наташи не преобразили безнадежную ситуацию. Людмила нервничала все больше, представляя подругу властной, деспотичной, во что бы то ни стало добивающейся своего, уверенной и осознающей свои заслуги. Хотелось поскорее покончить с этим и разойтись на этот раз окончательно.

– Почему у тебя все чашки с отбитыми ручками? – спросила Наташа.

Людмила не ответила. Она смотрела в окно и щурилась на небо, которое казалось слишком ярким, несмотря на серые тучи и мелкий дождик.

– Я понимаю, что тебе не до этого, – продолжала говорить гостя, постукивая аккуратными ноготками по краю столешницы. – Но ведь в доме нет ни одной приличной чашки. Как же теперь чай горячий пить?

– Дождись, пока остынет. Или перелей в другую чашку, попей из блюдца, я в детстве так пила. Способов много на самом деле.

Наташа нахмурилась, видно ее не устроил такой ответ.

– Люд, давай сходим в магазин и купим тебе красивую посуду!

Мутный взгляд Людмилы скользнул куда-то по волосам Наташи, будто царапая до боли.

– Зачем она мне?

– Как зачем? Ведь это приятно окружать себя хорошими вещами. Пить чай из красивой посуды. И необязательно заходить в дорогие магазины! Можно приобрести хорошие вещи и посуду недорого! Я и в Нижнем знаю места, где можно купить все нужное.

– Не сомневаюсь.

– Так как? Прогуляемся?

– У меня жизнь развалилась на куски, а ты говоришь про какие-то чашки.

Повисла неловкая пауза. Людмила пожалела о том, что не сдержалась и подала надежду на откровенный разговор, понимая, что Сулакова обязательно зацепится за это. Она слишком хорошо чувствовала, что так и будет. Но разговор был опасным. И Людмилу охватило чувство страха, она понимала, что если сейчас не найдет повод, чтобы не пить чай, то отношения станут невыносимыми. Их нельзя продолжать, потому что смерть Арсения все изменила. Нельзя было вче-

ра разговаривать с Сулаковой, а сегодня пускать в квартиру. Надо было бежать! Бежать со всех ног!

И она оказалась права, потому что Наташа вдруг выпрямилась, нацепив на лицо скорбную маску безграничной печали, и заговорила совсем тихо, с придыханием, делая раздражающие паузы и обжигая Людмилу трогательным сочувствующим взглядом:

– Люда... Мы все любили Арсения, и он навсегда останется в наших сердцах..., но прошло уже восемь месяцев, это почти год. Так не может больше продолжаться... Ты должна подумать о своей семье, о своих друзьях, о своей жизни... Ты должна помириться с мужем. Я знаю, что вы отдалились друг от друга, а это неправильно! В том, что вы делаете – настоящая трагедия, которая может плохо закончиться. Я имею в виду, не дай бог, дойдет до развода! Я твоя лучшая подруга, мне больно от того, что происходит и никак не наладится... У всех сейчас трудный период, я – не исключение.

Людмила не пошевелилась и не изменилась в лице. Слова Наташи больно резали ее, но только потому, что она не верила им. И она не была лучшей подругой!

– Я тоже страдала и страдаю! Мы только-только стали строить свою маленькую жизнь, дети полюбили друг друга, а тут такое горе. Кристина провела в больнице три месяца, и я не знаю, чего мне ждать. Мама боится, что у девочки развилась шизофрения. Непроходящий кошмар!

Если Наташа и ожидала от Людмилы жалости, то ее по-

стигло разочарование. Надломленные слова производили обратный эффект.

– Люда, я не могла спокойно спать, не узнав, как ты! Как Влад! Ты, наверно, подумала, что я забыла тебя, но это не так. Да, я не звонила, но это только потому, что слишком много проблем навалилось. У мамы больше нет сил. Добрая, милая мама, которая столько делает! Мы подумываем отдать Кристину на удочерение.

В мертвых глазах что-то шевельнулось. Любопытство?

– Зачем?

Наташа обрадовалась, имея возможность рассказать о своих бедах, не обращая внимания на то, что сочувствия так и не было.

– Все из-за болезни Кристины. В нашем городишке нет детского специалиста, поэтому ей приходится лечиться во взрослой больнице. В сентябре она пошла в первый класс, к ней повышенное внимание социальных служб из-за того, что она сирота. И вот им не нравится, что Кристину лечит психиатр, они считают, что она бы обошлась детским психологом. Понимаешь, им кажется, что мы слишком кардинально изменили жизнь Кристины. И это не пойдет ей на пользу. Врач больницы считает так же. Хотя он и занимается ее лечением три месяца! Три месяца, представляешь? Хоть бы за три месяца одно слово сказал, что девочку нельзя там держать! Так нет, молчит. Из этого мы сделали вывод, что лечение нужно, оно необходимо, потому что вдруг Кристина больна шизо-

френией. Как будто мы виноваты в том, что произошло!

– Так положите ее к детскому психологу, в чем проблема?

Наташа замерла, обдумывая ответ подруги. В зеленых глазах мелькнула тень, видно, ей не понравились эти слова.

– У нас нет такого специалиста, в этом и проблема.

– Привози ее сюда, тут есть. Тем более у тебя дядя. Есть где остановиться.

Наташа натянуто улыбнулась, чувствуя обиду за то, что Людмила не пригласила ее к себе. Вот бы как раньше! Пожить вместе, делить все пополам – и проблемы, и еду. Как было бы здорово! Она же хотела перебраться сюда, устроиться на работу. Хотелось рассказать обо всем прямо, но Наташа не решалась, опасаясь негативной реакции. План не сбывался, уклонялся в сторону, приобретая немислимые образы и решения.

– А если у нее действительно шизофрения?

– Ты, кажется, говорила про депрессию.

– Да, но...

– Сделай так, как советует врач. Ему виднее.

– Так мы с мамой и не против.

– Тогда к чему разговор о возможном удочерении?

– Просто мама подумала, что если Кристина серьезно больна, то ей будет лучше жить со специалистом, понимаешь? Он сможет наблюдать ее, лечить, если надо. А мы – простые люди. Как бы не было хуже. Пойми, мы стараемся только ради Кристины!

– Ее врач-психиатр что ли собрался удочерять?

– Нет... не совсем так.

– Сделайте, как вам говорят. Не нужно ничего изобретать.

Наташа смутилась, запутавшись в своих словах. Пора прекращать сложный разговор. Она быстро взглянула на Людмилу, но у той уже пропало любопытство из глаз. Наташа приободрилась и заговорила снова.

– Да, ты права. Надо как-то думать. Но что я тебя мучаю своими проблемами! Расскажи мне о себе! Как Влад? Что же случилось?

Судорога боли передернула лицо Людмилы. Ей хотелось остаться одной. Она не могла говорить о том, что Влад здесь больше не живет. Он ушел навсегда. А Наташа думает, что они продолжают ругаться и орать друг на друга? Надо ли объяснять ей? Было время, что они никогда не повышали друг на друга голос.

– Надо продолжать жить, Люда!

– Зачем ты говоришь мне все это? – не выдержала она.

– Но ведь кто-то же должен. Помиришь с Владиком, он ведь такой хороший.

– Я не стану ни с кем мириться.

– Почему?

– Я не верю, что ты не понимаешь, что происходит.

Людмила тяжело поднялась из-за стола, потому что не было сил выносить этот ярко накрашенный взгляд Сулаковой, и отошла к окну. Подумала, что испытает огромное облегче-

ние, когда гостя уберется прочь.

– Люда, ты очень расстроена, я понимаю! – не отставала Сулакова. – Все навалилось, это тяжело! Но надо постараться взять себя в руки. Ты же не только потеряла, но и приобрела!

– Да? И чего я приобрела? – глаза истерично блеснули. – Одиночество?

– Нет-нет! Ты приобрела семью! Меня, маму, Кристину и Витю! Мы – твоя семья! Мы никогда не оставим тебя.

Людмила вздрогнула. Ее лицо потемнело от реакционного гнева. Еще минуту назад она была тихой, почти безвольной и тут преобразилась. Слова о семье не понравились ей, она не хотела воспринимать их.

– Я ничего не приобрела со смертью своего сына, – хрипло проговорила она, обжигая Наташу ненавидящим взглядом. – Ты понимаешь, от этого можно сойти с ума. Я все потеряла. Это разрушило меня, и не волнует, что случится со мной и со всем миром дальше.

– Люда...

– Ты послушай, пожалуйста!

– Я хочу тебе помочь, Люда!

В глазах Наташи мелькнули испуг, непонимание. Она не узнавала Людмилу. Какой она оставила ее со времен последней встречи? Слабую, безвольную, изо всех сил пытающуюся выжить, осознать происходящее. Тогда она не могла обойтись без Наташи. А теперь будто ненавидит ее.

– Я не прошу тебя о помощи. Ты не вернешь мне сына. А

его убийца никогда не будет наказан.

– Убийца?!

Испуг в глазах Наташи сменился ужасом, потрясением. Она с силой вонзила тонкие ногти в ладони, чтобы не закричать. Лицо приобрело багровый цвет, глаза заслезились. Во всей фигуре Людмилы, в тяжелых движениях чувствовались угроза, нетерпение.

– Моего сына вытолкнули из окна.

– Это был несчастный случай! Послушай, я была там и...

– Да, ты была там! Вы все там были, а я ушла в магазин.

И ты должна знать, кто именно убил моего сына.

– Люда, его никто не убивал.

– Врешь! Почему Арсений выпал из окна? Выпал из окна!

Господи... Как он там оказался? Кто это чертово окно раскрыв, ведь когда я уходила, то оно было точно закрыто. Кто убрал на стол с подоконника горшок с орхидеей?

– Я не знаю, но...

– Там еще стояла банка из-под варенья, я собиралась ее помыть по возвращении. Банку тоже переставили на стол.

– Арсений полез за своей игрушкой, Люда! На подоконнике лежала машинка и...

– Кто положил машинку на подоконник? Арсений никогда не играл в кухне, черт побери! Я это знаю твердо! И ты это знаешь! Так кто положил машинку на подоконник и раскрыв окно?

Очередной сухой, как ветка, вопрос повис в воздухе. Люд-

мила взяла со стола чашку с остывшим чаем и сделала большой громкий глоток. Наступила минута глубокого душевного сокрушения, страшной муки. Мысли ее хаотично передвигались и обрывались, тут же появлялись новые, беспокойнее предыдущих.

Более получаса они сидели в полной тишине, когда в Людмиле стало шириться понимание. Ее будто вдруг развернуло на сто восемьдесят градусов, и она увидела то, что не замечала до сих пор.

– Игрушку на подоконник положила Кристина?

– Я не знаю... – прошептала Наташа.

– Именно поэтому она оказалась у психиатра? Вы ее туда специально поместили, потому что знали?

– Нет...

– Но ты должна знать, что произошло!

– Понимаешь, я разговаривала по телефону. У меня было важное дело, которое требовало решения.

Наташа вспыхнула, не решаясь сказать, что в то время постоянно зависала на сайте знакомств, отчаянно флиртуя с незнакомцами. Ей было не до детей, она переписывалась в чате. Но перед глазами встала сцена, когда она увидела происходящее, как мама и Кристина свесились из окна. Как потом выяснилось, мама пыталась достать Арсения, который цеплялся за руки девочки. Но спасти его не вышло. Он сорвался. А Кристина надолго отказалась разговаривать, поэтому пришлось поместить ее в больницу. Наташа знала, что

с Кристиной что-то происходило, она слишком ревновала и обижалась, часто плакала. Но никто не мог подумать, что она сделает что-то плохое.

А Людмила видела перед своими глазами шокирующую картину того, как нашла Арсения в кустах акации. Она возвращалась домой веселая, счастливая, немного озабоченная разговорами с мужем, но потом заметила мертвого ребенка. Даже сейчас сердце замирало в диком ужасе, грозя остановиться совсем.

– Ну, все, хватит, – сказала Наташа, стряхивая с себя остатки липкой лжи. Ей не нравилось, что приходилось разбавлять правду вымыслом. От этого приходили неуверенность, страх, что все вскроется. Она запуталась, сама не понимала, в чем сейчас состоит правда. – Надо что-то делать! Так больше не может продолжаться! Мы не можем говорить об этом, Люд! Не можем! Все кончено, Арсения не вернуть! Не надо искать виноватых, их нет. Просто несчастный случай, так бывает. А Кристина... Она маленькая, не смогла пережить, поэтому ей нужна помощь врачей. Она же видела, как он упал. Давай думать о том, что действительно важно!

– Ты о чем? – хрипло выдавила из себя Людмила, все еще видя перед собой мертвого сына. Но уже осознавая перемену в тоне подруги.

– Надо мириться с Владиком! Да-да, и не хмурься так! Я все продумала, пока ты умывалась. Он, конечно, козел еще тот! Завел другую, когда тебе нужна опора, как никогда. Но

это надо прекратить! Ты ему жена, и точка.

– Мы расстались...

– Помиритесь! Завтра же начинаем новую жизнь! Ты моя лучшая подруга. Я тебя ни за что не брошу.

– Мне ничего не нужно...

– Полагаю, ты говоришь так оттого, что тебе надо выспаться! – Наташа поднялась с места, аккуратно расправляя на коленях помятую юбку. – Но завтра утром начинаем новую жизнь! Понимаешь?

– Нет.

– Я еду за тобой, и мы отправимся к его новой женщине.

– Куда мы отправимся?

– К его новой женщине! – Наташа была терпелива.

– Что? Совсем с ума сошла? – Людмила хотела возмутиться, но жгучая волна колыхнулась по пищеводу, и пришлось замолчать.

– Просто познакомимся. Посмотрим на нее, так сказать.

– Но откуда ты знаешь, кто она?

– Это несложно сделать на самом деле.

Наташа не спеша пошла к выходу, Людмила осторожно и тяжело передвигалась за ней, мечтая об одном – чтобы Сулакова исчезла и никогда не появлялась снова. Ее предложение было нелепым, диким.

– Я не хочу! Этого не будет, поняла?

Красные глаза Людмилы были страшны, но Наташа легко пожала плечами и улыбнулась. Казалось, что не было недав-

них стыдливых слов и горьких воспоминаний. Они говорили о Кристине, которая могла убить Арсения. А сейчас планируют встречу с женщиной Влада. Мысли бились, будто о клетку. Голова кружилась от дурного предчувствия.

– Это необходимо, иначе ты совсем сойдешь с ума.

– Я никуда не пойду!

Когда Наташа ушла, Людмила закрылась в ванной и опустилась на пол. Сил не было. Она, долго не шевелясь, сидела, пытаясь думать. Она была безвольной. У нее совсем не осталось сил. Мысли отчаянно обрывками кружили над нездоровым мозгом, как падальщики. Она не могла отогнать их. Она не понимала, откуда возникают эти мысли – из прошлого или из черных фантазий. Хотелось спать, закрыться ото всех, ничего не делать, ни о чем не думать, никого не видеть!

Наташа заехала за Людмилой ровно в семь часов утра. Она решительно принимала на себя ответственность этого сомнительного дела, утверждая, что так лучше. Ничего не видела удивительного в том, чтобы поехать и посмотреть на ту самую женщину, ради которой Влад бросил Людмилу. Тем более самой было дико интересно. До возмущения и странной ноющей боли где-то внизу живота. Дружба предполагала оказаться пагубной. Но Наташа и не стремилась превратить эту встречу двух соперниц в праздник. Она соответственно оделась, в белый брючный костюм, который прекрасно контрастировал с тщательно причесанными шоколадными локонами. Каждая деталь ее облика болезненно фиксировалась Людмилой. Наташа – будто солнечный свет, у нее отлично получалось быть простой и ясной. А Людмила – темная ночь, размытый оттенок холодной осени посреди наступающего лета и сгусток молчаливой тоски. Как всегда, в джинсах и в черной вязанной шапке, скрывая спутанные волосы, натянутой до самых бровей.

– Люд, тебе нечего надеть что ли? – не удержалась Наташа. Она выглядела разочарованной. – Прошлой весной ты ходила в прекрасном легком пальто песочного цвета. Уж если ты так мерзнешь. А если хочется надеть шапку, то... кажется, я видела у тебя берет с великолепной вышивкой. И глаза под-

красить можно, стрелки подвести, как раньше!

Людмила не ответила. Слишком унижительно вдаваться в объяснения – одевается она так не оттого, что вкус отбило, а потому, что внешне она страшно поменялась, и волосы не поддаются восстановлению. В пальто песочного цвета она будет выглядеть нелепо, как клоун, потому что в этом пальто она ходила, когда была счастлива.

– Давай завтра запланируем поход по магазинам! – не унималась Наташа.

– Зачем?

– Купим тебе все новое. Зайдем в салон и подберем тебе прекрасную стрижку. А? Как план?

– Нет.

– Но это необходимо, Люда!

– Кому?

– Тебе.

– Мне – нет.

– Хорошо, пусть будет мне необходимо! Я хочу видеть тебя настоящей женщиной, какой ты была раньше.

– Нашла новую форму развлечения?

Вопрос прозвучал грубо. Людмила тяжело дышала, разговор взволновал ее. Она не хотела обсуждать свою внешность, потому что это оскорбляло невероятно. Ее расстраивало, что об Арсении не говорилось больше ни слова. А ей хотелось говорить о нем. Но она знала, что Наташа не станет делать этого, ее лицо окаменеет, и на губах будет змеиться натяну-

тая улыбка. Она решительно не собиралась рассказывать о том, что видела, и что действительно произошло.

– Называй это как хочешь. Но надо же с чего-то начинать! Тебе сразу станет легче! Люда!

Людмила не могла понять, отчего ей станет легче, если она купит новую одежду или обстрижет волосы. Стереотип новой жизни, начавшейся в магазине, претил и не устраивал. Она не стала говорить подруге, что пальто песочного цвета она собирается выбросить, как и многие вещи, которые навевали слишком много горьких воспоминаний. Наташа придет в ужас. Она не поймет.

– Поехали, – хрипло ответила Людмила и первая забралась в салон старенькой «Мазды». – Я не стану переодеваться. Где пальто – не знаю. Искать его – бесполезная трата времени.

Наташа пожала плечами и с тяжелым вздохом забралась на водительское сиденье.

Людмила пыталась прийти к какому-то убеждению, строя разные предположения, отчего Наташа выглядит так хорошо и свежо. Ведь она тоже находилась в самом центре трагедии, где ее племянница от шока потеряла дар речи и загремела в сумасшедший дом. Даже если произошел тот самый невероятный несчастный случай, о котором все говорят, и Арсению никто не желал зла. Почему Наташа так спокойна, будто беда обошла ее стороной? Людмила пыталась ответить на этот вопрос. Она со страхом осознавала, что абсолютно ничего

не понимает. Но не могла избавиться от пугающего чувства приближения какой-то истины.

– Откуда у тебя машина?

– Дядина, – ответ прозвучал сухо, потому что Наташе не хотелось рассказывать, что она тайком взяла ключи и надеется, что злобный старикашка ни о чем не догадается. У нее были водительские права, и она периодически одалживала машины у знакомых. Водила аккуратно, соблюдая все правила дорожного движения.

– Куда мы едем? – спросила Людмила, чтобы отвлечься от буравящих ее мозг мыслей.

– В общежитие техникума. Там живет Алла.

– Алла? – Людмила не могла скрыть удивления. Но сердце уже пропустило один удар.

– Да, ее зовут Алла, – спокойно ответила Наташа, не отрывая взгляда от дороги.

– В общежитие едем?

– Именно.

Образ девушки из общежития никак не вязался с тем представлением, которое уже сложилось у Людмилы в голове. Прекрасная, обеспеченная женщина, хозяйка ателье! Откуда она это взяла? Ее лицо стало серым, сердце забилося, как птичка, пойманная в силочку. Пришлось сделать глубокий вдох. Хорошо, что Сулакова ничего не заметила. Автомобиль мягко катил по асфальту, петляя по узким проснувшимся улицам города. Вырулив на четырехполосную трассу,

Наташа прибавила скорость и включила магнитолау.

Людмила не могла вспомнить, с чего она взяла, что женщина Влада – хозяйка ателье. Кто ей сказал? Руки затряслись, губы пересохли, желудок сжался, провоцируя приступ ноющей боли. Общежитие техникума! Эта женщина живет в общежитии техникума?

– Откуда ты узнала?

– Про что? – мельком взглянула на нее Наташа. – Боже, как ты плохо выглядишь! Может, остановимся и купим воды?

– Нет, не нужно, – прошептала Людмила, утирая пот со лба. – Откуда ты узнала про то, что она живет в общежитии?

– Это было нетрудно на самом деле. В наш двадцать первый век интернета и социальных сетей.

Людмила вдруг осознала, что не хочет знать весь процесс. Она просто не выдержит, и ее вырвет. Голова закружилась, и пришлось призвать все оставшиеся силы, чтобы подавить приступ паники, грозивший перейти в затяжную истерику. Общежитие так общежитие! Что, в конце концов, ее так расстроило? Понимание того, что женщина Влада окажется слишком молодой?

Под звуки негромкой музыки Людмила пыталась успокоиться. Ладони вспотели, а по спине пробежал мороз, провоцируя новую волну головокружения. Она ехала будто на собственную казнь. Зачем только согласилась на это предприятие? Совершенно стала безвольной, потеряла способность

мыслить и принимать решения. Она не знала, что скажет сопернице, хотя рано утром приготовила длинный обличающий монолог, который должен спровоцировать угрызания совести у той, другой. Сейчас эти слова, тщательно продуманные, казались бессмысленными. Одиночество вновь стало материализоваться, превращаясь в маньяка-убийцу, готового медленно разрезать ее на куски. В душе бились страх, невыплаканные истерические слезы. Эта женщина должна узнать про страдания Людмилы, ведь она даже не подозревает о том, как ей тяжело. Если она узнает, то все сразу переменится! Она откажется от Влада, пересмотрит свое отношение! Необходимо положить начало общению, это самое трудное. Наташка права, надо встретиться и посмотреть друг другу в глаза! Неожиданная деятельность захватила ее. Она подумала еще о чем-то, кроме своего неподъемного горя.

Людмила начала воображать, что после приветствий они просто сядут на мягкий диван и заплачут, как две несчастные женщины, с которыми жестоко обошлась судьба, подарив им одного мужчину. Они расскажут друг другу все-все, ничего не утаивая. Пообещают, что вот теперь все станет по-другому.

– О чем ты думаешь? – неожиданно спросила Наташа. – У тебя такое напряженное лицо. Боишься, что ли?

– Голова болит. Спала плохо, – хрипло ответила Людмила, пряча потные ладони в карманах куртки.

– В твоём холодильнике я видела две бутылки водки, бу-

тылку пива и коробку вина.

Людмила не ответила.

– Я не пытаюсь осудить тебя, Люд, просто это слишком. Алкоголь состарит тебя.

– Зачем мне молодость?

– Как зачем?

Людмила покачала головой, презрительно скривилась. Ее не волновало, что под глазами появилось несколько новых морщин. Она совсем не думала об этом. Ей не хотелось продолжать этот разговор. Отчетливо понимала, что Наташа озабочена тем, чтобы придать Людмиле приличный внешний вид. Но что это изменит? Как вылечить израненную, разорванную на куски душу? Кто вернет ей сына? Кто вернет любовь мужа? Зачем ей новые вещи, если любимых людей уже нет и никогда не будет в ее жизни? Она решительно собралась поменять тему разговора.

– Когда ты собираешься возвращаться домой?

– Не знаю.

– Кажется, ты говорила, что у вас проблемы с Кристиной.

– Да. Поэтому и возвращаться не хочется.

Ситуация неожиданно стала понятна. Так вот почему Наташа неожиданно появилась! Она просто пытается сбежать от своих проблем, пытаясь помочь Людмиле. Как, в свою очередь, Людмила едет сейчас на встречу с женщиной Влада – не из-за интереса, потому что предчувствие подсказывает, женщина окажется красоткой, а из-за желания избавиться от

оглушающей боли. Хотя бы на несколько часов.

– Мама не звонила, поэтому все нормально. Вернее, все по-старому. Не представляю, что будет дальше. И думать даже не хочу. Пусть мама сама заберет Кристину и что-то пытается решить. Я устала, Люд, мне хочется свободы. Я даже на юг не могу поехать, потому что связана по рукам и ногам. Вот вроде могу себе позволить уехать к дяде, к тебе. Но все равно я связана. Я понимаю, что все решения вертятся вокруг меня. А так бы хотелось, чтобы обо мне забыли. Вот как бывает! Кто-то страдает в одиночестве, а я мечтаю, чтобы обо мне забыли!

– Тебе не хочется самой забрать Кристину из больницы?

– Не знаю. Скорее нет.

– Ты боишься?

– Чего мне бояться? Просто я не хочу больше ничего решать. Когда была жива сестра, то мне приходилось воспитывать ее детей, а она жила так, как хотела. Теперь она умерла, и мама – опекун, но мне все равно приходится воспитывать детей. Никому не понять, какая эта нагрузка.

– Особенно если ты не хочешь этой нагрузки.

Наташа быстро взглянула на подругу, усмехнулась и пожала плечами.

– Люд, одним судьба дает, другие пытаются чего-то добиться сами, а я хочу просто, чтобы меня оставили в покое. Прошло то время, когда я хотела учиться и строила планы. Теперь меня все удовлетворяет. Любая работа, любая зар-

плата, любое место жительство. Я готова уехать даже в Арктику, где вечный холод, лишь остаться одной и не принимать решений за других.

– Знаешь, я книгу читала о пропавшей экспедиции Франклина, кстати, где-то в Арктике. Там действительно очень холодно, темно днем и ночью, морозы минус шестьдесят градусов, никакой растительности, вечная мерзлота и белые медведи. Так вот экспедиция пропала отчасти от неправильно принятых решений. Все погибли страшно, мучительно, от голода и цинги. Но даже если решение неверно, нельзя сдаваться и опускать руки. Нельзя сбегать! Это трусость.

– Не знаю никакого Франклина. Да и цинги в наше время нет. Трусость? Не знаю. Какая может быть трусость, если это не моя жизнь, не моя ответственность!

– Ты сомневаешься в том, правильно ли воспитала Кристину?

– Не знаю. Я старалась. Мне не хочется отвечать за поступки, которых я не хотела. Один человек совершает, а другой отвечает. Это неправильно. Моя жизнь не принадлежит мне, и хотелось бы это исправить. А помнишь, как Кристина вышивала крестиком? Это ты ее научила!

Людмила помнила и кивнула. Когда-то она очень хвалила девочку и даже заказывала красивые рамки для ее творчества. Они с Наташей вешали вышитые крестиком картинки в детской. Даже в комнате Арсения есть пара картинок в рамках. Надо обязательно выбросить их, как вернется до-

мой. Обязательно!

– Думаю поехать этим летом на Красное море, – продолжала Наташа. – Возьму с собой детей. Куда же их девать? Там красиво, чисто, много еды и аниматоры. Говорят, что море прозрачное, там есть коралловые рифы и разные экзотические рыбки. Их можно кормить. Вот будет радость. Как ты думаешь?

Людмила пожала плечами и отвернулась. Она равнодушно смотрела на проплывающие мимо деревья. «Мазда» свернула влево, обогнула трехэтажное кирпичное строение и остановилась во дворе. Дверь единственного подъезда ярким пятном выделялась на фоне серого здания. Наташа заглушила двигатель и первая вышла из машины.

– Приехали!

Людмила на мгновение закрыла глаза, глубоко вдохнула и поспешила за подругой, которая нетерпеливо крутила в руках ключи от машины.

Женщины вошли в здание и сразу ощутили резкий запах кошачьей мочи. За окошком охранника было тихо и пусто, видно, никто не собирался охранять общежитие ранним утром в выходной день.

Комната номер семь. Дверь заперта изнутри, и пришлось долго стучать. Наташа начала терять терпение, когда дверь наконец распахнулась. На пороге появилась заспанная девочка в розовой пижаме и мягких тапочках, в руках она держала полотенце. На вид ей можно было дать лет шестна-

дцать. Она была коротко стриженная, светленькая, с круглыми мультяшными глазами, какие рисуют у героинь аниме, и длинными искусственными ресницами. При виде незнакомых женщин девочка состроила смешную рожицу.

– Здравсте! А вы к кому? – голос у нее оказался неожиданно низким, почти грубым, который сразу придал ей возраста.

Наташа с улыбкой выступила вперед, но Людмила перебила ее, выпалив:

– Здравствуй. Я жена Влада, хотела бы поговорить с Аллой!

Наташа осуждающе засопела, видно, не такого начала ей хотелось. Но Людмила решила действовать напрямую и никого не вводить в заблуждение. Девочка даже позы не изменила. На ее лице совершенно ничего не отразилось, лишь глаза подернулись холодной пленкой, выдавая твердый несгибаемый характер. Повисло неловкое молчание. И тут Наташа снова выступила вперед. Ей надоело топтаться в темном вонючем коридоре.

– Алла? Тебя зовут Алла? Или мы перепутали комнаты?

Девочка лениво кивнула и усмехнулась. Около ее полных губ пролегли складки, выдавая ее истинный возраст. Теперь Людмила дала бы ей двадцать с небольшим. Отчего-то испытала от этого облегчение. Хорошо, что не шестнадцать!

– Можно мы пройдем? – тоном, не допускающим возражений, заявила Наташа. – Тебя не учили, что нехорошо заставлять гостей топтаться на пороге?

– Меня учили, что нельзя разговаривать с незнакомыми людьми, – пробормотала Алла, но тем не менее отступила, пропуская женщин в комнату. – Могу предложить чаю, сейчас чайник закипит. Только у меня конфет нет, есть пряники.

От чая они решительно отказались. Осторожно прошли в небольшую комнату. Людмила с опаской покосилась на письменный стол, который стоял посредине и походил на развалину. С него давно слезла вся полировка, но на нем стоял новенький электрический чайник и действительно собирался закипеть. Она присела на край старого проваленного дивана, внимательно оглядывая обстановку комнаты. Ее лицо посветлело, когда промелькнула мысль о том, что на этом ужасном диване невозможно заниматься сексом, потому что он определенно не выдержит такого испытания. Алла поймала ее взгляд и сразу все поняла, снова криво усмехнулась, покраснела и пожала плечами.

– Я вообще-то не живу тут, редко прихожу проверить обстановку. У меня и вещей-то здесь совсем не осталось. Вы меня случайно застали.

Наташа стояла у порога. Людмила вспомнила о том, что хотела быть доброжелательной. Она улыбнулась.

– Прости, что мы без предупреждения.

– Зачем вы пришли сюда?

– Просто познакомиться и...

Она не договорила. Слова так и остались висеть в воз-

духе. Алла подошла к столу, чтобы налить себе кипятка из чайника, повернувшись к Людмиле боком. Тут же стал заметен округлившийся живот, на который она сразу не обратила внимания. Ее затошнило. В глазах помутилось, а из горла вырвался хриплый звук. Алла со страхом посмотрела на нее, выронив из рук полотенце. Девушка была беременна, в этом не оставалось никаких сомнений.

Это был удар такой силы, что смог сбить Людмилу с ног, если бы не старый диван, на котором она сидела. В ушах звенело, сердце билось как сумасшедшее, и никак не удавалось успокоиться. Наташа быстро подошла к столу, налила в чашку воды из пластиковой бутылки, которая стояла тут же, и решительно протянула Людмиле. Чашка звякнула о зубы. Вода не принесла облегчения. Людмила оцепенела. В комнате висела тишина, и никто не мог нарушить ее. Алла стояла, прислонившись к стене, скрестив на груди руки. Она затравлено поглядывала на гостей, не решаясь прогнать их, боясь, что они могут навредить ей и ее ребенку. Неожиданно она осознала всю опасность и неосторожность своего поступка, впустив их, судорожно пыталась вспомнить, куда положила телефон.

Людмила допила воду, поставив дрожащей рукой чашку на стол. Поднялась с дивана и стала ходить по комнате из угла в угол, терзаемая беспомощным ужасом, похожая на пьяную. Мысль о смерти стала такой четкой и ясной, что бессмысленное отчаяние отступило. В смерти виделся выход, и

от того наступало облегчение.

Снова обман! Ложь, предательство! В комнате стоял запах дешевого освежителя воздуха. И вся комната старая и ветхая. Обои на стенах обшарпаны, с потолка сыпется известка. Кое-где из стены торчат вбитые гвозди разных размеров. Диван, кровать, письменный стол, два шкафчика для одежды. Все такое убогое, несвежее. От всей комнаты исходит запах тлена.

– Разве можно жить здесь? – шепотом пробормотала она. – Ты навредишь ребенку.

– Я здесь не живу, – пискнула Алла, в ее словах слышались слезы. Она была в ужасе, представляя, что эти женщины пришли убивать ее. – Влад снимает квартиру в микрорайоне. Я просто прихожу сюда, чтобы проверить все ли в порядке, потому что комната числится за мной.

Услышав имя мужа, Людмила остановилась. Несколько минут она вела себя спокойно. Но внезапно все внутри нее стало рваться, биться и безумствовать. Остановить волну этого истерического безумия было невозможно. Глаза стали дикими и темными. Она схватила со стола ту самую чашку, из которой пила недавно, и швырнула ее в стену. Алла в ужасе отшатнулась и закричала. А Людмила отвратительно расхохоталась и закрыла лицо руками. Она совершенно не помнила, как Наташа подскочила к ней и попыталась вывести на улицу.

– Ну, все, хватит! Людка, успокойся!

Оказавшись на свежем воздухе, слезы выплеснулись наружу. Людмила рыдала в голос, пытаясь осесть на землю. Но Наташе удалось дотащить ее до машины и втолкнуть внутрь. Удивленные прохожие глазели на странную женину, бившуюся в истерике.

– Хватит! Хватит! – кричала Наташа, пытаясь завести мотор и в то же время сунуть подруге бумажный платок. Но Людмила обезумела. Здание общежития казалось ей мерзким, а любовница Влада вампиршей с острыми кривыми зубами.

– Господи! Она беременна!

– Я отвезу тебя домой! Слышишь? Да прекрати, Люда!

Прекрати!

– Он сделал ей ребенка! Сволочь!

– Люда!

– Какая же сволочь!

В голосе Наташи слышались страх, сомнения, правильно ли она поступила, привезя подругу сюда. Ответственность за происходящее полностью лежала на ней. И Наташа всерьез задумывалась позвонить доктору Величутину, чтобы спросить совета. Но Людмила вскоре затихла. Она смотрела в окно узкими от слез глазами и молчала. Ее лицо опухло и покрылось красными пятнами. Расколотая душа постепенно покрывалась толстой коркой льда. А в мозгу спасительно пульсировала одна мысль – желтые таблеточки в пузырьке! Надо приехать домой, избавиться от Сулаковой и взять их.

– Мы должны поговорить обо всем спокойно.

Был уже вечер. Наташа сидела на подоконнике в кухне Харитоновых и держала в руках рюмку с водкой. На столе стояла наполовину пустая бутылка. Людмила, сидя за столом и опираясь на локти, пыталась удержать ровное положение, смотрела на Сулакову чуть прищурившись. Она снова напилась. Не помнила, когда посиделки с чаем закончились серьезным разговором с водкой. Отделаться от Сулаковой снова не удалось. Она вернулась сразу же, как только избавилась от машины. Людмила только успела переодеться.

Людмила никогда не думала плохо о Наташе. Ввела ее в ранг близких друзей. Но вот теперь этот подоконник, на котором та сидит! Арсений погиб, выпав из этого окна. Именно из этого. Сердце Сулаковой молчит? Людмила испытывала смешанные чувства: горечь, неприязнь и жалость. Она стала совершенно другим человеком. Не та, что была восемь месяцев назад. Или это началось еще раньше, когда они с Владом впервые сильно поссорились из-за детей Куимовых? Невозможно определить точно. Она постарела, душа была изуродована, в голове мелькали сумасшедшие, иногда оторванные от реальности, мысли. В ней будто погасили свет. А Наташа сидит на подоконнике в непринужденной позе и делает вид, что пьет водку. Она совсем не опьянела, то ли дело Людми-

ла. И было непонятно, зачем делать вид, ведь можно просто не пить!

Ложь, везде одна ложь и предательство.

Влад оказался прав. Когда они с ним утратили способность понимать друг друга, перестали разговаривать? Ведь между ними была настоящая любовь, проверенная временем. Даже когда Людмиле поставили страшный диагноз – бесплодие, муж был рядом, уговаривал, успокаивал и беспрестанно объяснялся в любви. Они решили, что не откажутся от ребенка, есть разные способы стать родителями. Влад горячо доказывал, что это прекрасная идея.

Он радовался появлению Арсения не меньше, чем радовалась она. Это было счастье невероятное. Главный человек в жизни! Они старались сделать для него все самое лучшее, их сердца были в его маленьких ручках.

Никто не знал, что мальчик усыновлен, кроме близких родственников. Харитоновы решили навсегда утаить этот факт от сына. Решение было твердым и обоюдным. Арсений Владиславович Харитонов! До момента усыновления у него было какое-то имя, кажется, Коля и фамилия... Куимов. Но они с Владом все исправили. Коля Куимов исчез навсегда, как хотела его непутевая мать. А у них родился их Арсений! Прекрасный ребенок, лучший на свете!

В какой момент у Людмилы появились сомнения? Она знала, что у Коли Куимова были родные сестра и брат. Но вот получается, что Арсений обречен навсегда оставаться в

неведении, что это значит – любить сестру и брата. Людмила стала много думать об этом. Имеют ли они право лишить мальчика кровных уз? Сомнения мучили, изводили, но поделиться ими с мужем она боялась. Предвидела непонимание и резкий ответ. Ей не хотелось ссоры. Отчего-то ей казалось правильным сохранить биологическое родство детей. Именно детей. Ведь в чем они виноваты? Признавать свои ошибки всегда больно и тяжело. Хочется свалить ответственность на кого-то другого, обвинить, затопать ногами, заорать, но в этой ситуации валить было не на кого. Время показало, что она совершила непоправимую ошибку, которая заставила судьбу совершить трагический маневр. А ведь все могло бы случиться совсем иначе.

Людмила написала Наташе Сулаковой в интернете, без труда разыскав ее страничку, потому что знала биографию мальчика, и кто его оставшиеся родственники. Наташа ответила. Между ними возникла короткая сухая переписка. В итоге договорились, что тайна усыновления не пострадает, но они познакомят детей и будут встречаться время от времени, представляясь лучшими подругами. План был размыт и недоработан, но как его доработать, если здесь решали чувства, а не разум?

Так и сделали. Долго не откладывали. Наташа прибыла в гости в первые же выходные, прихватив с собой маму и детей. Для Людмилы это был волнительный момент. Тогда она была уверена в том, что счастлива от принятого решения.

Нарядилась во все новое, уложила блестящие волосы, подкрасилась. Ее глаза светились радостью и добротой. Она любила весь мир и не понимала неожиданной реакции мужа.

Влад был в ярости. Она небезосновательно остерегалась делиться с ним своими радужными планами. Ей казалось, что он обидится за эту тайну, покачает головой и только!

Людмила вздрогнула, вспоминая убийственный и какой-то беззащитный взгляд мужа. Как он смотрел на Наташу и детей, будто сдирая с них кожу. Но ничего не сказал. Было поздно что-то говорить. Отношения изменились в один миг. Внезапное лобовое столкновение, когда понимаешь, что надо было вовремя свернуть, но теперь, несясь на огромной скорости, выхода нет. Остается принять неизбежное. А Людмиле даже не приходило в голову, что это начало конца. Даже когда, проводив дорогих гостей, оставшись наедине, Влад кричал ей в лицо:

– Дура! Сумасшедшая дура! Что ты наделала? Как ты только до этого додумалась? У них ведь совершенно пустые глаза! Что ты хочешь от них? Любви ждешь? Но они уже доказали, что на эту любовь не способны! Ты равняешь по себе, потому что светишься от счастья! Но они – другие! Ты с легкостью решилась сыграть на нашего сына! Дура!

Даже тогда она не понимала его страха, обижалась за грубость, пыталась объяснить, что только ради детей. Но Влад тряс головой и продолжал кричать:

– Дура! Набитая дура! Ты ничего не понимаешь! Надо бы-

ло посоветоваться со мной, я бы постарался объяснить, почему этот твой благой поступок отдает трупным ядом. Но теперь бесполезно! Ты уже все испортила! Ты предала нашу семью!

Появилась первая трещина, которая со временем превратилась в пропасть. Они отделились, продолжая делать то, что считали нужным. Но ведь Людмила была уверена, что поступает правильно, и сердилась на Влада за то, что он жесток и холоден с детьми, которые ни в чем не виноваты. Она оскорблялась, когда он не проявлял радушия и гостеприимства, когда игнорировал просьбы детей. Отказывалась понимать его, утверждая, что не прав именно он. Как раз в то время и начались яркие, эмоциональные ссоры, грозящие по своей агрессивности перейти в драку. Влад утверждал, что она предала его и сына. Людмила кричала в ответ, что он эгоист и готов лишить мальчика родных сестры и брата.

– Это мелко! Мелко! – возмущалась она, готовая отстаивать свою позицию до самого последнего, не имея ни капли сомнения.

Сомнений не имел и Влад. Они бились не на жизнь, а на смерть, постепенно уничтожая любовь, понимание и уважение друг к другу.

Война закончилась. Не осталось камня на камне. И Арсений погиб, потому что она оставила его с семьей, которая от него отказалась. Оказавшись на пепелище, вдруг стало очевидно, что нельзя было доверять людям, которые чужие,

непонятные и враждебные. Надо было беречь свое счастье.

Людмила никогда не говорила с Наташей на эту тему, но она знала, что Сулаковы, как и мать малыша, отказались от него. Об этом рассказал врач из дома малютки. Грустную историю мальчика Людмила помнила и теперь. Она навсегда прожгла ее душу. И сейчас появлялись странные, пугающие вопросы к себе самой. Если знала, что эти люди приняли решение выбросить мальчика из своей жизни, то отчего пустила их в свою семью? Душа холодела, и ответ не находился. Это была ошибка! Если бы она вовремя посоветовалась с мужем, то трагедии можно было избежать. В этом не было никаких сомнений. Людмила холодела от колющих мыслей, которые кромсали душу. Накатывало глухое отчаяние, которое плавило сознание, притупляя действие водки.

Но она все равно опьянела. И чувствовала, что ненависть ко всему окружающему переполняет ее. Время не повернуть вспять, но в голове минуты отсчитывались назад. Невнятное раскаяние мучило, раздирая внутренности. Ведь это она виновата, что привела этих людей в дом! Арсений погиб, когда Людмила ушла в магазин, оставив ребенка с теми, кто когда-то претендовал на его семью. Она ни на секунду не усомнилась в этих людях, один раз уже предавших. Она доверяла им и радовалась, будто совершила что-то хорошее. Верила! Но оказалось, что обрекла своего сына на смерть. Много часов подряд она пыталась осмыслить то, что случилось. Несчастный случай произошел слишком не реально. Арсе-

ний пошел на кухню за своей игрушкой, которую кто-то положил на подоконник. Окно оказалось открыто, и мальчик выпал, не успев даже вскрикнуть. Кто положил туда игрушку? Кто открыл окно? Был ли это злой умысел, или просто стечение роковых обстоятельств? Почему Арсений забрался на подоконник? Для чего это было нужно, ведь он пришел за своей игрушкой? Можно было просто забрать ее и уйти в свою комнату!

Конечно, скорее всего, это халатность. Из-за жары открыли окно, кто-то из детей бросил игрушку на подоконник, никто не следил за Арсением, все смотрели телевизор и ели малиновое печенье, которое испекла Людмила. Съели все, что было! Пустая глубокая миска, в которой остались крошки, до сих пор стоит перед глазами. Этой миски уже давно нет, Людмила выбросила ее. Печенье она тоже больше не печет. Наташа зависала в телефоне с виртуальными любовниками. А мальчика даже не хватилась. Она забеспокоилась лишь тогда, когда услышала крики Кристины. Пришла на кухню и... И что? Что там было?

Острая, невыносимая боль, помутнение рассудка – вспоминать тот день и рисовать картины происшествия. С каждым новым днем картины приобретали зловещие, уродливые очертания. В этом было что-то выдуманное, нереальное. Мистическое. Поистине напоминало старый искаженный фильм, от которого кровь стынет в жилах, и пересыхает в горле.

Она ходила по магазину в то время, когда ее сын боролся за жизнь на краю подоконника. Даже если он оказался там по своему желанию и совершенно случайно, то ему никто не помог. За ним никто не смотрел. Лишь Кристина оказалась рядом. Но было непонятно, повлияла ли она на события, развернувшиеся так трагически. А Людмила ходила по магазину. Радовалась новому дню и тому, что все хорошо. И пусть Влад обижается, сколько хочет, он поймет рано или поздно, что не прав. В это была неукоснительная вера тогда. Как глупа и наивна она была. Не ощутила предчувствия беды, шестое чувство молчало. Сердце не дрогнуло, не появилось беспокойство. И она была первой, кто увидел мертвого ребенка, там, в кустах акации и сирени. И тут же что-то перевернулось в сознании, разум помутился.

...Наташа что-то говорила, пыталась оправдаться и защитить Кристину. Людмила не слушала, оглядывая мутными глазами кухню, пытаясь думать. Но отдельные фразы долетали до ее сознания, и жгучая обида заполняла все существо. Ей хотелось подойти к Наташе и толкнуть ее, чтобы она испуганно дернулась и вывалилась из окна. Грохнулась о землю, разбрызгав мозги по асфальтированной дорожке, и превратилась в страшную восковую куклу. Мертвое тело, которое закопают глубоко в землю, никто больше не вспомнит. Как бы жарко хохотала над ним Людмила. Столкнуть! Пусть поймет! Почувствует то, что испытал ее маленький мальчик!

Глубоко вздохнула, недовольно морщась. Убийство пре-

тило, вызывало несогласие, протест в душе. Наташа Сулакова – плохой человек, подлая, ограниченная, трусливая женщина. Но ведь Людмила сама привела ее в свой дом! Вот и терпи теперь!

– Ты веришь мне? Веришь? – плакала Наташа, сидя на подоконнике, размахивая рюмкой, из которой расплескивалась водка. – Веришь, Людка? Скажи, что веришь!

Людмила не отвечала. Ей хотелось думать, и Наташа мешала. Ее слезы не трогали. Хотелось указать на дверь. Возникло подозрение, что вновь затевается что-то плохое.

– Послушай! Послушай! Ну, ты же всегда любила Кристину! Всегда любила! С самого первого дня нашей встречи! Ты говорила, что она похожа на эльфа! Говорила же?

– Говорила.

Кристина – сложный ребенок. Людмила вновь нырнула в океан своих мыслей, пытаясь вспомнить, отчего вдруг зашел разговор о девочке. Взгляд прояснился, тонкие брови приподнялись, морща лоб. Да, Кристина – сложный ребенок. А отчего ей не быть сложной, ведь ничего хорошего в жизни не происходило? Мать гуляла, отца посадили, бабушка пила, дедушка вообще отказался от семьи, Наташа лишь терпела детей, опасаясь осуждения общества. Воспитанием занимались плохо. И никто не любил. Людмила много раз замечала в глазах девочки дикую зависть ко всему, что было у Арсения. Она раскидывала его игрушки, ломала цветные карандаши, рвала книги. И всегда лгала, будто это сделал кто-

то другой. И плакала, если ей не верили. Людмила жалела девочку, старалась быть снисходительной, покупала куклы, красивую одежду, часто крепко обнимала и смеялась, когда девочка вырывалась, словно дикий зверек.

Ее передернуло. А где была Наташа? Почему она не обнимала?

– На эльфа? Я говорила? Нет, она похожа на зверя! Дикого звереныша!

– Надо ли понимать так, что ты действительно обвиняешь маленького ребенка?

Людмила пожала плечами, желая выкрикнуть, что она обвиняет их всех! Даже мертвую Ольгу Куимову, так называемую маму. Ее-то больше всех.

– Я убеждена, что ты не говоришь мне правду.

– Прекрати! Прекрати! Людка, ну чего ты? Какую еще правду?

– Если не Кристина открыла окно, то кто? Ты?

Людмила умолкла, отвернув лицо в сторону. Кажется, Наташа заплакала.

– Я не признаю твоих обвинений, Людка! Ты так изменилась! Ну что с тобой случилось? Что?

Рыдая, она пыталась выбить из нее ответы. Но Людмила покачала головой, искренне удивляясь, что Сулакова совершенно ничего не понимает.

– Ну что с тобой? Что с тобой?

– Что со мной случилось? У меня сын умер!

Наташа возражала, крича о том, что они все пострадали. А она – больше всех, потому что ей приходится терпеть осуждение людей из-за того, что Кристина попала в психиатрическую клинику. А куда еще? Что надо было делать, ведь девочка замкнулась в себе, жутко кричала по ночам, просыпаясь от кошмаров.

– Это были страшные ночи, Люда! Я забиралась с головой под одеяло и затыкала уши. Невыносимо! Страшно! Но кто поймет меня?

– А почему ты просто не взяла ее в свою кровать? Не обняла? Не согрела сладкого молока или какао?

Их глаза встретились. Наступила тишина. На Наташином лице отразилось неуверенное недоумение. А разве надо было греть молоко ночью? Нормально ли брать ребенка в свою постель? Людмила усмехнулась, она будто прочитала невысказанные вопросы.

– По твоему мнению, все люди – лицемеры! – устало сказала Наташа. – Все люди – плохие.

Не все, – хотелось ответить Людмиле, – только ваша семья. Семья, где не знают, что такое любовь. Где растет поколение таких же жестоких эгоистов. Слова звучали в голове, вызывая приглушенный шум. Людмила сглотнула, посмотрев мутными глазами на бутылку.

– При чем тут люди?

– Я налью, Люда!

Наташа соскочила с подоконника и раболепно наполнила

рюмку Людмилы водкой, забыв подлить себе. Она смотрела на подругу заискивающе, но где-то в глубине ее зеленых глаз билась черная трусливая ярость. Выпив, Людмила положила голову на руки и уснула, сидя за столом. Она проснулась, когда за окном стемнело. Со стоном распрямляла застывшие члены, огляделась. Посуда была вымыта и расставлена по местам. Наташа смотрела телевизор и пила чай. Людмила поднялась, осторожно разминая затекшее тело. В желудке плескалась ядовитая горечь, обещая вылиться через край. Голова гудела, дышать было тяжело. Увидев в своей квартире Наташу, она вспомнила все и застонала. Ей хотелось лечь спать, а гостью прогнать прочь. Как часто эти мысли посещали ее. Прогнать прочь! Из дома, из жизни!

– Проснулась? – улыбнулась Наташа. Она будто и не пила. Лицо было свежим, чуть уставшим. – Я хотела уже ехать. Будешь чаю?

– Нет...

Ее затошнило так, что пришлось опустить голову и судорожно сглотнуть. Жгучие слюни заполнили рот. Голова кружилась, а ноги совсем не держали. И все-таки волна тошноты отступила. Глаза заслезились и покраснели.

– Я тут подумала, – продолжала Наташа, не обращая внимания на состояние Людмилы. – Надо что-то делать! Так больше не может продолжаться!

– Ты о чем? – хрипло выдавила из себя Людмила.

– Как ни крути, но надо мириться с Владиком.

– Что? – не поверила она своим ушам.

– Да, это единственный выход.

– Его девушка скоро родит. Живот большой совсем.

– Ну и что? Жить-то он должен с тобой.

Красные глаза Людмилы были страшны, но Наташа лишь легко пожала плечами и улыбнулась. Казалось, что не было недавних слез и уговоров. Они говорили о Кристине, которая могла убить Арсения. Мысли бились, будто о клетку. Неужели Наташа обо всем забыла? Или не было ничего, и Людмиле все приснилось? Влад не вписывался в разговор, потому что тема детей не была закрыта.

– Это необходимо, иначе ты сойдешь с ума. Я это чувствую. И не хочу этого.

С большим трудом Людмила заставила себя подумать о том, что советовала Наташа. Ее передернуло от отвращения. Примирение возможно, но о том, чтобы снова жить вместе, не может быть и речи. Скоро родится ребенок. Влад хочет этого ребенка. Одного он уже потерял. У него есть шанс начать все сначала, и он использует этот шанс. Ему не надо оглядываться назад, туда, где осталась Людмила. С ней все кончено.

– Ты правильно делаешь, что ненавидишь эту шлюху! Я бы тоже ненавидела на твоём месте. Но Владик тут не при чем! Он мужчина, который не смог устоять перед молодой женщиной. Для него это ничего не значит, просто секс. Уверена, что он требовал аборта.

Людмила сморщилась. Слова претили, потому что она знала, что это не так. Влад хочет этого ребенка. Она следила за жестами Сулаковой и задавала себе вопрос: как они смогли подружиться и прекрасно общаться несколько лет? Ведь Наташка действительно ничего не понимает. А казалось, что понимает! Видно, Людмила черпала в своей собственной душе отражение идеальной подруги. Отражение восторженного идеала. Все разбилось вдребезги, и оголилась колючая правда.

– Я спать хочу, Наташ. Тебе пора.

Она отвернулась, все еще пытаясь удержать горькую тошноту внутри себя, с печалью осознавая, что бесполезно. Горечь обязательно прорвется, нужно немного времени. Женщине не хотелось, чтобы ее начало рвать при Наташе. А та с обидой поднялась, понимая, что ее снова не пригласили остаться.

– Хорошо. Ложись, конечно. Мы еще успеем обо всем подробно поговорить.

6

Наступило раннее утро. Небо заволокло туманной сыростью. Людмила стояла на балконе и ежилась от холода. Она много выпила вчера вечером, кажется, целую бутылку водки, и уснула на кухонном диване. Совершенно не помнила, а что же Наташа? Уехала ли она сразу, как только доставила Людмилу к подъезду, или заходила в гости? Кажется, заходила. Они вроде бы разговаривали про Кристину и Влада. А может, и нет. В голове все перепуталось. Память восстанавливалась медленно. Людмила крепко спала остаток вечера и большую часть ночи. Она проснулась около пяти часов утра, поднялась со своего неудобного ложа, разминая затекшие руки и ноги. И вдруг с удивлением поняла, что голова с похмелья не болит. Лишь ощущение жажды. Выпив воды, женщина вышла на балкон. Свежий воздух заставил вспомнить все. Память вернулась, но Людмила была не рада ей. Механизм происходящего плохо поддавался анализу. Но нужно было думать, чтобы разобраться. Где-то внутри сидела уверенность в том, что конец близок.

Она с тоской смотрела на кафе-кондитерскую, которая располагалась на другой стороне улицы. Захотелось горячего шоколада со сдобной булочкой. Захотелось так сильно, что Людмила мысленно тут же перебежала через дорогу и вошла в стеклянные двери небольшого уютного помещения.

Вот тот столик у окна, покрытый коричневой клетчатой скатертью, очень знаком ей. Влад часто водил ее сюда и покупал пирожное с вишенкой. Тогда еще он не был главным инженером судостроительного завода, а только-только начинающим специалистом с минимальной зарплатой. Они бедно жили. Она работала в больнице стоматологом, приходила домой уставшая, потому что очередь на бесплатное лечение была огромной. Но дома наступало счастье. Влад хватал ее в охапку, тормошил, кормил жареной картошкой с покупными рыбными котлетами, а потом вел в кафе кушать пирожное с вишенкой.

Арсения в это кафе не водили.

Все так переменялось. Ушло счастье, а вместе с ним – маленькие радости. Они с Владом погрязли в паутине лжи, притворства, потеряв что-то главное. Людмила считала, что внушает мужу неприязнь и отвращение. Конечно, он старался ради сына. Но в конечном итоге наступило неизбежное расставание. Их квартира пуста. Осталась лишь Людмила, но и она не задержится здесь. Слезы навернулись на глаза. Женщина тихо всхлипнула. Как бесило ее сейчас это никчемное желание оправдаться, унижить себя малодушными объяснениями. Если бы возвратиться в прошлое! Она бы сделала все, о чем просил ее Влад, удалила свои социальные сети, навсегда забыла о том, что рассказывали в доме малютки о прошлом их сына. Она бы вычеркнула это из памяти. Нет никакого прошлого! Нет, и не должно быть! Его семья – это

они с Владом! А те люди – не более чем фантазия, образы, начерченные на песке. И любовь бы не растворилась, а стала еще более крепнуть. Все было бы совсем по-другому. Появился бы шанс сводить своего мальчика в кафе кушать пирожное!

Людмила постоянно мысленно возвращалась в прошлое и страстно желала его переменить. Она точно знала, с какого момента нужно начать. Свою грандиозную ошибку все еще с болью переваривала, словно кусочки битого стекла. Ошибка состояла в том первом письме Наташе Сулаковой. Этот день, когда она написала письмо, расколол ее жизнь на до и после. Но тогда ей виделось счастье. Глупое, наивное, роковое счастье. Написание этого важного письма представляло единственную связь с прошлым Арсения. С тем прошлым, где находились его сестра и брат. От них мальчик был отрезан внезапным решением его матери и всей семьи. Тогда Людмила этого не осознала, что не только мать была несчастьем Арсения. Его несчастьем была вся семья. Предательство приняло множество обличий. Людмила была слишком погружена в свое счастье, будто оторвалась от реальности. И не заметила, когда стало слишком поздно. Понимание того, что сына подло столкнули с подоконника, больше не вызвало сомнений. Силой ли, или просто с равнодушием наблюдая, как он забирается на подоконник и падает. Убийство надежно прикрывали все члены семьи. Они стеной стояли друг за друга. И эту черную семью, похожую на ядовитого

паука, Людмила сама привела в свой дом.

Она тяжело вздохнула, ощутив, что где-то под грудью колет и колотит сердце, и с неохотой покинула балкон. Еще вчера, в дикой истерике вернувшись домой от Аллы, она не желала видеть Влада. Но сейчас хотелось поговорить. Потребовать от него объяснений, оскорбить, ударить, уничтожить. Обида разъедала внутренности, и становилось нестерпимо. Он снова станет отцом! Он не пытался отомстить Людмиле, а просто поставил жирный крест. Алла – обычная студентка техникума, проживающая в общежитии. Да, она молода, но это совершенно другое. Что-то далекое, серьезное, которое нельзя разбить. Его не интересуют случайные связи. Влад пытается создать семью и родить ребенка. Он никогда не говорил об этом с Людмилой, поэтому она не знала о степени серьезности, представляя сексуальную хозяйку ателье и страдая от того, что сама выглядит старой развалиной. Новые вещи, обещанные Сулаковой, в этом случае не помогут. Бесполезно искать там, где давно пусто. От этого почему-то стало легче. Не нужно что-то делать и выворачивать себя наизнанку, пытаясь предстать той, которой давно не существует.

Людмила включила свет в ванной. Электричество тихо вошло в сосуды, заставив поморщиться. Нервы были подвержены уколам тонких маленьких игл. А что Алла? Какой у нее срок? Как переносит приступы тошноты? На сколько килограммов поправилась? Наверно, накупила себе большой

список литературы из серии «Мать и дитя», а может, смотрит ролики в интернете. Людмила никогда не была беременной. Но перечитала много книг и пересмотрела кучу роликов.

Она очнулась и взглянула в зеркало. Испуганно прислушивалась к себе, понимая, что желает обнять Аллу, успокоить, сказать, что все будет хорошо, и она обязательно будет счастливой. Перепады настроения случались все чаще. От резкой ненависти до угрызений совести и желания помочь, обнять. Хоть кого-то обнять!

Свое счастье Людмила никогда не вернет. И на миг показалось, что, если бы не вчерашняя поездка, то возможно было бы подружиться с Аллой. Помочь ей с приготовлениями, предложить помощь с воспитанием малыша. Ведь это ребенок Влада! Но теперь этому не бывать. Вчерашняя истерика до смерти испугала девушку. А всему виной Наташа, которая для чего-то привезла ее в общежитие. Ведь она знала о беременности! Не могла не знать! И чего она ожидала? Что Людмила кинется на соперницу с ножом? Слава богу, не кинулась.

Гнев прошел так же быстро, как весенняя гроза. Влада нельзя осуждать. За это – нельзя.

Людмила решительно стала собираться. Осколки их разбитого счастья такие мелкие, что склеить невозможно, они жгут и колют своей жестокой остротой, причиняя огромную боль. Но есть надежда отогреться у чужого счастья! Это защитит от неминуемой смерти, которая дышит в затылок. За-

бота о ребенке подарит второй шанс! А сейчас она зависима от выпавших на ее долю страданий, опутана ложью, словно цепями.

Расчесывание волос вызвало отчаянную боль, но Людмила решила терпеть. Может, действительно сходить к мастеру в салон? Стыдно. Волосы ослабли и перепутались до такой степени, что любое вторжение вызывало дикую боль. Из этой борьбы она так и не вышла победителем. Со вздохом натянула шапку, радуясь тому, что на улице пасмурно. Лишнего внимания не хотелось. Хотелось стать прозрачной, исчезнуть! Выйдя из подъезда, Людмила обрадовалась порыву ветра. Глаза сразу заслезились. Часы показывали пять минут седьмого утра, а она собралась во что бы то ни стало разыскать своего мужа. Позвонить ему и попросить прийти в парк или в аллею, чтобы поговорить, постараться объяснить, извиниться. Может быть, он протянет руку помощи. Надежда таяла, растворяясь в воздухе. Шаги становились все медленнее и тяжелее. Бездна накрыла, как черная туча. В один миг. В груди теснились рыдания, дыхание стало прерывистым и хриплым. Неуверенность и неопределенность того, что она хочет, пугали. Но женщина медленно брела в сторону парка, заставляя себя хоть что-то делать.

Долго собиралась с духом и позвонила Владу. Голова закружилась от волнения, и пришлось присесть на скамейку под старой березой. Она ожидала, что Влад давно закинул ее номер в черный список или сменил свой. Но нет! Гудки

пошли, и через несколько секунд он ответил. От звуков его голоса она чуть не потеряла сознание, глубоко задышала, судорожно сжимая вмиг вспотевшие ладони.

– Что случилось?

Конечно, он обо всем уже знал.

– Влад, я...

– Все в порядке?

Он говорил сухо, но вопрос о том, в порядке ли она, расстрогал до слез. Людмила сбивчиво принялась извиняться и объяснять. Она не понимала, что говорит, но трепетно радовалась тому, что он не отключался и слушал ее.

– Да я понимаю все, – наконец устало произнес он. – Ты не сама, тебя привезли, специально, чтобы ты поняла, кто в действительности твой враг.

– Я сорвалась, потому что не ожидала, и...

– Послушай, Людка, гони ты их! Избавься!

– Кого? – испуганно спросила она. Ей не хотелось вновь разбираться, дело было запутанным. Сомнения мучили нестерпимо.

– Это не те люди, пойми!

– Но Наташа хотела помочь! Ты ведь ее сейчас имеешь в виду?

– Да, я ее имею в виду! Она не поможет. Ты же понимаешь, что ей не дано понять, что произошло? – в его голосе звучали звенящие нотки. Людмила не могла знать, что он сто раз пожалел о том, что решил попросить Сулакову о по-

мощи. Глупо и безответственно. Он злился на себя, поэтому на жену злости не осталось.

– Не знаю.

– Она привезла тебя с одной целью – чтобы произошел скандал или того хуже. Она никогда не изменится. Гнилое нутро, ничего не поделаешь. Она прикрывает свою сущность тем, что якобы воспитывает детей сестры. Но ты сама понимаешь, что эти дети несчастны. Их никто не любит. И если бы не общественное мнение, то и эти дети были бы брошены.

– Да, наверно, ты прав.

– Она разрушает все только потому, что ей не дано понять. Их семья совершила гнусный поступок. Им претит благополучие других, потому что своего нет. И никогда не будет, потому что они выбрали не тот путь.

– Но они же не первые, кто совершил это. Множество семей отказываются от своих детей.

– К сожалению, да! Они не первые. Но не нужно было приводить их к нам. Понимаю, что ты хотела как лучше. Но эти люди не нуждаются во втором шансе, понимаешь? Они принимают доброту твоей души как вызов. Они пытаются защититься, потому что знают: ничего не забыто. Они радуются любой нашей неудаче, болезни, а горе просто действует на них как кровь на дикого животного!

– Это звучит ужасно. Ты можешь ошибаться!

– Могу ошибаться, конечно.

– Может быть, мы просто их не понимаем.

– А нам и не нужно, Люд.

У нее перехватило дыхание от того, что он говорил «мы».

Но это ничего не значило. Просто слова.

– Гони ее к черту!

– Я бы все равно узнала. Про Аллу.

– Конечно, – ответ прозвучал покорно, но что это меняло?

Людмила кашлянула, охваченная внезапным сомнением.

Она бы об этом узнала, а может, и нет. От кого бы она узнала, если целыми днями сидит дома и пьет! Не ходит на работу, не общается с подругами, не звонит родителям, да и вообще никому не звонит. Она перестала ощущать мир, лишь спит и жалеет себя, временами просыпаясь и готовя омлет на кухне, практически нежилом помещении, где нечем даже пожить. Упаковки от макарон быстрого приготовления свалены в мусорном ведре, больше там ничего нет, даже обертки от колбасы или фантика от конфеты. Она знает, сколько стоит бутылка водки или коробка вина, но совсем не помнит о том, по какой цене батон или буханка хлеба.

Откуда бы она узнала о том, что у Влада скоро появится ребенок? Если бы не Наташа, то, возможно, эта информация была бы укрыта от нее на долгие годы.

– Я не испытываю к ней зла, Влад! К этой твоей девочке.

– Хорошо. И не надо. Она не сделала ничего плохого.

– Я даже рада. Правда. Рада за тебя. За вас.

– Спасибо.

Людмила побледнела, слегка наклонила голову вперед.

Почувствовав опасную зону, остановилась. Его ответ ранил. Он не отрицал, что уже вместе с той, другой. Нервы были слишком измучены, чтобы пытаться реагировать спокойно. Не нужно углубляться в обсуждения о том, сделала ли плохо девушка, переспав с женатым мужчиной. Снова будет тупик. Они не придут к единому мнению.

– Наташа пытается мне помочь. Поэтому она привезла меня, чтобы познакомиться.

– Это не ее дело!

Людмила сглотнула, чувствуя, что нервы натянулись до предела. Ей было больно разговаривать с Владом. Он был родной, но совсем чужой, у него есть другая женщина. В темных зрачках билась мысль о том, что это кошмарный сон. Раскаяние раскалывало душу. Могло быть все по-другому. Они не потеряли бы Арсения и, возможно, задумались бы об еще одном ребенке. Если бы она не написала Наташе!

– Это не ее дело! – повторил Влад. – Пусть не вмешивается!

– Да, это наше с тобой дело, – согласилась Людмила. – Но ты ничего не рассказывал! Когда ты собирался сделать это, непонятно!

– Это слишком сложно, а ты расстроена и никак не придешь в себя.

Людмила криво усмехнулась, поражаясь тому, как он пытается подобрать слова. «Расстроена», «никак не придешь в себя»! В голове мелькнуло сознание своего превосходства.

Разве она струсила? Предала? Совесть навсегда останется чистой. Но что ей делать с этой совестью? Мысли заскакали как табун диких лошадей. От раскаяния до обиды, от благожелательности до гнева. У нее тряслись руки и голова, контролировать свои нервы и тело было невозможно. Она забыла, как только что говорила ему о том, что рада за них. Сейчас радости не было, лишь жгучая невыносимая обида.

– Ты будешь разводиться?

– Так будет правильно.

– Ты ее любишь?

– Люда, это неважно.

– Да-да, конечно. Это неважно.

– Давай просто не станем это обсуждать, – его голос звучал мягко. – По крайней мере, сейчас не станем.

– Конечно.

Она говорила совсем не то, что собиралась. Обида взяла за горло, и не было ни единого шанса вырваться. Слезы давили горло изнутри, и она начала задыхаться. Разговор необходимо закончить, иначе неизбежна очередная ссора. Но, чтобы закончить, не хватало воли, обида накрыла, как грозовая туча.

– Но почему неважно, Влад?

– Не надо говорить об этом.

– Ты даже не расскажешь, как познакомился с ней? Когда это началось?

– Люда, прошу тебя!

– Ты ругаешь Наташу! Но ты сам предал меня! Ты первый предал! А она единственная, кто пытается протянуть мне руку помощи!

– Это заблуждение.

– Но почему?

– Я все жду, когда ты прозреешь! Никакой руки помощи нет, Люда! Ее никогда не было. Люди озабочены собственной персоной и только. Это гадкие люди! Наташка, ее чертова мать и их дети! И сестра Наташкина – сволочь.

– Ты забыл отца, – тихо произнесла она. Слезы скупно прорывались сквозь ресницы, доставляя дополнительные мучения.

– Что?

– Ты забыл их отца.

– Он не принимал участия в этом фарсе. Ему не нужны были наши деньги и подарки. Да я его даже ни разу в глаза не видел! Но это не снимает вины с него. Моя хата с краю! Так он считает.

Людмила пожала плечами, шмыгнула носом. Она не могла говорить сейчас об этом, потому что ее волновало другое.

– Они мне не нужны, Влад! Да и какое это все имеет значение? Мы говорили об этом миллион раз!

– Говорили, но без толку. Но сейчас ты понимаешь, что я был прав. Понимаешь же?

Людмила поднялась со скамейки и беспокойно заходила взад и вперед, чувствуя, как по шее и спине медленно

стекают капли пота. Ей стало казаться, что Влад пытается контролировать ее. Он снова бьет на то, что она совершила огромную ошибку, призвав Наташу Сулакову в свою семью. А Людмиле не хотелось обсуждать это, потому что она не могла до конца разобраться во всем. Сомнения вновь забились, делая ее безвольной, истеричной, бесполезной.

Иногда ей казалось, что муж прав. И от этого понимания сознание трусливо сжималось и хваталось за спасительную соломинку – мысли о суициде, которые одним махом должны были решить все проблемы. Наказать! Но еще хотелось призвать Влада к ответу за беременную Аллу, которая появилась неизвестно откуда и неизвестно когда.

– Но ты предал меня!

– Это не так.

Тема действительно была слишком скользкая. Не нужно говорить об этом. Но Людмила не могла остановиться. Ее горе требовало выхода, разговора, обвинения, констатации факта.

– Она ведь скоро родит! Родит! Сколько времени ты обманывал меня? Как ты посмел? И это в тот момент, когда Арсений погиб! Ты ненавидишь Наташу, но это тебя надо ненавидеть, потому что ты жестокий, подлый человек! И я постараюсь возненавидеть тебя! Я постараюсь обязательно тебя забыть!

– Послушай!

– Нет! Не стану я тебя слушать! Ты не можешь себе пред-

ставить, что пришлось мне пережить, когда я увидела ее там! В этой грязной комнате, с огромным животом! Боже, она такая молоденькая! Как ты посмел? Сволочь! Тебя убить мало!

Она кричала, не замечая того, что трубка давно молчит. Влад отключил телефон. Она вновь осталась одна. Теперь одиночество неизбежно. Лицо загорелось, волосы выбились из-под шапки и прилипли к мокрым от слез щекам. Внезапно пришла ярость, захотелось творить зло, усердно и целенаправленно! Кто пожалел ее? Кто протянул руку помощи? Уже не хотелось обвинять себя, жалость к собственной судьбе достигла высшей точки.

– Ненавижу! Всех вас ненавижу! – исступленно шептала она, сжимая в руках потухший телефон. – Чтоб вы все сдохли! Ненавижу!

В темных зрачках таились пугающие мысли, но именно эта ярость дала новый поток сил отогнать смерть. Не помнила, как вернулась домой. Включила телевизор и достала из холодильника бутылку водки. Руки дрожали, когда она наливала первую рюмку, губы жадно тянулись в нетерпении. В тот момент она не думала о том, во что превратилась. Хотелось пить до потери сознания, чтобы мысли исчезли, и память растворилась и прекратила ее мучить.

Людмила проснулась около трех часов дня и с ужасом подумала, что опоздала на работу. Страх был реальный, и женщина, соскочив с кровати, как в прошлые счастливые времена, бросилась в ванную. Но столкнувшись с отражением в зеркале, замерла. Память постепенно восстановилась. Оказывается, она не опоздала, ей вообще не нужно никуда идти. В больнице давно ходили слухи о том, что она пьет и скоро совсем сопьется. Людмила была уверена, что замена ей давно найдена. В какой-то миг стало больно от того, что вернуться в нормальную жизнь нельзя. Пути перекрыты, нужно искать что-то другое, но на это нет сил. Может быть, действительно уехать к родителям в Сочи? Там воздух, море, прекрасный милый дом, в котором прошло ее детство, старенькие родители, две кошки и собака. На глаза навернулись слезы.

Она возвратилась в комнату и снова легла. Так лежала, потеряв счет времени, в абсолютной тишине, чувствуя, как телом овладевает привычная лень. Головная боль уже где-то пульсировала, будоража память, которая яркими вспышками вбрасывала в мозг воспоминания, и Людмила вяло пыталась отогнать их.

Это становилось невыносимо.

Она повернулась на другой бок и посмотрела в окно. Пас-

мурно, как вчера, и позавчера, и неделю назад. Она не видела солнца и свежей зелени на деревьях. Сознание помутилось. Листья казались намокшими и почерневшими. Разложившимися, как тело в могиле. А небо напоминало старое пыльное зеркало, простирающееся над крышами домов, ожесточая их очертания. Картина резала глаза, они начали болеть и слезиться.

Обрывок воспоминаний. Она возвращается домой и видит своего сына, лежащего мертвым, сброшенным из окна руками убийц. Сколько раз она думала именно об этом! Людмила зажмурилась. Слезы потекли сильнее. Арсений был такой маленький, всегда улыбался, когда она возвращалась с работы домой, обязательно интересовался тем, что она принесла ему, и искренне радовался любой сладости или игрушке. Какой он был трогательный и беззащитный!

Целый час она проплакала, уткнувшись в подушку. Но потом поднялась, натянула на себя старый свитер и джинсы, которые еле сошлись на бедрах. Пришлось постараться, чтобы застегнуть молнию. Ничего не ест, а поправилась. Но эта мысль не задержалась у нее в голове.

Снова легла и больше часа не шевелилась. Пока одевалась, истратила последние силы и устала. Чувствовала себя опустошенной и измученной, будто не спала вовсе. Невидимые вампиры высосали из сердца желание жить. Людмила слабо пыталась бороться, но это было равносильно плыть против течения. Исход один – смерть. За окном лето, но она чув-

ствует холодное дыхание осени. В детстве любила эту пору разноцветных листочков и яркого солнца. Собирала кленовые листья и складывала их в коробку из-под обуви. Листья высыхали и теряли яркость, тогда она выбрасывала их, надеясь в скором времени собрать много новых.

В душу закралось ощущение, что она находится в этом мире случайно. Захотелось плакать и рюмку водки. Ей тридцать семь лет, она старая, некрасивая, никому ненужная женщина. А ведь еще в прошлом году... Кто бы мог подумать! В висках застучало, Людмила закрыла уши ладонями и затрясла головой, пытаясь избавиться от действительности, в которой оказалась вопреки всему. Никогда она не сможет рассмеяться прежним искренним смехом. Никогда не выберется из вакуума, который с каждым днем становится плотнее. Постепенно все расплылось перед глазами, превратилось в серый туман. Она снова заплакала и уткнулась носом в подушку. Совсем не думала о муже, но не могла выбросить из головы видение Аллы с округлившимся животом. Скоро родится ребенок. Девочка или мальчик? Она-то никогда об этом не узнает! Людмила попыталась запротестовать, шевелиться, что-то делать. Это не может больше так продолжаться! Необходимо остановиться, найти в себе силы зацепиться за что-то, чтобы прекратить падение с высоты. Потому что в этом случае смерть неизбежна. А в последние дни Людмила ясно чувствует ее дыхание где-то за своим плечом. Надо попытаться начать жить заново, как говорится. Но как это сде-

лать? Необходимо не обращать внимания на неудачи, одиночество, сплетни. Собрать мысли в виртуальный чемодан и забросить его на верхнюю полку плацкарта, чтобы отправить в один конец света навсегда. Это были слабые потуги, где-то в дальних закутках мозга. Привычное состояние брало верх, она жалка и беспомощна до безобразия. Сопротивляться, чтобы что-то изменить, не было сил. Даже не помогало видение Аллы. Злость и обида перевоплотились в отчаяние и депрессию.

Людмила тяжело перевернулась на бок. До чего она докатилась! Лежит целый день без движения, плачет или спит, уже не чувствует своего тела, которое стало чужим и будто из камня. А с наступлением вечера поднимется и отправится на кухню, чтобы выпить. Через час напьется и пойдет в магазин за новой порцией водки. Потом снова выпьет, включит телевизор и станет горько рыдать, чтобы избавиться от невыносимой горечи. Незаметно уснет и проснется только ранним утром. Все предсказуемо и безнадежно.

А что Влад? Он сидит себе на работе, подписывает какие-то бумажки или ходит с делегацией по заводу, показывая незнакомым людям огромные цеха, где строят корабли. Когда-то давно он и ей показывал, очень интересно рассказывал о секциях, переборках, сварке и втором дне судна. Он во всем разбирался. Его глаза светились, он любил свою работу и гордился тем, что принимает участие в важном деле. После работы он поедет в свою новую квартиру, обнимет

Аллу, поужинает и станет смотреть телевизор. Алла поможет посуду и присоединится к нему. Они обнимутся, уютно устроившись на диване, и будут говорить о чем-то и смеяться. У них образовалась настоящая семья, они любят и поддерживают друг друга. Скоро родится ребенок, и они пожениются. Выберут ему красивое имя, необычное, историческое, может быть. Купят пеленок в «Детском мире», распашонок, кроватку, коляску, игрушек, изображающих животных и героев мультфильмов. Алла свяжет из желтой пряжи пинетки, носочки, а из зеленой – пару костюмчиков. Может быть, не станет вязать, а купит в магазине. Людмила вязала Арсению много разных милых детских вещей.

Влад смог выбраться, у него есть шанс.

А Людмилы не существует. Она – живое привидение. На то, чтобы выбраться из дикой пропасти, нет сил и возможности.

Женщина не видела иного, она считала, сколько еще осталось часов до окончания очередного отравленного дня. Отчаяние доводило до истерики, и тогда она заливалась слезами. Бесконечные слезы, от которых лицо опухает и становится неузнаваемым. Она не знает, что Влад давно не сопровождает на заводе делегации, он не гордится тем, что инженер высшей категории, завод давно пришел в упадок, квалифицированных рабочих не осталось, а оборудование дышит на ладан. Он возвращается с работы не на благоустроенную квартиру, а в старое общежитие, где ждет Алла, потому что

никак не подберет приемлемое съемное жилье. Действительно, она кормит его ужином, а потом он садится за компьютер и переписывается с психологом, который наблюдал Кристину Куимову в тот период, когда умерла ее мать. Он пытается найти доказательства тому, что девочка причастна к смерти его сына. Людмила не знала, что эти поиски помогают ему не скатиться в пропасть отчаяния. Она не знала, что он звонил Наташе Сулаковой и угрожал убить ее, если она не расскажет правду. Он был зол на нее за то, что она провалила его просьбу о помощи, зачем-то потащив Людмилу в общежитие к Алле, тем самым усугубив ситуацию. Не знала, что он собрался переехать с Аллой в Тамбовскую область, где жила ее мать, но после того, как расставит все точки над *i*. Не знала, что он разговаривал с врачом-наркологом, советуясь с ним, как помочь ей, Людмиле. Он не мог себя заставить сжечь мосты, потому что боялся за нее, чувствуя непоправимое. Ему хотелось убедиться, что с ней все в порядке, а только потом строить и укреплять свое счастье.

Она лежала и прислушивалась к собственному горю. Пробовала свыкнуться с мыслью, что страдания и выпивка приведут ее к неминуемой смерти. Она встретится со своим сыном на небесах, обнимет его наконец! Как не хватало этих объятий сейчас! Ради этого волшебного часа нужно привести себя в порядок, потому что нельзя допустить, чтобы мальчик понял, как она безнадежно спивается. Это толкнуло ее, заставило затаить дыхание. А вдруг Арсений действи-

тельно видит ее сейчас? Никто не знает, существует ли параллельный загробный мир. Хотелось верить в него всей душой, потому что в этом случае предоставлялся шанс. Нельзя испугать ребенка! Он и так напуган своей смертью. Людмила схватилась за виски, пробуя их с силой потерять.

Тяжело поднялась с кровати, подошла к телевизору и поставила диск с музыкой ДДТ. С первыми звуками пошла умываться. Она пока не умерла! Есть возможность еще раз попытаться выкарабкаться. Ради Арсения, который находится где-то в параллельном мире и смотрит на нее своими милыми, наивными глазами.

– Не смотри на меня, малыш! Мама просто заболела, это пройдет.

Пока ванна заполнялась горячей водой, Людмила отчаянно мучилась с узлами в волосах. Волосы стали тонкие и безжизненные, уютное логово для вшей и пауков. Она торопилась, боясь, что светлый порыв пройдет, и она снова ляжет на кровать. Разобравшись с волосами, забралась в ванну и около часа лежала в горячей воде, слушала музыку и радовалась тому, что в голове нет ни единой скорбной мысли. Затем надела чистые джинсы и оранжевую футболку и долго сушила феном чистые волосы, которые неожиданно оказались светло-русого цвета с чуть пробивающейся, совсем не заметной сединой на висках. Женщина с удивлением робко улыбнулась, потрогав волосы, которые красивой пушистой волной легли на плечи. Улыбка пропала так же быстро, как и

появилась. Волосы из прошлого, когда был жив ее сын. Желудок дрожал, и внутренний мир был далек от того, чтобы восхищаться чем бы то ни было.

Накинула на плечи джинсовую куртку и вышла на улицу. Больше часа гуляла по парковой аллее вокруг озера, глубоко вдыхая свежий летний воздух. Напряженные нервы немного успокоились, и это было невероятно. Вернувшись домой, впервые ощутила неприятный кислый запах, будто пришла на мусорную свалку. Испугалась и бросилась открывать все окна. Затем затеяла генеральную уборку и выгребла из квартиры несколько пакетов с мусором. Работа утомила ее до потемнения в глазах, но это была невероятно приятная усталость. Хотелось поскорее еще что-нибудь сделать, пока не потянуло прилечь и поплакать. Забросила белье в стиральную машину и занялась приготовлением ужина. Пришлось сходить в магазин, потому что в холодильнике ничего не было, кроме упаковки «Доширак» и банки соленых огурцов. Она купила хлеба, макарон, ветчины, пачку листового чая, печенья, яиц и молока. Сердце колотилось как сумасшедшее, приходилось присаживаться время от времени, чтобы отдохнуть. Она и не знала, что организм совсем измучен.

Это был робкий шаг к возвращению. Но в глубине души собирались тучи, там таилось какое-то предчувствие. Людмила подумала о том, что надо в аптеке купить валерьянки и пить ее с чаем каждый вечер. Поужинав, с удовольствием помыла посуду и отправилась в комнату смотреть фильм. Пол

сиял чистотой, и это было невероятно приятно. Сердце радостно забилось, но тут же на смену радости вернулся привычный страх. Она столько времени не вспоминала об алкоголе! Что же вдруг случилось? Видение беременной Аллы спровоцировало перемены? Или стыд перед Арсением, которого уже не было на свете? Хотелось несколько дней передышки, чтобы все хорошенько обдумать. Но Людмила понимала, что вряд ли сможет обойтись без выпивки. Где-то внутри уже дрожали органы, требуя привычную порцию.

Посмотрев начало фильма о Малефисенте, вдруг услышала, что входная дверь открылась. В прихожей послышались шаги мужа. Он разулся, убрал обувь в шкаф, достал оттуда тапочки. Людмила задрожала, кровь пульсировала в висках, грозя вызвать инсульт. «Как он посмел прийти? Как посмел?» – билось в голове, демон тоски вырвался на свободу и занял свое привычное место в сердце. Она сидела, не шевелясь, вслушиваясь в звуки, доносившиеся из телевизора, но уже не понимала ни слова. Все закружилось, уборка и ужин потеряли прежний смысл. Наоборот, стало стыдно от того, что в квартире чисто. Сила и очарование перемен пропали, на их место вернулись страх и истерика. Людмила не могла успокоиться, лицо пошло красными пятнами. Зачем он пришел? Что ему нужно?

Влад вошел в комнату, и она тут же представила его перекошенное от брезгливости лицо. Конечно, этого не было. Но в ее черепной коробке происходили немислимые видения.

– Привет.

Его тихий голос прозвучал где-то над ней. Она не обернулась, лишь кивнула.

– Как вкусно пахнет едой. Ты ужинала?

Она снова кивнула, не глядя на него.

– А я принес тебе пиццу. Кажется, ты любишь грибную. Я положил ее на стол в кухне.

Она не ответила. От его заботы испытала новую волну стыда.

– Какой фильм смотришь?

Людмила молчала, опустив голову. Будто он не видит! Хотелось заговорить с ним, но язык будто парализовало. Мысленно она просила его уйти, оставить ее в покое. Страх не проходил, истерические слезы плескались в горле. Людмила громко сглотнула и еще больше покраснела. Внутренности скрутило в тугой узел, от этого перехватило дыхание.

– Малефисента? Ты всегда любила сказочные истории.

Она нажала кнопку на пульте. Экран погас.

– Зачем выключила? Я бы тоже посмотрел с тобой.

Влад присел в соседнее кресло. Но Людмила тут же поднялась и бросила ему пульт. Влад поймал его. Их взгляды встретились. Ей сразу же захотелось сделать шаг назад и найти тень, чтобы укрыться в ней. На нее повеяло дорогим ароматом мужского парфюма. Она поморщилась.

– Люда, нам надо поговорить.

Она остановилась на пороге, обернулась. Их взгляды сно-

ва встретились. Для нее начинался ад. Хотелось избежать общения, от каждого его слова она сжималась, будто касалась дохлой кошки. Понимала, что он старается, ему тоже было нелегко прийти сюда, чтобы о чем-то поговорить. И от этого зажималась еще больше, отягощаясь чувством вины. И еще была обида за то, что он нашел выход, а ее бросил на погибель. Стыдилась недавнего телефонного разговора, жалела, что он вообще случился. Не нужно было звонить. Тогда бы Влад не пришел.

– Присядь.

Людмила колебалась, предчувствуя угрозу.

– Пожалуйста.

Все равно не решалась.

– Я прошу тебя!

Она вернулась к своему креслу. Ей вдруг стало жаль его стараний. Не хотелось ставить Влада в то положение униженности, в котором совсем недавно оказалась сама, когда просила его не уходить, не бросать ее.

– В больнице сказали, что ты все еще не работаешь. Я звонил туда, потому что твой телефон не отвечает.

Она вздохнула. Телефон был разряжен, а зарядка потерялась. Ей не хотелось утруждать себя ответом на этот вопрос.

– Я подумал, что ты уже вышла...

– Нет.

– Но не хочешь же ты все бросить?

– Ко мне нет записи.

– Почему?

– Люди не хотят лечить у меня зубы.

– Я думаю, что это поправимо, надо только заставить себя выйти на работу.

Она отмахнулась, заставляя его замолчать. Унижение, спровоцированное его приходом, внутри ее искало выход. Людмила может ответить ему ложью, придуманной наскоро, успокоить, что еще пару деньков, и все наладится, она обязательно выйдет на работу. Это его успокоит. Но что-то придумывать не хотелось.

– Ко мне не записываются на лечение, – глухо сказала она. – Потому что я – алкоголичка. У меня дрожат руки, изо рта воняет перегаром. Об этом говорят мои бывшие коллеги всем кому не лень слушать. Да ты и сам все знаешь! Разве нет? – Он смущенно развел руками, она усмехнулась, покраснев от злого стыда. Она не ждала от него жалости, но нуждалась в том, чтобы рассказать о себе, не прячась и ничего не скрывая. В этом виделся смысл, спасение. – Так что сидеть без работы я буду долго, но, скорее всего, мне придется поменять профиль. Пойду уборщицей в магазин или сторожем в школу.

– Ты шутишь? – Влад был потрясен ее ответом. Он расстроился, и от этого было приятно. – Почему ты алкоголичка?

– Наверно, потому что я пью водку.

– Люда! Это все неправда! Ты не должна говорить так!

– Неправда?

– То есть правда, но ведь все поправимо!

– Если ты пришел поговорить о моем будущем, то это не самая удачная тема. Репутацию зарабатывают годами, но потерять все можно в один миг. Я уже все потеряла. Так что прекрати говорить со мной про работу.

– Нет, постой! – он тряхнул головой и стал дергать себя за волосы, обдумывая что-то. – Я не о том хотел... В смысле ты не думай, что меня не волнует твоя жизнь!

– Да? Тебя волнует моя жизнь?

– Конечно, мы не чужие люди!

Она вздрогнула от этих слов. Они отбросили ее еще дальше от мужа. Глаза заблестели, неожиданно из горла вырвался хриплый истерический смешок. Она быстро закрыла рот ладонью. За окном послышался легкий шум, пошел дождь. По небу стремительно пронеслись густые облака.

– Это тяжело для нас с тобой... – снова попытался он.

– Это тяжело только для меня.

– Нет, я не нахожу себе места. Невыносимо жить дальше.

– Кажется, у тебя все хорошо.

В глазах всплеснулись слезы, нижняя губа задрожала. Но она изо всех сил пыталась удержать себя, не желая распластаться перед ногами этого мужчины. Она не понимала его желания поговорить, объясняя это тем, что он пришел ради Аллы, которую Людмила ненарочно напугала. А Влад был растерян, потому что никак не мог сказать, для чего пришел.

Он хотел поговорить о том, что узнал о Кристине Куимовой, о том, что эта девочка опасна. Но видел, что никак не удастся в благополучный момент высказать это, послушать, что ответит Людмила. Ее гложет какая-то психическая болезнь, он это ясно увидел и был потрясен. Она постепенно пересекала безопасную грань, когда можно еще вернуться назад.

– Я не уверен, хорошо ли у меня. Я в последнее время ни в чем не уверен, черт возьми.

– У тебя будет ребенок. Нашел время сомневаться.

– Но я переживаю за тебя, понимаешь?

– А у меня есть Арсений. Навсегда только Арсений.

– Люда, Арсения не вернуть.

– Ты думаешь, что я этого не понимаю? – криво усмехнулась она. На лицо набежала тень, состарив женщину до безобразия. – Я еще не сошла с ума.

– Об этом я и хотел поговорить. Чем больше проходит времени, тем уверенней я становлюсь в своих предположениях. Арсений не мог выпасть из окна без чьей-то помощи.

Повисла тяжелая трагическая пауза. Страшные слова были произнесены. Людмила посмотрела на него безумными глазами. Она испытала странную радость, подъем, будто они решили сейчас сложную задачу, наконец получив ответ.

– Что тебе об этом известно?

– Ничего... Но я говорил с психологом, который общался с Кристиной после смерти ее матери.

– С психологом? У нее был психолог? – неожиданный по-

ворот заставил Людмилу замереть от удивления.

– Да, он приезжал из нашего города, потому что его вызвал местный педиатр и попросил осмотреть девочку. Он приехал и осмотрел, затем дал свой адрес и провел несколько бесплатных консультаций, просил обязательно звонить и привозить Кристину время от времени.

– Кристину возили сюда, в Нижний? – не могла поверить Людмила.

– Да.

– Но Наташка не говорила об этом.

– Да, она о многом не говорила.

– Подожди, Влад, – всплеснула руками Людмила. – Что-то не то здесь. Наташа была у меня недавно, рассказывала, что девочка уже три месяца лежит в психиатрическом отделении для взрослых. Из-за этого у них в семье проблемы. Врач, опека и школа настаивают на том, чтобы девочку показали детскому психологу. Но Наташа с матерью не могут себе этого позволить. Из-за денег, возможно, или из-за того, что этого психолога еще надо найти и ездить к нему. Они в отчаянии. Даже появились мысли отдать девочку на удочерение. Что-то в этом роде, если я правильно поняла. Но раз дошло до психиатрического отделения, то дело серьезное. Видимо, с Кристиной совсем плохо.

Влад усмехнулся и пожал плечами.

– Влад, но получается, что психолог-то есть. Он даже просил привозить Кристину!

– Именно так.

– Но почему они не везут и довели дело до крайностей?

Влад покачал головой и развел руками.

– Может быть, у них и правда денег нет?

– Не думаю, что в этом проблема. Говоришь, что Кристину хотят удочерить другие люди?

– Да, что-то такое говорила Наташа, – Людмила нахмурилась, пытаясь вспомнить.

– Так, наверно, в этом и дело.

– В удочерении?

– Да.

– Господи!

– Чему ты удивляешься? Не в первый раз им отказываться от ребенка.

– Но это же Кристина!

– У Кристины сейчас много проблем. Их надо решать.

Проще скинуть на кого-то другого.

Людмила помолчала, пытаясь собраться с мыслями.

– Как тебе удалось? Я имею в виду поговорить с этим врачом.

– Заплатил, и мне дали консультацию. Ничего сложного.

– И что это за консультация?

– У девочки есть отклонения, которые зародились в раннем возрасте. Она замкнута, молчалива, у нее нет желания с кем-либо общаться. Педиатр, который вызвал психолога, подозревал, что с девочкой жестоко обращаются. На ее теле

были синяки, которые появляются при избиении.

– Кошмар. Неужели Наташка смогла ударить ребенка?

– Скорее всего, это делала мать. Тогда она еще была жива. После ее смерти стало хуже, странности Кристины начали замечать соседи. На очередном осмотре педиатр буквально заставил Наташку обратиться к психологу. Пришлось девочку везти сюда, в Нижний Новгород на прием. Их приняли без всяких проблем, без очереди и без записи. Это важный момент. Психолог настаивал на дополнительных сеансах, но ее родственники отказались. Они не видели в этом проблему.

– Не видели проблему в том, что мать бьет своего ребенка? А Витя?

– Про него ничего неизвестно.

– Господи, я была уверена, что они хорошие люди, а сейчас... они будто монстры. Им все равно, даже если бы она убила Кристину. Они бы закопали ее где-нибудь в огороде и молчали! Никто бы ничего не узнал. В розыск бы объявили. Они ни в чем не видят проблему. Будто спрятались, как страусы в песок. Ну, била она детей, подумаешь, ведь это же ее дети. А они их не хотели.

– К сожалению, ты права. И своего третьего ребенка, как ты помнишь, она именно собиралась закопать в огороде после его рождения.

– Помню. Это ужасно. До сих пор ужасно.

– Тот случай, когда я не сожалею о ее смерти.

– Но неужели Наташка так жестока? Ведь она воспитыва-

ла этих детей!

– Твоя подруга заявила психологу, что не собирается портить ребенка, а в отклонениях не видит ничего необычного. По ее мнению, лечение нанесет непоправимый вред здоровью и репутации. Она даже бумагу подписала.

– Наташа? Она так говорила?

– Да.

– Возможно, поэтому она сейчас не может обратиться к этому специалисту. Ей стыдно. Но ведь Кристине, возможно, действительно требуется помощь психолога, раз об этом начали говорить. Не исключено, что девочка в ужасном состоянии.

– Согласен.

– Их бездействие преступно. Да ведь есть и другие психологи, она могла выбрать любого. Если вдруг не захотела общаться с тем.

– Так и есть. Но я хотел сказать тебе кое-что, связанное с этими обстоятельствами.

– Не понимаю. Что сказать? – насторожилась она.

– Только послушай спокойно, ладно?

Она глубоко вдохнула уже от одного предложения, что он произнес. По спине побежали мурашки, руки похолодели, и она крепко сцепила их за спиной. Кивнула. Влад нахмурился, помолчал несколько мгновений, собираясь с мыслями.

– Учитывая все эти обстоятельства, я думаю, что девчонка могла вытолкнуть нашего сына из окна. А Наташка с ма-

терью молчат об этом, потому что они полностью в ответе за действия девочки. Тем более существует письменный отказ от лечения.

Людмила чувствовала, что он скажет. Она уже внутренне собралась, принимая удар в глубину своего разбитого сердца. Дыхание сбилось. Женщина перестала контролировать вдохи, выдохи, слезы, истерику. И все же постаралась ответить. Но голос звучал глухо от приближающихся рыданий.

– Но разоблачения не было. Случай признали несчастным...

– К сожалению.

– Я не могу себе представить, что Кристина сделала это. Такая маленькая, хрупкая девочка, с тонкими косичками. Ее обнимаешь и боишься что-то сломать, до такой степени она тоненькая. Прозрачная, как облачко.

– Вспомни, как она портила игрушки нашего сына, рвала его рисунки, ломала карандаши, плевала на обои в его комнате, пачкала его одежду. А однажды на прогулке толкнула его в лужу, и Арсений чуть не захлебнулся. Ты сама мне об этом рассказывала!

– Ты тогда разозлился.

– Еще бы!

– Но я не думала, что она хочет причинить нашему мальчику вред. Это ревность, ведь у нее не было подобного: игрушек, книжек, своей комнаты. Она не знала, что такое материнские объятия. Впервые, когда я обняла ее, она была

страшно скована, а потом при любой возможности жалась ко мне как котенок.

– Я имею подозрение, что Наташка с матерью рассказала детям о том, кем в действительности являлся для них Арсений. Никакой не сын тети Люды и дяди Владика, а родной брат.

– Нет, мы сразу договорились, что тайна усыновления не пострадает.

– И все же я уверен, что дети обо всем знали.

– Но это жестоко!

– Зато объясняет поведение девчонки и ее странную ревность. Она не могла понять, отчего родной брат живет лучше и купается в нашей любви. Ведь этих детей никто не любил и не любит! Они камнем висят на шее Наташки. Она бы в любой момент сбежала от них.

С этим нельзя было спорить. Людмила шмыгнула носом, утирая горькие обжигающие слезы.

– Значит, они все в сговоре. Кристина столкнула Арсения из ревности. Привела на кухню и столкнула. А они теперь станут молчать и делать вид, что ничего не знают. Они так и делают. Девочку специально поместили в психиатрическое отделение, чтобы ее залечили психотропными препаратами. Надеялись, что она потеряет память или вообще станет невменяемой.

– Конечно. Детский психолог им неудобен, потому что девочка расскажет ему о том, что случилось. И придется нести

ответственность еще и за то, что молчали, прикрывая преступление, а не несчастный случай.

– Влад, но это только наши подозрения.

– Да, но я считаю, что эти подозрения заслуживают серьезной проверки.

– Что же делать?

Влад не ответил. Его зрачки потемнели, губы искривились. Он не знал, правы ли их домыслы, а от этого не знал, что делать. А Людмила впала в остолбенение. Его слова проникли в самую глубь сознания и причинили немислимую боль, от которой хотелось закрыться.

– Люда, я намерен подать заявление в полицию. Хочу, чтобы они провели проверку.

Она опустила голову, покачала головой. Влад ожидал другой реакции, поэтому был разочарован.

– Тебе все равно?

– Это я во всем виновата.

– Сейчас надо думать о том, как отомстить им! Заставить отвечать. Хотя бы напугать их!

– Я не хочу.

– Почему?

Она пожала плечами.

– Но я думал, что это заявление подадим мы вместе!

Людмила не отвечала. Ей надо было обо всем подумать. Влад обвинял Сулаковых в смерти сына, но ведь именно Людмила привела их в семью! Так кто виноват больше?

Незапятнанный образ примерной матери рушился. Получается, что она своими собственными руками убила Арсения. Она отдала его убийцам! Она им доверяла. И это было самое страшное. До какой степени она была слепа и глупа от счастья.

– Люда!

– Я не стану ничего подавать, – тихо ответила она.

– Почему? – его глаза вспыхнули недобрым огнем. Он поднялся и медленно прошелся по комнате.

– Не стану.

– Не понимаю.

Она не могла объяснить ему, что у нее нет сил погружаться в это дело, вспоминать, рассказывать и снова вспоминать. Ей придется вынуть свою душу перед чужими людьми, которые станут холодно рассматривать ее, осуждать и строить предположения. А затем последуют ледяные вопросы лично ей, Людмиле Харитоновой, какого черта она, усыновив ребенка, пригласила в гости его родню, которая документально подтвердила, что не хочет иметь с мальчиком ничего общего. Неужели Людмила Харитонова настолько глупа, что не понимала, эти люди корыстны, жестоки и неуправляемы? Тайна усыновления была бы нарушена рано или поздно, потому что в этой сложной ситуации нельзя быть уверенным. И именно Людмила Харитонова запустила этот неуправляемый механизм по уничтожению собственного сына!

– Я не могу, Влад!

– Но почему, Людка? Мы обязаны это сделать, довести до конца! И если есть виновные, то пусть они понесут наказание! Пусть все они понесут наказание!

– Я не могу...

– А может, ты тоже замешана?

Он усмехнулся горько, зло и совсем не кстати, заставив Людмилу дико сопротивляться. Слова оправдания собственных действий застыли в горле. Она подскочила к нему и влепила звонкую пощечину наотмашь, затем вторую, третью, не давая ему опомниться. Четвертая повисла в воздухе, Влад перехватил ее руку и сильно сжал, готовый сломать пополам. Удивление сменилось гневом, желанием ответить на несправедливое оскорбление. А Людмила не чувствовала боли, руку не вырывала. Перед глазами встала беременная Алла, и захотелось топтать мужа ногами, грызть зубами, чтобы навсегда стереть эту усмешку с его лица. Ему-то что! У него началась новая жизнь, разве он поймет ее мучения и сомнения?

– Ненавижу тебя!

– Больная!

Он швырнул ее на пол. Она упала к его ногам, тяжело дыша.

– Все равно ненавижу!

– Зачем я только пришел сюда! Оправдываешь свою подружку, дрянь! Неисправимая дура! Тебе все мало горя? Не переживай, они тебе принесут столько, что не унесешь! Чтоб

ты провалилась к черту!

В его голосе послышались визгливые нотки. Людмила не отвечала, не могла выдавить из себя ни слова. Горло перехватило в диком спазме. Когда он ушел, и за ним хлопнула входная дверь, то показалось, будто разговор ей приснился. Людмила поднялась, потирая руки, которые сжимал Влад. Наверняка останутся синяки. Она подошла к окну и смотрела, как он выходит из подъезда и садится в машину. Она заплакала, опустившись в кресло и сжавшись в комочек. Влад прав! Она замешана во всем этом! Замешана! Угрызения совести давили, угрожая убить. Зачем она его ударила? Это было слишком жестоко.

Людмила поднялась, когда слезы закончились. Утерлась тыльной стороной ладони и пошла на кухню. Достала из холодильника водку. Дрожащими руками налила немного в стеклянную рюмку. А потом случайно увидела зарядник на подоконнике, отложила рюмку, поднялась с места, взяла зарядник и подключила к нему свой потухший телефон. Экран моментально загорелся, приветствуя хозяйку. Два пропущенных от Влада. Одно смс от оператора сотовой связи. И все. Больше никто не пытался связаться с ней. Людмила тяжело вздохнула, потерла покрасневшие от слез глаза и набрала номер Наташи Сулаковой.

8

Очередное утро началось с тупой боли в голове. Сказывались вчерашний разговор с мужем и выпивка. Неизвестно, что больше. Людмила постаралась заставить себя подняться с постели и умыться. Вчерашний день, когда она решительно взялась приводить себя в порядок, казался настолько далеким, будто случилось во сне или в прошлой жизни. Людмила понимала, что второй рывок ей не совершить. Подумала о кофе, но за ним нужно идти в магазин. От этой мысли мурашки забегали по коже. Боже упаси! Она никуда не пойдет. Людмила не могла находиться среди людей. Снова причесываться, одеваться, переставлять ноги, здороваться с соседями. Лучше выпить рюмочку и послушать какую-нибудь музыку или посмотреть телевизор. Но от телевизора слишком много шума, лучше полежать так, в абсолютной тишине.

Людмила все же пыталась протестовать, подняться и что-то сделать. Сегодня вечером придет Наташа. К ее приходу надо подготовиться, хотя та и так знает, до чего Людмила докатилась. И все же! Сомнения существовали и бились о черепную коробку. Обвинения Влада – всего лишь предположение! Нет никаких доказательств причастности Наташи. Она всегда любила Людмилу и Арсения.

Женщина закрыла глаза. Привычное состояние столбняка начало брать верх. Она ощущала полную беспомощность, не

могла сопротивляться. Ей снова стало казаться, что за окном осень.

Последнее время Людмила только и жила теми воспоминаниями, где был маленький Арсений, его смех, любознательные наивные вопросы. Она помнила, как он обнимал ее, смешно подставляя щечку для поцелуя. Помнила, как рисовал картинки красками, строил из конструктора мосты и дороги, устраивал гонки на кухне, потому что там пол был гладкий, а в комнате строил город из кубиков и говорил, что пушистый ковер напоминает ему снег. Влад учил его отжиматься и обливаться холодной водой. Людмила смеялась и снимала на видео. Где сейчас эти ролики? Они давно ей не попадались на глаза. Исчезли, как исчез Арсений.

Людмила хрипло дышала, потому что слезы душили ее. Обрывки воспоминаний витали в воздухе. Они больно ранили, норовили убить. Угрызения совести, как грозовая туча, приблизились быстро и непонятно откуда. Людмила уже рыдала в голос и корила себя за тот день, когда оставила мальчика, и он погиб. Начинала переживать этот день заново, с самого утра. Грезилась о том, что хватается Арсения за руки и прижимает к себе. Вот теперь ничего не случится! Никто не посмеет причинить ее мальчику вред. Рыдания изводили ее, она теряла силы и лежала несколько часов как мертвая, но потом встала и начала судорожно одеваться. Вышла из дома сторбившись как старуха и пошла на остановку, села в автобус, который привез ее на кладбище. Медленно шла меж-

ду памятников, пока не оказалась перед могилой Арсения. Здесь опустилась на скамейку и просидела недвижимо еще несколько часов, не шевелясь, прислушиваясь к мыслям в голове. С наступлением темноты вернулась домой, забыв о том, что должна прийти Наташа. Прошла на кухню, дрожа всем телом от нервного истощения и холода. Она вздрогнула, когда услышала звонок в дверь. Засомневавшись, все же пошла открывать. Через мгновение увидела перед собой Наташу, строгую, недовольную, принесшую с собой запах осенней листвы и разложения. Разум Людмилы продолжал отрицать лето. Она застряла в осенней печали, в том времени, когда погиб Арсений. Увидев подругу, успокоилась, как-то собралась и смогла выдавить из себя улыбку, не такую искреннюю, как раньше, но хоть что-то. Красная юбка, зеленый свитер – яркое нагромождение цветов слепили женщину, будоража нервы. Красота Наташи неоспорима.

– Проходи, сейчас чайник поставлю.

В лице Сулаковой мелькнуло напряжение, она сморщила нос и не спеша прошла в комнату. Аккуратно расправив складки на юбке, присела в кресло.

– Я вообще-то уже третий раз прихожу. Где ты была?

– Ааа, на кладбище ходила.

– На кладбище?

Наташа быстро поднялась и прошла на кухню, где Людмила пыталась достать из шкафа чайные чашки.

– Почему меня не предупредила? Я бы съездила вместе с

тобой!

– Не знаю. Как-то спонтанно получилось.

Они помолчали, рассаживаясь за столом друг напротив друга. Чай был готов и разлит по чашкам с отбитыми ручками. Но на этот раз Наташа ничего не сказала. Она выглядела усталой и раздраженной. Ее злило то, что нужно было возвращаться, отношения с дядей перешли грань холодной вежливости. Он узнал, что она брала его машину, и страшно разозлился. Высказал племяннице все, не стесняясь в выражениях, не забыв упомянуть тот факт, что ее сестра была грязной проституткой, а мать трусливая жадная пьяница, которая использовала маленьких детей, чтобы получать опекунские деньги. Он заявил, что прекрасно знает о том, что сотворили с Кристиной, и пусть все они горят в аду. После этого скандала Наташа не могла больше оставаться в доме дяди. Она слабо надеялась, что Людмила пригласит ее, поэтому, скорее всего, придется садиться на последний автобус, который отходит через два часа.

– Я сама собиралась зайти к тебе, Люд, извиниться за тот случай.

– Какой случай?

– Ну, за ту поездку! Не знала, что так получится. Думала, что будет правильно познакомить вас.

– Ты про Аллу? – тяжело вздохнула Людмила.

– Да! Я не знала, что так получится! Не могла подумать, что ты расстроишься!

Людмила больше ничему не удивлялась. Ей не хотелось ничего говорить, задавать вопросы, ругаться, утверждать, что Наташа лжет. И ведь на этот раз она действительно лгала, потому что ложь была слишком очевидной. Ложь предполагала дурные намерения. Людмила задумалась, а действительно, для чего нужно было Наташе везти ее в общежитие? Для того чтобы та увидела беременность соперницы? Перед ней открылся полумрак сознания, где скрывалась истинная правда. Хотела ли Наташа, чтобы Людмила помирилась с мужем, как утверждала? Или это была часть плана, до сих пор не совсем понятного, но определенно ведущего к разрыву? Людмила не может иметь детей, а Алла может, поэтому Влад выбрал ее. Это понимание должно было сломить Людмилу окончательно. И ведь сломило, но еще оставались силы, потому что основной удар она получила не от этой шокирующей новости, которая уже ничего не меняла. А от смерти сына. Наташа не понимала этого. Она не любила детей, и не знала, как можно страдать от того, что умер сын.

– Что-то я себя плохо чувствую, – пробормотала Людмила, поеживаясь, отводя от Наташи глаза.

– Я могу налить тебе пива или вина, что у тебя есть?

– Нет-нет... – испуганно запротестовала она. – Просто недомогание, наверно, давление упало.

– У меня в сумочке есть аспирин.

Людмила отрицательно покачала головой и снова улыбнулась. Она вдруг действительно ощутила сильное недомога-

ние и слабость. Сомневаясь, что в этом ей поможет аспирин, сделала несколько больших глотков сладкого чая.

– А, может, вызовем скорую и попросим, чтобы тебе померили давление?

– Да нет, сейчас пройдет.

– А у меня тоже голова болит! – вдруг пожаловалась Наташа. – Звонила женщина из опеки, требует показать Кристину с Витей детскому психологу. Такая противная! Денег что ли ей дать, чтобы отвязалась? Ну, где я возьму им детского психолога? Что это вообще за профессия такая? Кто ее придумал? Так что мне надо возвращаться. Мама с ума сходит. Она одна не справится.

Ложь звучала отвратительно, потому что правда была известна. И с чего Людмила решила, что эта женщина ей близкая подруга, что она все понимает и способна помочь? Несомненно, сильное разочарование вызывало разоблачение скрытых подлых поступков, в которые были вовлечены маленькие дети.

– И Витю тоже?

– Да-да, – раздраженно ответила та. – Просто с ума можно сойти!

– А что в этом плохого?

– А что хорошего? Еще только психологов недоставало! Мама – опекун детей, она не дает согласия на это обследование. И не даст! Я с ней полностью согласна.

– Но ты говорила, что Кристину хотят удочерить, – осто-

рожно заметила Людмила. – Одно это обстоятельство предполагает консультацию психолога. Девочка может не справиться.

– Она уже три месяца на лечении. Может, хватит ее мучить?

Людмила была ошарашена и растерялась, не зная, что отвечать. Разве отказ от ребенка не мучения для него? А ведь именно это она собиралась сделать с Кристиной.

– Кажется, ты сама что-то говорила про психолога.

– На этом настаивает опека. Не мы.

– А что в этом такого страшного? Не могу понять.

– Серьезно? – возмутилась Наташа. – Не можешь понять? Детей запугают и заставят признаться черт знает в чем! На то они и психологи, чтобы запугивать.

– Ты не преувеличиваешь?

– Может, и преувеличиваю, но никак не могу отделаться от мысли, что из этого не выйдет ничего хорошего, – попыталась улыбнуться Наташа.

Людмила была слишком шокирована этим разговором. Но очень хотелось вывалить на голову подруги правду. Психолог был раньше, еще при живой Ольге! Потому что она была своей дочь, и педиатр заметил следы побоев. Как же вы с мамой не заметили этого, если посторонний человек заметил?

– Еще чашку?

– Нет, спасибо! – угрюмо ответила Наташа. Она была по-

гружена в свои мысли, поэтому не обращала внимания на задумчивость Людмилы. – Женщина из опеки утверждает, что у детей, возможно, сильное потрясение от потери – сначала матери, а потом брата. Я устала объяснять, что ни Кристина, ни Витя не считали Арсения братом. Он был для них просто друг, не более.

– Ты не говорила детям о том, что Арсений был их братом? – переспросила Людмила, пытаясь выглядеть как можно спокойней.

– Нет, конечно!

– А Татьяна Анатольевна?

– Мама?

Их глаза встретились, и Людмила поняла, что задала верный вопрос. Он попал в цель. Наташа сглотнула, на лице вспыхнули красные пятна. Людмила отвернулась, пытаясь подавить удушающее разочарование. Сгорбилась и попыталась успокоить бешенное сердцебиение, которое отзывалось болью в груди.

– Значит, она сказала им.

– Мама? Нет, конечно! Люда, неужели ты не знаешь маму? Она очень добрая, тихая, кроткая! Да, одно время она выпивала, но с этим покончено! У нее педагогическое образование, она работала учительницей в нашей деревенской школе! Разве могла бы она рассказать детям? Ты что! Конечно, нет!

– Да-да. Но даже если дети считали Арсения другом, не более, как ты сказала, все же произошло на их глазах.

– Ну, конечно, они получили потрясение, соглашусь. Но при чем тут психолог? Он не нужен, уверяю тебя. Он бесполезен и ничего не изменит. Кристина уже получила нужное лечение.

– А Витя?

– А Витя-то тут при чем? Он ничего не видел.

– А кто видел?

– Да никто ничего толком не видел, Люда! Прошу тебя, поверь! Мы все в шоке! Мама плачет каждый день, спать не может. Мы сами хотели бы знать, что же произошло, и отчего Арсению захотелось забраться на подоконник. Он был слишком активным и избалованным. Прости ради бога, прости, Люда! Но поверь, мы с мамой не заслужили того, что сейчас происходит! Не заслужили!

– Избалованным.

– Я неправильно выразилась, прости. Просто голова разрывается от этих проблем.

Людмила кивнула, не веря ни одному слову. Истинная картина потихоньку открывалась ей. Она начинала понимать, что же произошло в тот роковой день, и отчего погиб ее сын.

– Не понимаю, отчего именно сейчас? Ну что они к нам пристали! Дети прекрасно жили до того, как Кристину пришлось поместить в больницу. И разве у нас был выбор? Девочка нуждалась в лечении, вот ее и положили на лечение. А теперь оказывается, что мама как опекун неправа. Но разве

она доктор? Специалист? Нам что сказали, то мы и сделали!

– С этим да...

– Вот я и говорю, зачем нам психолог? Кристина пошла в первый класс и много пропустила из-за болезни, с этим я согласна. Но все поправимо! Она выздоровела, вернется домой. Я обязательно найму для нее хороших репетиторов, да и мама позанимается с ней! У нас дома чисто, никаких долгов и кредитов. У детей есть еда и одежда! Ну, что не так? Что они к нам пристали?

– А Татьяна Анатольевна согласится позаниматься с Кристиной? Ведь она педагог...

– Если я ее попрошу, согласится! Да куда теперь денешься, придется выпутываться!

Людмила находилась как в бреду, скорее угадывала по губам, чем слышала то, что говорила Наташа. В ушах звенело, тело охватили привычные страх и паника. Она удерживала себя, чтобы не сорваться с места и не побежать.

– Я уже придумала, что сделаю! Обращусь в суд, что детей отрывают от учебы, секций и репетиторов, а потом жалуются на плохую успеваемость. Мама говорит, что лучше денег дать, чтобы отстали. Но я боюсь, как бы хуже не стало. Эта женщина из опеки какая-то идейная что ли. На все у нее имеется ответ. Говорит, что переживает за детей. Будто мы с мамой за них не переживаем! Все-таки это наши дети!

– Оставь все «как есть», — тихо заметила Людмила, пытаюсь успокоиться, борясь с собой из последних сил. – Пусть

детей проконсультирует психолог.

– Ты с ума сошла?

– Я считаю, что детям нужны эти консультации.

– Ты хоть представляешь себе, что это будет за процедура? Детей будут наводить на определенные вопросы, требовать определенных ответов. А результат предоставят органам опеки, которые будут манипулировать этим заключением по своему усмотрению. Я же знаю! Психолог, если он профессионал своего дела, вытащит на свет любую информацию, даже самую секретную и ничтожную.

– Ну и что? Это же дети! Какая у них секретная информация?

Наташа замешкалась с ответом, и Людмила решилась взглянуть на нее.

– Конечно, у детей нет никакой секретной информации, просто, к слову, пришлось! Люд, ты пойми, я хочу, чтобы нас оставили в покое. Чем мы хуже других семей? Детям и так пришлось несладко после смерти Оли! Я пытаюсь уберечь их.

– Понятно.

Она поднялась, отошла к окну и распахнула форточку. В помещение ворвались свежий летний воздух и шум проезжавших машин. Людмила с завистью смотрела на прохожих в ярких одеждах, смеющихся, куда-то спешащих. Ей хотелось уничтожить женщину, которая еще что-то говорила, находясь позади нее. Она до такой степени растворилась в сво-

ей лжи, что ставилось под сомнение ее существование. Уж не призрак ли это, не фантазия измученного мозга?

– А кто хочет удочерить Кристину?

– Один учитель. Он одинокий, живет с мамой.

– Отчего вдруг он захотел удочерить именно Кристину?

– Откуда мне знать! Все сложно, Людка! Все так запуталось.

– Да.

– Я уже сама не знаю, что лучше. Раньше считала, что нельзя отдавать Кристину. Но теперь сомневаюсь. Мы не справимся с ней и со всеми проблемами, которые из-за нее происходят. Если мы ее не отдадим, то опека нам шагу не даст ступить. Станут контролировать каждый рубль.

– Наташ, неужели тебе самой не хотелось разобраться, отчего все так произошло? И развязать запутанный клубок.

От твердого вопроса за спиной наступила тишина. Людмила обернулась и столкнулась с забитым, испуганным, неуверенным в себе существом, наряженным в яркие тряпки. Красота Наташи спала, оголив трусливую сущность.

– О чем ты опять?

– Если бы ты попыталась понять и разобраться, то перед тобой встала бы ясность насчет Кристины. Она ли виновна, или действительно произошел несчастный случай. А теперь ты боишься психолога, вдруг он докопается до правды, которая может оказаться неприглядной и ненужной. Потому что в любом случае вина ляжет на вас, взрослых, так называемых

опекунов.

– Так называемых?

– Да, так называемых. С Кристиной произошла беда. Ее избивала собственная мать, а вы молчали. Потом рассказали, что у нее есть родной братик, который живет в чужой семье, только об этом говорить не стоит, это секрет. Так? Вы говорили ей, что братика никто не хотел, и если бы не люди, то он был бы мертв и закопан?

– Откуда ты это знаешь? Это ложь!

– Кристина могла столкнуть моего сына. Возможно, ненамеренно. А вы все видели и промолчали. Вы надеялись, что все успокоится, продолжали закрывать глаза на то, что девочка сходит с ума от неразрешенных проблем. Но не вышло. Кристину пришлось положить в больницу. Понимаю, что сейчас психолог неимоверно пугает вас, ведь он выяснит у нее правду. А правда вам не нужна. И удочерение Кристины – это еще один шаг, чтобы уйти от ответственности. Вам не хочется признавать, что вы сломали ребенка своим равнодушием. Пусть за это отвечает кто-то другой, не вы. Одинокий учитель! Вы даже на это согласны.

Наташа вскочила с места, потная и красная. Откинула с лица волосы и выкрикнула, брызгая слюной:

– А сама-то ты! Сама-то! Где ты шлялась, пока мы приглядывали за твоим ребенком? Мы-то не обещали следить за ним, это твоя обязанность! Только твоя! Ты хочешь его смерть повесить на нас? Ничего у тебя не выйдет! Ничего!

Мы не подписывали бумагу, что обязались приглядывать за ним! Не подписывали! Или у тебя есть такая бумага? А? Есть? Вот то-то! А у меня своих проблем по горло, чтобы еще думать про твои! Что ты понимаешь! А то, что Арсений погиб, – только твоя вина! Не надо было бросать его, это тебе любая опека подтвердит! Твоя вина! Больше ничья!

Людмила стояла бледная, с опущенными руками. Слезы высохли, губы плотно сжались. Наташа, испуганная собственными словами, не понимая, что с этим делать, но осознавая, что отношения испорчены навсегда, пятилась к двери. Вот она скрылась в прихожей и зашуршала обувью. Затем хлопнула входная дверь.

Людмила осталась одна. Наташа не отрицала того, что Кристина могла совершить с Арсением. Не отрицала, а значит, было именно так. Девчонка столкнула мальчика с подоконника. Этот поступок окончательно разрушил ее психику, поэтому она оказалась в больнице и провела там три месяца. Людмила сцепила дрожащие похолодевшие пальцы. Она медленно повернулась к окну, из которого восемь месяцев назад выпал ее четырехлетний сын.

9

Влад бежал быстро, оставив машину на парковке за углом дома, в котором прожил много лет в любви и согласии со своей женой. Волосы вспотели и растрепались, шнурок развязался, но мужчина ничего не замечал. Телефон завибрировал в кармане штанов. Это отец. Но Владу нечего ему сказать.

Тело уже увезли. У подъезда столпились испуганные соседи. Одна из них обняла Влада, заплакала. Он выдержал паузу, затем мягко отстранился и прошел внутрь. У квартиры ждал полицейский. Влад достал ключи. Руки дрожали. Телефон завибрировал снова. Ему не с первого раза удалось попасть в замочную скважину. Но оказавшись в прихожей, в глазах помутилось. Знакомый, такой родной запах Людки накрыл его измученное тело с головой. Будто она еще была здесь.

Полицейский быстро осмотрел квартиру, особенно кухню, где было открыто окно. Влад оставался в прихожей, не смея двинуться с места.

– Записки не оставила. Но сомнений нет, что ваша жена покончила с собой. Есть свидетели, которые видели ее.

Голос полицейского вывел Влада из тягостной задумчивости.

– Видели?

– Да, сам момент, когда был совершен суицид. Женщина из пятой квартиры выгуливала собаку и видела, как ваша жена раскрыла окно и села на подоконник. Это показалось странным, и женщина стала наблюдать. Она сказала, что забеспокоилась, потому что знала: у погибшей был сын, который выпал из этого самого окна. Она не знала, что делать, стоит ли позвать на помощь. Пятый этаж все-таки. Говорила, что отвлеклась всего на секунду, чтобы успокоить собаку, тогда все и произошло.

– Понятно, – прошептал Влад, глотая горькие слезы. Он проклинал соседку из пятой квартиры, ведь можно было не отвлекаться на собаку, а попытаться помочь! Людка была бы жива, если бы не чертова собака! Влад сам не мог бы сказать четко, что именно нужно было сделать для спасения жены. Но верил в то, что можно было что-то сделать.

– В квартире никого не было. Я имею в виду, что убийство исключено. Соседи тут же вызвали меня и оставались подле двери вашей квартиры. Я решил, что стоит позвонить вам, чтобы не ломать дверь.

– Да.

– По-вашему, что произошло? Почему она это сделала?

– Не знаю.

– Соседи рассказывают, что ваша жена выпивала.

– Она никак не могла прийти в себя после смерти сына.

– Говорят, что вы развелись?

– Нет, только собирались.

– Какие отношения были между вами?

– Нормальные.

– Вы ненавидели ее?

– Конечно, нет.

– А она вас?

– Нет.

– Вы уверены?

Он не был уверен, но кивнул. Влад не понимал, что говорит. Не понимал, сколько времени прошло. Полицейский медленно записывал его показания на сером листе бумаги шариковой, плохо пишущей ручкой. Потом пришли еще какие-то люди из полиции, они долго осматривали кухню, разговаривали, курили и фотографировали. Кто-то подал ему стакан воды. Влад машинально поблагодарил и достал из кармана телефон, который не переставал вибрировать. Отключил его и засунул обратно.

В голове было мутно и удушающе. Он не мог ни о чем подумать, что-то вспомнить. Ему не верилось, что она это сделала. И мозг пытался как-то уложить эту информацию, смягчить, уменьшить в размере, но ничего не выходило. Трагедия нависала огромной ледяной глыбой.

– Привет!

Он услышал знакомый голос, ощутил резкую волну сладкого парфюма Наташи Сулаковой. Кивнул и отвернулся. Его мысли сбивались и путались, отвлекаясь на голос Наташи, которая говорила с полицейским.

– Это кошмар! Кто бы мог подумать? Я просто в шоке! Меня соседи видели? Да, конечно, я приходила! Но я уже ушла! Я ничего не видела. Подозревала? Нет, конечно, я бы не оставила ее. Как можно! Но знаете, Людочка ведь сильно выпивала из-за смерти сыночка. Понять можно, да. Говорила ли она о самоубийстве? Я не слышала. Но она была очень подавлена. Еще и с мужем пришлось разойтись. У него появилась другая женщина, тоже понять можно. Какой мужчина вытерпит постоянные пьянки?

Влад будто окаменел, слушая жалостливый чужой голос Сулаковой, которая пыталась выдавить из себя слезы. Слезы давились с трудом, и он это чувствовал. И еще осознавал: она надеется, что он ничего не поймет из того, что она сейчас говорит.

– Какой образ жизни вела Людочка? Одинокий. Мы с ней были лучшие подруги. Я все про нее знаю. Нет, мужчин не было у нее. Какие там мужчины! Собутыльники? Нет, не думаю. Я приходила к ней и никого не видела. Она одна потихоньку выпивала. Муж, наверно, приходил, я точно не знаю. У него же теперь другая жизнь и женщина беременная. Да, другая семья. И его можно понять! Такая трагедия! Сначала сынок погиб, а потом жена стала выпивать. Из-за мужа? Людочка, конечно, переживала! Но кто знает? Мы не говорили на эту тему. На какую тему говорили? Да на разные! Она хотела мне с работой помочь, я ведь не в Нижнем Новгороде живу. Приглашала пожить у себя, потому что ей одиноко. Но

я все никак не могла решиться. Зря я так! До сих пор себя ругаю! Надо было остаться с ней! А я ушла! Где я живу? Да, обязательно дам адрес. Я все понимаю.

Наташа наконец заплакала, подвывая как старуха. Влад глубоко вздохнул, пытаясь подавить яростную неприязнь. К нему больше никто не обращался. Он слышал, как полицейские говорили, что дело ясное. Записки не оставила? Такое бывает, когда человек живет один. Просто ему некому оставлять. Они говорили еще о том, что, возможно, несчастный случай, если она была сильно пьяна, но это покажет вскрытие.

Уже наступил вечер, когда Влад остался в квартире один. Он включил телефон и позвонил своему отцу, затем родителям Люды. Он старался говорить спокойно, сглатывая и еле сдерживая слезы. Старенькие родители Людмилы вынесли трагическую новость стойко, сказав, что сегодня же вылетают в Нижний Новгород. Нужно было сообщить Алле, где он, и что с ним, но Влад не мог заставить себя. Не сейчас. Ему не хотелось впутывать эту милую девочку в случившееся несчастье.

Он медленно поднялся, разминая затекшие руки и ноги. Медленно побрел на кухню, чтобы выпить воды. Он не собирался оставаться здесь, но и уйти не мог. С тоской оглядывал знакомые предметы. Дышал шумно и тяжело, чувствуя сильную усталость. Включив на кухне свет, вздрогнул и застыл на пороге.

Наташа сидела у окна и смотрела на улицу. Обернулась, жмурясь от яркой лампочки, и попыталась улыбнуться.

– Не могла оставить тебя здесь одного.

Ничего не ответив, Влад прошел к столу, где стояла бутылка с водой. Стал жадно пить прямо из горлышка. Наташа потянулась как кошка, пригладила растрепавшиеся волосы. Кокетливо улыбнулась.

– Я приготовила ужин. Специально ходила в магазин. Я не смотрела, что там есть в холодильнике. Сама все сделала.

Ее нежный голос заставил его содрогнуться. Будто заботливая жена встречает мужа с работы. Взгляд ласковый, обещающий. Существовала ли необходимость в этой нежности? Влад был слишком разбит, чтобы поддаться. Кажется, она поняла его хмурость, улыбка с лица пропала.

– Ты целый день просидел в прихожей. Влад!

Теперь в ее голосе слышались надрывные нотки. Еще не хватало, чтобы она заломила руки и грохнулась перед ним на колени. Наташа никогда не нравилась ему. Он видел ее насквозь, лживую и трусливую до мозга костей. Она была красивой женщиной, но осторожная злоба делала эту красоту приниженной, будто покрытой толстым слоем коричневой пыли. Влад не понимал, отчего Людмила не видела этого. Ей хотелось сохранить для Арсения сестру и брата. Но к детям прилагались родственники. Бесспорно, этих родственников можно считать никчемными.

Владу не хотелось разговаривать. Да, он совершил ошиб-

ку, решив, что Сулакова сможет помочь его жене бросить пить и вернуться на работу. Он опустил до того, что приехал и попросил ее. Забыл, что нельзя доверять ей, потому что она разрушает все вокруг. И семья разрушилась только потому, что в ней оказались эти посторонние никчемные люди, Наташа и ее мать. И детей воспитают такими же, лживыми и никчемными. Девчонку уже испортили, окончательно сломав веру в лучшее. Влад понимал, что этих детей никто не любит, но ему было наплевать на это. Главное, чтобы в их семью они не лезли, как ядовитые змеи.

Сейчас было поздно. Семья погибла вместе с Арсением и Людмилой. Еще неделю назад ему казалось, что все решено, к Люде он не вернется. Решение твердое, как камень. Теперь это решение кажется бессмысленным. Тогда еще можно было, потому что Люда была жива. Исключительный случай – смерть, когда ситуации становятся непоправимыми. Вот теперь действительно та самая новая жизнь, о которой он думал последний год, в то время, когда появилась Алла. Прекрасная девочка с огромными сказочными глазами принцессы – аниме. После трех встреч Влад понял, что не любит ее. Она не интересна ему, слишком молода или слишком наивна. Ему не интересны ее проблемы, ее радости, ее жизнь. Ему нравилось, что она не настаивала, просто отошла в сторону, обидевшись, как ребенок. Влад бы забыл Аллу, он ее уже начал забывать, вновь погружаясь в свою жену, испытывая привычную ярость и злобу, отчаяние от того, что сын по-

гиб. Чужаки, совершив злое дело, исчезли. Он не сомневался, что они виновны. Наташа и ее родители. Людмила стала незнакомой, погрузившись в непробиваемый кокон, испытывая чувство вины и горе. Влад злился и в ярости соглашался со всеми обвинениями, что она предьявляла себе. Но ему было так же жаль ее до боли, испуганную, маленькую. Ему хотелось добиться перемен к лучшему, он устал, не мог больше так. Но вдруг поступил звонок от какой-то подруги Аллы. Девушка сообщила о том, что та беременна и собирается сделать аборт. Этого Влад не мог допустить. Это был свет в конце туннеля, струя свежего воздуха. Ему нужен был этот ребенок. Он хотел начать все сначала. Но сомнения отступили лишь на какое-то мгновение. Влад ненавидел себя за слабость и метания. Ему хотелось быть со своей женой, но она перестала быть тем человеком, которого он любил. Он много думал о том, а если бы она тяжело заболела, стала некрасивой, парализованной, оказалась бы в коме. Оставил бы он ее тогда? И ответ был готов: никогда не оставил! Но отчего же получился раскол? Он бросил жену, у него появилась девушка, которая готова родить ему ребенка. Он хочет этого ребенка, но больше всего хочет вернуть то счастье, что было у него с Людой. Сейчас ситуация казалась понятной – надо было просто быть рядом. Но тогда он находился в ярости от неопределенности собственных желаний. Дошел до того, что Сулакову попросил о помощи. Глупая попытка, которая обернулась трагедией. Предсказуемо. Неудивитель-

но. О чем он только думал? Как посмел? Надо было идти самому обнимать, просить, признаваться в любви! Но он не мог, потому что Алла ждала ребенка. Он рассчитывал, что Людмила справится без него.

И все-таки он не мог простить жене смерть сына. Главная причина, по которой не захотел вернуться и попытаться собрать разрушенное счастье. Они с Людой могли пережить все что угодно, даже всемирный потоп. И здесь бы пережили. Просто он не мог ей простить.

Влад смотрел куда-то сквозь Наташу красными глазами и мечтал о том, что выбросит ее из этого окна. Он не знал, что его жена совсем недавно думала о том же.

– Влад!

Наташа протянула к нему тонкие руки. Он нахмурился. Еще не хватало, чтобы она бросилась к нему с утешениями. Она почувствовала, отступила. Он немного расслабился. Ему хотелось, чтобы она ушла. Хотелось побыть одному в этом доме, подумать, пострадать, потрогать вещи, к которым прикасалась жена. Наташа была лишней и отчего-то не понимала этого. Он подозревал, что придется сказать ей. Но так не хотелось тратить на это время.

– Влад, нам всем сейчас тяжело. Кто бы мог подумать, что Люда...

– Молчи!

Он остановил поток ее слов, потому что не хотел ничего слышать. Не верил ей. Презирал.

– Хорошо. Прости меня!

Наташа была слишком покладистой, слушалась и преданно заглядывала в глаза, как собака.

– Нужно уходить.

– Ты не поужинаешь?

– Нет.

– Но ты голоден!

– Наташ, надо уходить.

– Хорошо.

Она покорно тряхнула головой и поднялась.

– Я закрую квартиру.

Он дождался, пока она обуется и выйдет в коридор. Заглянул во все комнаты, с тоской закрепил в памяти все, что увидел: смятую кровать, пульт от телевизора, клетчатую рубашку, тапочки, баночку с кремом, расческу...

Когда он вышел на улицу, глубоко вздохнул, надеясь, что боль отступит, пощадит его, оставит в покое. Прошел мимо Наташи, не повернув головы, но она догнала и взяла под руку.

– Я провожу тебя! Куда ты идешь?

Влад остановился. Больше терпеть не мог.

– Послушай, сейчас не до тебя. Мне надо идти.

Стряхнул ее руку, нахмурился и быстро пошел туда, где оставил машину. Переживал, что она побежит за ним, и придется кричать на нее, плюя ей в лицо матерные слова. Но Наташа не пошла, видно, ощутив его злобу. Сев в машину,

Влад почувствовал себя лучше, а когда выехал на широкую трассу, забыл о Сулаковой. Он решил для себя, что этого человека больше не существует. Она для него – посторонняя, пустое место. Он больше не обязан терпеть ее рядом, разговаривать и делать вид, что знает ее. Когда-то он делал это ради Люды.

Часть 3

1

Декабрь подходил к концу. Шел снег, и было радостно, потому что серые унылые улицы становились ослепляющее белыми, праздничными. Наташа уже поставила елку и украсила ее одинаковыми лиловыми шарами. Витя помогал ей и радовался, ожидая прихода Деда Мороза. Сейчас она ходила по магазинам, покупая марокканские мандарины, оливки, красную икру и детское шампанское. Задумчиво изучала длинный список на листе старого блокнота. Только бы ничего не забыть. Следующий год будет счастливым! Обязательно будет счастливым!

Люди сновали туда-сюда, нагруженные покупками и маленькими детьми, которые восторженно тыкали пальчиками в яркие витрины. Наташа зашла в супермаркет, чтобы взять для себя бутылку красного вина и выпить кофе. Пакеты оттягивали руку, но было радостно и празднично на душе. Она купила для Вити конструктор и запаковала его в блестящую упаковочную бумагу, для мамы выбрала флакон духов, а для папы – набор запасных лезвий для бритвы. Ей нравилось запаковывать подарки, представляя себе радостные лица родных. Затем зашла в кафе. Заказав капучино, расположилась за уютным столиком у входа, наблюдая за проходя-

щими мимо людьми. Она старалась отгадать, что они купили, что лежит в их пакетах и сумках. Какие-нибудь сувениры, одежда, игрушки, парфюмерия, косметика, украшения и еда. Приятные удовольствия, которые делают друг другу в праздники. Новый год – конечно, особенный праздник. В это время все кажется сказочным, приходит вера в волшебство и Деда Мороза. Начинаешь задумываться о том, что еще немного, и наступит новый год, оставляя все тревоги, беды и невзгоды в старом. Ложная уверенность в том, что вот теперь-то все будет как надо!

Владимир Бондарев заметил ее первым, он остановился, раздумывая, стоит ли поздороваться. Не лучше ли просто пройти мимо? Если бы она холодно отвернулась, сделала вид, что не знает его, он бы так и сделал. Но Наташа была счастлива и улыбнулась ему, помахав, указывая на свободное место рядом. Владимир кивнул и подошел к ней.

– С наступающим, Володя!

– И тебя тоже.

– Хочешь кофе? Здесь прекрасный капучино!

– Нет, я выпью чашку зеленого чая.

Он быстро сделал заказ, устраиваясь на стуле. Ему было нелегко с больной ногой, Наташа смущенно отвернулась, делая вид, что рассматривает новогоднюю витрину. Откуда-то возникло чувство стыда за его инвалидность. Она такая красивая сидит рядом с этим страшным человеком. Испугалась, вспоминая сестру и ее отношение к Бондареву. Ей не хоте-

лось повторяться. Но гаденькое чувство не исчезало, маячило где-то рядом, как серое дождливое облако.

– Как дела?

– Все хорошо, Наташа.

– Готовишься к празднику?

– Да. Мама с Кристиной ушла в кино, мы договорились встретиться здесь.

– А!

Ее улыбка застыла, зрачки беспокойно расширились. Наташе не хотелось говорить о племяннице, которая теперь много времени проводила у Бондаревых. Они готовили документы на удочерение. Татьяна Анатольевна активно участвовала в этом предприятии, доказывая службе опеке, что девочке со сложным характером нужен отец. Она хотела помочь, и в январе все должно было решиться. Но Наташа испытывала стыд за содеянное. Мама переехала из деревни к ней в квартиру, потому что там было сложно оставаться. Жители объявили бойкот. Все жалели Кристину, резко осуждая Татьяну Анатольевну. Но той было безразлично. Наташа краснела и внутренне содрогалась, понимая, что это малодушно, ошибочно, и они еще пожалеют. Но все же не могла подавить радости, что остался только Витя! Он совсем не помнил своей матери и их сложной с ней жизни, поэтому выглядел прекрасным ребенком. Он не скучал по сестре, будто и не было ее, но радовался новым игрушкам и шоколадным конфетам с грушевым лимонадом.

– Она проведет праздники с вами, – наконец заговорила Наташа. Красивые губы изогнулись в улыбке, но глаза оставались настороженными. – Я поэтому не купила ей подарка.

– Ничего страшного. Мы с мамой купили все, что нужно.

– Вы по-доброму относитесь к ней.

– Кристина – хорошая девочка.

Надо было закончить разговор на этом, но Наташе вдруг стало интересно, а как же последствия психиатрической больницы, о которых так все переживали? Неужели все прошло хорошо, и лечение оказало пользу, а не вред? Но тогда мама оказалась права, а люди, которые относятся к ней крайне отрицательно, не правы.

– Володь, расскажи, как она.

– Да все хорошо.

Он пил свой чай и был немногословен. В его глазах сверкал холод. И Наташе стало невыносимо. Она-то в чем виновата?

– Мама говорила, что ты возишь ее на консультации к детскому психологу.

– Вожу.

– В Нижний Новгород?

– Да.

– Это дорого, наверное?

– Не переживай об этом.

– Есть успехи?

– Да, конечно.

Его ответы стали раздражать, Наташа разнервничалась. Ей хотелось подробностей. Откинула за спину волосы, улыбнулась немного напряженно.

– Оля устроила ей сложную жизнь! Я однажды стала свидетелем, как она избила Кристину. Да она часто ее била. Именно Кристину. У Оли не хватало выдержки, нервов, чтобы сидеть с маленькими детьми. Как это все было ужасно! Ад крошечный! Вспоминать тяжело.

– Это в прошлом.

– Но разве не из-за этого Кристину очень сложный ребенок? Не из-за того, что родная мать плохо с ней обращалась? Знаешь, Володь, однажды Кристину перестала разговаривать. Первой это заметила учительница в школе. Она забила тревогу. Я-то тогда не слишком беспокоилась, потому что только-только схоронили Арсения. Мы все тогда были в шоке.

– Несомненно, прошлое сказалось на Кристине.

Наташа ждала продолжения, но Владимир молчал. Это вывело ее из себя. Она обиженно закусил губы. Почему он ничего не говорит? Ведь она-то должна знать! Она так много сделала для этих детей!

– Не нужно быть врачом, чтобы понять: Кристину пережила шок от смерти Арсения. После этого случая она перестала говорить. Именно после этого случая! По ночам ей снились кошмары, она не кричала, но билась в кровати, как припадочная, в лихорадке, вся в поту. Иногда приходилось менять

ей простыни. Как-то утром, причесывая ее, я заметила, что у нее завелись вши! Кошмар, что мне пришлось пережить! Я была не готова к такому позору! Вши, представляешь себе?

Он не ответил, хотя Наташа ждала, что он удивится и жадно начнет узнавать подробности. Она недовольно заерзала на стуле. Ей не нравилось, что он равнодушен, ведь Наташа рассказывала о Кристине. Мог бы хотя бы сделать вид, что ему интересно, потому что скоро станет отцом девочки.

– Я слышал, что мама того мальчика умерла? – вдруг спросил он, подняв на Наташу глаза. Она замерла, пытаясь понять, о чем он. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Наташа неожиданно обратила внимание на то, что он мужествен и притягателен. Несмотря на шрамы и подергивания лица. Сильные плечи, руки, рубашка того гляди разорвется на мощной груди, как у богатыря. Его тело бесподобно. Тело настоящего мужчины. Владимир сидел за столом в расстегнутой куртке, в помещении было тепло. Ее сердце забило быстрее, она сглотнула, пытаясь одернуть себя. Ей давно пора найти себе подходящего мужчину, иначе станет считать сексуальным и притягательным первого встречного. Она мысленно стыдила себя. Бондарев прекрасен? Надо спянуть, если считать так.

– Да, – ответила она, еле оторвав от него взгляд. Как ей хотелось любви и хотя бы от калеки Владимира Бондарева! Хотя бы от него! – Это произошло в июне. Уже полгода прошло.

– Что случилось?

– Выбросилась из окна. Но полиция допускает возможность несчастного случая, потому что записки предсмертной не нашли. Люда выпивала крепко. Даже муж ее бросил.

– Вы не говорили об этом Кристине?

Наташа пожала плечами.

– Я не говорила, но, возможно, мама. Хотя я ничего не знаю об этом.

– Кристина знала, что Арсений ее родной брат?

Наташа помолчала. Ей не нравилось, что разговор повернул в это русло. Не хотелось обсуждать Людмилу и Арсения. Они уже умерли. Их нет. Надо просто жить дальше и забыть. Испытывать радость и счастье! Для чего вспоминать и загонять себя в депрессию?

– Да, мы никогда не скрывали.

– Вы считали, что это разумно?

– А почему нет?

– Но ведь семья мальчика усыновила его. Наверно, они не хотели бы, чтобы он когда-нибудь узнал.

– Но он узнал бы! Если бы остался жив, – перебила его Наташа, допивая кофе. Она не собиралась говорить, что обещала Людмиле сохранить тайну усыновления. Еще одна роковая ложь. С одного взгляда понятно, что никто не считает эту тайну серьезной. Она ничего не значила для мамы. Ничего не значила для Наташи. Маленькие дети не понимают, не могут чувствовать и анализировать. Не могут осуждать

и требовать ответа. В этом Наташа уверена. – Ну не мама, так кто-нибудь другой сказал бы! Ведь люди стали злые и завистливые, никогда не знаешь, что может случиться завтра.

– Ты не думала, что если бы Кристина не знала о том, что он ее брат, не случилось бы трагедии?

– Не думала.

– Правда?

– Володь, Кристина трудный ребенок! Это все признали. Только Оля виновата в том, что ее дочка стала такой странной! Кристина с первого дня невзлюбила Арсения. Это я признаю. Это правда. Она ломала его игрушки, рвала рисунки. Не помогало, что Люда дарила ей подарки. Кристина целенаправленно ломала и портила вещи Арсения. Мы ничего не могли поделать. Мама ругала ее, пыталась объяснить, что это твой родной братик, нельзя так поступать с ним. Бесплезно. Становилось еще хуже. Ты просто не понимаешь! Не был в этой ситуации.

– А зачем вы пошли на все это?

– На что?

– Согласились общаться с этой семьей.

– Не знаю, Володь. Неожиданно получилось. Люда написала мне и умоляла на коленях привозить детей время от времени. Она меня почти убедила. Показалось, что действительно нельзя разлучать детей. Они родные. Потом я, конечно, и жалела, и сомневалась, потому что мне стыдно было за Кристину, которая вела себя как дикарка из леса.

Он кивнул, помолчал несколько минут. Наташа уже собиралась попрощаться и уйти, ее захлестнула обида, будто Бондарев ставил ей в укор поведение девчонки. Но Наташа ни в чем не виновата! Она старалась, как могла!

– Знаешь, Кристина на сеансе у психолога рассказала про тот день, когда умер мальчик.

– Правда? – Наташа удивленно подняла на него глаза. – Это был кошмарный день. Арсений влез на подоконник, а Кристина с мамой пыталась втащить его обратно, но не удержала. Неужели она все это помнит? Ее же лечили! Как странно! А я думала, что она совсем все забыла. Величутин, это врач психиатр, у которого она лечилась, говорил, что мозг блокирует неприятные моменты жизни, прячет их далеко, чтобы не найти. Получается, что обманул?

– Не знаю.

– Как же она может помнить после лечения?

– Она помнит.

– Помнит, как открыла окно? Ведь она это сделала?

– Нет, Наташа. Это сделала твоя мама.

– Мама?

Владимир тяжело вздохнул. Его молчание нервировало. Наташа в ожидании смотрела на него. Он неслучайно начал этот разговор. Она понимала. Но нельзя же верить выдумкам Кристины!

– Володя, не молчи!

Он посмотрел на часы и стал неторопливо застегивать

куртку.

– Это сделала твоя мама. Она открыла окно, потому что было жарко, а потом забыла закрыть. Ушла посмотреть телевизор. Кристина следила за Арсением и видела, как он пошел на кухню. Он захотел залезть на подоконник, и она помогла ему. А потом стояла с ним рядом, держала, чтобы не упал. Они смотрели на улицу. Арсений ждал маму.

Наташа замерла, кровь бросилась ей в лицо. Почему она никогда не спрашивала у Кристины, как было дело? Ведь она могла бы ей тоже рассказать все это! А Владимир поднялся, холодно разглядывая ладони Наташи, которые лежали на столике перед пустой чашкой.

– Татьяна Анатольевна пришла, чтобы посмотреть, как они. Кристина держала мальчика за ручку. Говорит, что до сих пор помнит тепло его руки. А потом она толкнула ребенка в спину.

– Господи, не зря ее лечили у психиатра! Да это же просто шизофрения!

– Не Кристина, твоя мать.

В глазах потемнело, Наташа задохнулась. Она стала оглядываться, не слышит ли их кто-нибудь.

– Мама?

– Да, она толкнула Арсения в спину, и он не удержался.

– Это ложь!

– Это правда.

– Да она пыталась помочь! Это я знаю. Вот это прав-

да! Кристина недоглядела, и Арсений упал сам. Сам, понимаешь? Его никто не толкал! – выпалила Наташа, пытаясь унять дрожь в голосе. Ее пугал взгляд Бондарева. Он будто хотел прожечь ее насквозь.

– Кристина винила себя за то, что не смогла удержать ребенка. От толчка их руки разомкнулись. Все произошло в несколько секунд. Чувство вины было так сильно, что начались кошмары по ночам, а потом она перестала разговаривать.

– Что?

Наташа задержала дыхание, вспоминая, как вошла в кухню и увидела их, свесившихся с подоконника. А потом они отпрянули. Мама плакала и побежала звать на помощь. А Кристина осталась. Она закрыла уши руками и забилась под стол. Наташа тогда не поняла, что случилось. Она была занята перепиской с виртуальным любовником. Ужас произошедшего не сразу дошел до нее. Но она помнила, как смотрела на нее Кристина дикими, сумасшедшими глазами.

– Это ложь, Володя! Как ты можешь верить глупой девочке? Да она чокнутая! У нее давно крыша поехала от побоев родной матери! Кристинка много плохого пережила. Оля и с мужиками разными спала, пила, курила, ругалась как мужик! Мне-то неприятно было слушать и смотреть, не то, что маленькой девочке! А наша мама – святой человек! Она смогла бросить пить, взяла себя в руки, помогала всем чем могла! Она любит всех! И всегда жалела Арсения, восхища-

лась Людкой и Владом, боготворила их! А ты говоришь, что она могла совершить такое!

– Я верю Кристине.

– Плохо, Володя! Ты же педагог! Нельзя верить фантазиям больного ребенка!

– Работа психолога состоит в том, чтобы помочь избавиться от страхов. Про это нужно говорить. И Кристина говорит. Это не фантазии, Наташа.

– Даже если это не фантазии, то все равно неправда! Что-то было не так, Кристина не разобралась! У нее помутилось в голове. Она ревновала маму к Арсению. Возможно, захотела отомстить. Ты не допускаешь мести, Володя?

– Эх, Наташка!

Она отвернулась, пытаясь унять дрожь в руках. Бондарев шумно вздохнул. Не уходил, будто еще хотел что-то сказать. Она медленно повернула голову, развела руками, осуждая его слова.

– Ты знаешь, что Кристина боится черепак?

– Каких черепак? – не поняла она.

– Был случай, когда Оля и ты поехали в магазин, чтобы купить детям хомячка, но купили черепашку.

– А, да, – вспомнила она, вяло пожав плечами. – Прихоть Оли. Эта черепашка оказалась больной и умерла через несколько дней.

– Да. Кристина первой заметила это. Она не могла оторвать взгляд от мертвого тела, голова и лапки вылезли из

панциря и болтались в воде, как резиновые. Дома никого не было, и она попыталась достать ее из аквариума, чтобы положить в коробку и похоронить. Но для нее это было тяжелым испытанием, пришлось дожидаться кого-нибудь из взрослых.

– Она испугалась?

– Да. Мертвое скользкое тело заставило испытать настоящий кошмар. Но все же она достала его и положила в коробку из-под конфет.

– Никто ее не просил трогать. Согласна, это малоприятно.

– Оля потом сказала Кристине, что черепашка умерла из-за нее, потому что она плохо о ней заботилась. Мертвое тело вытряхнула из коробки в мусорное ведро. Девочка боялась заходить на кухню, ей казалось, что в ведре шевелится труп, пытаюсь выбраться.

– Глупости. Кристина не виновата. Черепаха была изначально больна чем-то, – поморщилась Наташа. – Оля пошутила, а Кристина приняла за чистую монету.

– Почему ты не заступилась за нее?

– Но я впервые слышу это от тебя! – возмущенно воскликнула она. – Я мало вникала в то, что говорила детям Оля. И вообще, при чем тут этот случай с черепахой?

– Кристина испугалась. Это было большое горе для нее, отягощенное чувством вины.

– И что?

Бондарев внимательно смотрел на Наташу. Она усмехну-

лась и пожала плечами.

– Мне еще только не хватало сожалеть о мертвых черепахах, Володя! О чем ты вообще говоришь! Я думала только, чтобы детям было хорошо, чтобы были накормлены и хорошо одеты. Подумаешь, черепаха умерла! Да это и к лучшему. Не до черепах было.

Он еще раз шумно вздохнул. Потом улыбнулся и заговорил о другом.

– Мы с мамой решили переехать после того, как документы будут готовы. Меня зовут на работу в Ярославль. Так будет лучше для всех нас.

Наташа удивленно вскинула тонкие брови.

– Вы переезжаете?

– Да.

– Кристина не будет видеться с братом?

– Это мы обсудим потом.

Наташа была слишком потрясена, чтобы отвечать. Ей хотелось, как тогда Кристине, закрыть уши руками и забраться под стол. Кровь отхлынула от лица, сделав его смертельно бледным. Она знала, что это из-за нее они переезжают! Из-за нее и мамы. Очевидность слов вызывала обиду и желание оправдаться, доказать, что они с мамой ни в чем не виноваты и никому не желают зла.

– Всего хорошего, Наташа! Сеанс фильма закончится с минуты на минуты. Мне надо идти.

Она не ответила и не заметила, как он ушел. Долго сиде-

ла, едва дыша, не понимая, что теперь делать. Расскажет ли Бондарев еще кому-нибудь о том, что сделала мама? А может, уже рассказал? У подошедшей официантки попросила еще одну чашку кофе. Потом достала из сумки телефон и набрала номер Татьяны Анатольевны. Разговор был коротким. Наташа пожалела, что не может видеть маму. И уже начинала злиться на Кристину. Как посмела говорить такое? Да чтоб у нее язык отвалился, скверная, испорченная девчонка.

Мама ничего не сказала в свою защиту. Наташа услышала тихую усмешку и вдруг страшно, истерически испугалась. Холодный пот выступил на спине и на лбу, в ушах зашумело. Почему мама не возмущается, не плачет? Для нее эти ужасные слова не являются неожиданностью?

– Мама, это же ужасно!

– Согласна с тобой, это ужасно.

Наташа потерла виски, чувствуя слабость и звон в ушах.

– Что же теперь делать? Они всем расскажут.

– Не расскажут.

Наташа продолжала тереть виски, содрогаясь от того, что мама абсолютно спокойна.

– Это судьба, дочка! Просто судьба. Оленька не хотела этого ребенка.

Сердце ухнуло где-то в солнечном сплетении и замерло, затем обрушилось вниз. Сухие слова можно расценить как признание или невероятную жестокость. Наташа кивнула, попрощалась. Сказала, что купила продукты и скоро придет.

Нет, ее не надо встречать, сумки не тяжелые. Она улыбнулась. Вопрос исчерпан. История закончена. Сердце застучало ровнее, мысли ринулись в знакомом направлении, прогоняя головную боль и страх. Кристине никто не поверит, если они посмеют написать заявление в полицию. Да никто у них не примет этого заявления! Кристина не удержала Арсения, и он упал с подоконника. Она не смогла бы его удержать! Ей всего восемь лет. Мама здесь совершенно ни при чем. Она подошла слишком поздно и сразу же побежала вниз звать на помощь. А Кристина забралась под стол и перестала разговаривать до тех пор, пока ее не поместили в психиатрическую клинику. Чей портрет в этой сцене выглядит более сомнительным? Смелая, самоотверженная мама или дикая, обезумевшая Кристина? Ответ очевиден.

Они с мамой все сделали правильно. Девочке помогли в больнице. Она сможет начать новую жизнь. Бондаревы увезут ее в другой город. Там она пойдет в школу, заведет новых друзей. Володя – педагог по образованию, он все сделает для того, чтобы Кристина выросла хорошим человеком. Это главное.

Наташа допила вторую чашку кофе, чувствуя, что дрожь отступает. Она глубоко вздохнула, достала из сумочки зеркало и придирчиво осмотрела свой макияж. Хорошо, что ничего серьезно не пострадало. Она красивая женщина! И все в ее жизни складывается удачно! Она не станет больше испытывать муки стыда, находясь в семье Харитоновых и гля-

дя на радостного мальчика, сильно похожего на Олю. Она никогда бы не была счастливой, если бы все это продолжалось дальше. И никто бы из них не смог. Возможно, Витя, потому что слишком мал. Но ни мама, ни отец, ни Кристина, ни она, Наташа. Эти невыносимые страдания, когда каждый миг обязан улыбаться ребенку, которого не должно было быть. Мама права! Оля не хотела, чтобы он родился. Она – его мать, и только она должна распоряжаться жизнью этого малыша. Харитоновы – случайность!

Наташа застегнула пальто, взяла свои пакеты и вышла из кафе. Она не хотела больше делать покупки, решила оставить до завтра. Сейчас надо домой, к маме и Вите.

На улице шумно от людей и машин, снова пошел снег. Наташа завернула за угол супермаркета, собираясь достать из кармана перчатки. На парковке заметила автомобиль Бондарева и замедлила шаг. Они все были там, рядом с машиной, укладывая в багажник свертки с покупками. На Кристине были новый желтый лыжный костюм и белая вязаная шапочка. Она звонко смеялась, и на ее щеках были видны ямочки. Наташа в удивлении замерла, потому что никогда не видела девочку такой счастливой. Да ее было просто не узнать!

Бондарев что-то говорил, а его мама сообщила, что у нее есть еще один сюрприз, только он спрятан дома. Они долго не садились в машину. Наташа могла подойти и поздороваться с племянницей. Но трусливо оглянулась и сделала шаг назад, пытаясь незаметно скрыться за зданием супермаркета.

Оказавшись на безопасном расстоянии, Наташа побежала. Каблуки скользили по снегу, несколько раз она чуть не падала, но не прекращала своего торопливого бегства.

2

В течение последующих недель мысли о том, что мама могла быть причастна к смерти Арсения, не отпускали. Тяжесть в груди давила камнем, не давая дышать. Наташа устроилась работать на почту. И днем страшные мысли не так давили. Но вечерами начинался суший ад. Спасительная история о том, как обезумела Кристина, не помогала. Появилось что-то еще, темное и сомнительное, не дающее покоя. Наташа мучилась, вздыхала, пытаясь отвлечься и разогнать грозовые тучи над своей головой.

Мама была спокойна и мила. Готовила ужин, убиралась в квартире, ходила в детский садик за Витей, затем отводила его в бассейн, читала на ночь сказки. Наташа впервые оказалась свободной от воспитания ребенка и домашних дел. Но напряжение росло с каждым днем. Хотелось поговорить и разобраться. Факты перепутались в голове, и она не могла понять, где правда, а где домыслы.

В тот день, когда прошел суд, и Кристина официально стала Бондаревой, Наташа окончательно уверилась в том, что мама столкнула Арсения с подоконника. Новое чувство не потрясло ее до глубины души. Наоборот, осознав ситуацию до конца, стало легче, будто она смогла решить сложную математическую задачу. Горечь копилась где-то на уровне желудка, и неожиданно появилась еще одна задача, нуждающая-

ся в решении. Что теперь с этим делать?

Из-за этого спонтанного поступка хрупкая психика Кристины не выдержала, этим объяснялись ее странности и нежелание разговаривать. Наташа была уверена, что поступок именно спонтанный. Планирования не было. Она уже представляла картину происшествия. Мама заходит в кухню и видит детей, которые смотрят на улицу из открытого окна. Дети держатся за руки. Что послужило детонатором? То, что дети держались за руки? То, что был один из тех редких моментов, когда Кристина не желала мальчику зла? Или просто обида за сломанную жизнь, за позор, который все они получили, оказавшись в счастливой семье Харитоновых, воспитывающих сына Оли, которого та пыталась убить? Что бы там ни было, но мама толкнула ребенка в спину, и он не удержался. Хотела ли она его смерти, или просто мгновенный жестокий поступок за то, что дети держались за руки?

Наташа помнила, что было потом. Мама плакала и побежала звать на помощь. Она испугалась того, что совершила. Именно страх заставил валить все на Кристину, которая находилась в неменьшем ужасе. Мама поместила ее в психиатрическую больницу, несмотря на отговоры и предупреждения. Конечно, она боялась, что все вскроется, и ее привлекут к ответственности. Сидеть в тюрьме, не входило в мамины планы. И со временем она постепенно успокоилась, убедила себя, что все хорошо. Кристина ответит за случившееся. Она еще слишком молода и ничего не понимает. Какая ей разни-

ца, ведь она быстро все забудет и восстановится!

Наташа сомневалась, ей требовались ответы. Чем больше мучилась, тем больше уверялась в том, что мама виновна в смерти Арсения. Но начать сложный разговор не решалась, страх сковывал горло. Ведь важные слова были уже произнесены мамой в тот предновогодний день. Она сказала, что смерть Арсения – это судьба.

Придя домой после суда, они с мамой пообедали и стали пить кофе.

– Мы ее больше никогда не увидим, – вздохнула Наташа, испытывая грусть.

– Главное, чтобы Кристине было хорошо, – улыбнулась мама, уютно потягиваясь. – С ее болезнью необходима сильная рука отца.

– Ты не жалеешь?

– О чем?

– Что так все вышло.

Татьяна Анатольевна помолчала, обдумывая вопрос. Ее движения были мягки, как у кошки, в глазах лучилась доброта. Она улыбнулась.

– Володя – это лучшее, что могло бы случиться с Кристиной. Представь, если ее отдать на воспитание родному отцу.

– Он в тюрьме.

– А вдруг выйдет?

– Оля развелась с ним, а когда она умерла, он отказался от детей.

– Никто не знает, что будет у него на уме, если он действительно выйдет. Поймет, что дети – это не только заботы и проблемы, а еще деньги. Мне стало легче, потому что я уверена, наша девочка пристроена. За ней будет хороший уход. Возможно, ее даже удастся вылечить.

– Но они с Витей больше не увидятся.

– Кто знает.

– Я знаю, мама. Бондарев никогда не отпустит к нам Кристину.

– Почему ты так говоришь?

Наташа поднялась из-за стола и подошла к двери, собираясь уйти, но остановилась, засомневавшись на мгновение. И тут снова рассказала о том разговоре с Владимиром, который произошел перед Новым годом. Она внимательно смотрела в лицо матери, теперь была такая возможность. Но лицо было непроницаемо, лишь улыбка стала натянутой, как маска. Наташу коробило, что мама продолжала улыбаться, хотя слышала страшные вещи про себя.

– Жаль, что Володя не поговорил со мной об этом.

– Достаточно, что он мне это сказал.

– Нет, важно было поговорить именно со мной. Потому что вместе мы бы придумали, как помочь Кристине.

– О чем ты?

– Лечение плохо помогло. Скорее всего, приступы шизофрении стали острее. Жаль признавать, Кристина – конченный человек. Мне жаль, что и психолога подобрали неком-

патентного. Он не смог вытянуть из нее ничего стоящего. Хотя я уверена, что болезнь Кристины заставляет ее верить в свои фантазии.

Наташа поежилась, не спуская с матери глаз. Под ложечкой засосало. Оправдания были неубедительными. Мама отреагировала слишком спокойно, безучастно. Она до сих пор уверена, что смерть Арсения – это судьба, потому что Оля не хотела этого ребенка. Да она, черт возьми, вообще не хотела детей, но тем не менее родила троих и не остановилась бы на этом! На этот раз все было по-другому, Оля нашла идеальный способ избавления – отказ. Сколько бы было этих отказных детей, если бы она не умерла?

– Мам, ты понимаешь, что Бондарев станет развивать эту тему.

– Какую?

– Что ты столкнула Арсения.

Опасные слова были произнесены. Но Татьяна Анатольевна лишь презрительно усмехнулась. Лишь глаза выдавали яростное напряжение. Но Наташа не хотела отступать. Для нее было важно понять – зачем? Как случилось, что мама проявила такое непозволительное зло, лишая мальчика шанса на счастливую жизнь?

– Это вряд ли. Он пожалеет Кристину.

– А если нет?

– Тогда его можно лишать родительских прав. Где доказательства того, о чем говорит больной ребенок? Я могу за-

явить о том, что именно Кристина столкнула Арсения. Ведь она помогла ему забраться на подоконник.

– Но ты открыла окно!

– Даже если и так. О чем это говорит? Только о том, что было жарко.

Наташе хотелось обладать глубокой эрудицией, чтобы разобраться в том, что говорила мама. Ей хотелось верить, что в душе родного человека скрывается бесконечное море переживаний, тонкие вибрации раскаяния. Но в словах мамы чувствовались ограничение, преграда, через которую трудно было заглянуть, чтобы выявить откровение.

– Мне не надо было соглашаться на знакомство с Харитоновыми.

– Ну почему же, Наташенька? Они очень хорошие люди, были добры к нам и детям. Сколько всего Люда нам купила!

– Зато вон что вышло.

– Чему быть, того не миновать. Не будем думать о мертвых, они сейчас в раю и с небес смотрят на нас.

Наташа поморщилась. Слишком тихие сладкие слова, от которых несло ложью и лицемерием. Но она еще пыталась сопротивляться, надеясь на объяснение.

– Не надо было говорить детям, что Арсений их родной брат. Помнишь, как отреагировала Кристина? Она постоянно спрашивала, почему у него есть мама и папа, а у нее нет, почему у него красивые игрушки, а у нее нет, почему его все целуют и обнимают, а ее нет!

– А как не говорить-то, Наташа? Ведь это правда, и он родной братик Кристины и Вити. Всегда надо говорить только правду!

Наташа снова поморщилась. Единственная правда, и та оказала разрушительный, убийственный эффект.

– А Люда была не права, когда хотела это скрыть! Она вообще сама себе противоречила. Вроде бы хотела сохранить родственные узы детей, но в то же время собиралась хранить тайну. Так не бывает. Или то, или другое. Но раз уж познакомились, то надо говорить правду. Дети все понимают.

– Не знаю, мам, но все-таки мы не имели права принимать это решение. Сложное решение, которое повлияло на нашу судьбу и судьбу детей! Люда просила нас молчать. Для их семьи это было важно.

– Зачем сейчас ворошить прошлое? – в голосе Татьяны Анатольевны зазвенело раздражение. Но она продолжала улыбаться и пить кофе.

– Не могу заставить себя не думать.

– Это пройдет.

Наташа ушла в свою комнату и легла на кровать, предварительно отключив мобильный телефон. Она боялась, что позвонит Бондарев. Вдруг поймала себя на мысли, что страшно боится, до дрожи и холодного пота. Всего боится! Так боится, что не имеет подруг, не общается с мужчинами, лишь в интернете на сайте знакомств, где из себя можно лепить любую личность. Ее устраивает жить в интернете! По-

тому что там никто не знает о ней ровным счетом ничего. Видят красивые фотографии. Этого достаточно.

Наташа застонала и схватилась за голову.

Но ей хотелось жить по-другому! Быть яркой и открытой в реальности! Выражать свое мнение! Ругаться, если потребуется, отстаивать свои права. Хотелось быть немного дерзкой разбойницей, женщиной-вамп, взломщицей, Ларой Крофт, Элизабет из «Пиратов Карибского моря». Но она трусливая тень, желающая для всех быть хорошей. Ничего не получается. Ее никто не ценит, не понимает. Ее поступки презрительны для Влада Харитонов, для Бондарева. Лишь Люда любила ее, но она умерла. И Наташа не жалеет о ее смерти, потому что подозревает, что и Люда презирала ее. Где-то в глубине души.

Но отчего надо кем-то быть? Отчего не уважать саму себя именно за трусливый характер, за неумение ругаться и отстаивать свое мнение? Да, Наташа считала, что Оля имела право не хотеть, но рожать детей. Никому не было дела до того, что она ходила с животом, но вот когда родила в сарае, это стало беспокоить всех. Оля хотела закопать своего сына. Ну и что? Он только родился, у него нет сознания! Почему она, мать, не может решить его судьбу? Ведь она подверглась испытанию. Она в итоге умерла от этих родов. Кто пожалел ее, ведь она была так молода?

Оля никого не интересовала. Общество поставило на ней жирный крест и клеймо убийцы. А ведь у нее была собствен-

ная драма. Искалеченная любовь деформировала тонкую душу. Никто не помог. Никому не было дела.

Удивительная вещь: Наташа получила порцию негатива за то, что ничего не сделала, это началось еще в школе, когда Оля бросила Бондарева. Это был позор, который раздражал окружающих еще больше. Она не могла отбиваться, поэтому ее заклеили вместе с сестрой.

Ей пришлось взять на себя воспитание детей, хотя она никому не обязана. Кто оценил эту жертву? Принимали как должное, неважно, что у Наташи совсем не было и нет личной жизни. Она занималась виртуальным сексом, удовлетворяя себя тонкими пальцами правой руки. А затем рыдала в подушку от унижения и слабости. Жизнь проходила мимо нее, заставляя делать то, что совершенно не хотелось – воспитывать племянников.

Страх возник давно, еще в школе. Он рос и толстел, как червяк, питаясь Наташей, заполняя ее своей гнилой вонью. Что ей делать теперь, когда она уверена в том, что мама совершила убийство? Конечно, она понимала этот поступок. Глубинная суть трагедии семьи. Душа мамы пронизана ей. Ее тоже возмущало отношение общества.

Оля не хотела этого ребенка, она решила его судьбу. Кем бы вырос Арсений Харитонов, если бы Людмила не приняла рокового решения познакомиться с его семьей? Кем угодно. Но судьба изменилась, Люда сама переписала ее. Она вернула мальчика туда, откуда он пришел.

Почему Наташа должна страдать и мучиться, хотя не сделала ровным счетом ничего? В каждой семье свой тип мышления, созданный образом жизни. И в семье Сулаковых своя индивидуальность. Они такие, какими их сделала жизнь. Отец стал невидимкой, тенью. Наташа ничего о нем не знает как о человеке. Детские воспоминания давно стерлись. Кто он? Сильный, уверенный в себе, с чувством юмора или пошлый, злой, с ограниченным словарным запасом? Даже черты лица совсем стерлись из Наташиного сознания, оставляя в памяти слабый силуэт его плотной невысокой фигуры. А милую маму было жаль. У нее тонкое лицо с добрыми глазами, короткие темные волосы зачесаны назад. Она похожа на добрую фею, низенькую и нескладную. Мама неповторима, у нее есть характер, ведь она смогла выбраться из ямы алкоголизма. Не каждый способен на этот подвиг. Она где-то сломалась, не выдержала. Но пытается искупить свою вину, устраивая жизнь Кристины, отдаляя ее от себя. Кто поймет надлом мамы? Никому до этого нет дела. Общество видит лишь круги на воде, отказываясь погружаться в мутную глубину.

Наташа застонала и поднялась с постели. В другой комнате работал телевизор, мама смотрела передачу. Наташа заплела волосы в косу, похлопала себя по щекам. За окном стало темно, пошел снег. А если начать вести дневник, где описывать свои страдания? Говорят, что бумага помогает, забирает себе горести и невзгоды. Наташа вздохнула, отго-

няя эти желания. Вдруг кто-то прочитает! Мама не простит ей, зная, что Наташа сомневается и ищет оправдания случившемуся. Мама уверена, что дочь никому не верит, кроме нее. Несчастный случай, Арсений сам виноват! Если не устраивает эта версия, то можно подумать о Кристине, которая сошла с ума. Доказательства этому есть – справка из психиатрического отделения.

Наташа в ужасе осознавала, что совсем не думала о том, что произошло с Арсением в тот момент, когда это случилось. Она испугалась, что ее могут обвинить в халатности, потому что она не следила за детьми. Спряталась в свою раковину, отрицая происходящее. Из этого мама сделала свои выводы, что младшая дочь на ее стороне. Было ли это правдой? Наташа мучилась сомнениями. Они уже потеряли Кристину. Осталось дело за Витей. Почему-то она не сомневалась, что Бондарев захочет усыновить и его. Пройдет немного времени, и так будет. Они с мамой окончательно утратят доверие окружающих. Их начнут травить и бойкотировать.

И что останется? Продать квартиру и уехать. Разве она не этого хотела?

– Мама, я пойду, прогуляюсь.

– Надень свитер, начинается метель.

Наташа послушно достала из шкафа свитер. Помедлила, борясь с желанием схватить чемодан и покидать в него вещи.

– Чего это ты вдруг решила?

Она не заметила, как мама возникла на пороге комнаты.

Наташа не могла смотреть на ее добрую улыбку. Она нахмурилась, делая вид, что занята джинсами. Улыбка добрая до трогательности, но глаза настороженные, зрачки расширены, как у дикого зверя, которого загнали в угол.

– На улице хорошая погода. Я люблю снег.

– Куда поправишься?

– Похожу немного по парку.

– Хорошо. К твоему приходу я заварю чай с мелиссой.

Наташа быстро прошмыгнула мимо матери, но замешкалась, вспоминая, что мальчика надо забрать из детского сада.

– Мам, ты сходишь за Витей?

– Конечно.

– Знаешь, мне пришла в голову дикая мысль, что Бондарев захочет забрать себе и его.

Не получив ответа, медленно обернулась. Мама не смотрела на нее, она нервно теребила в руках край кофты и улыбалась.

– Мама!

Их взгляды встретились, и Наташа первая отвела глаза. Она все поняла. Дело с Витей решено окончательно. Он тоже уедет. Ей было больно и неуютно в собственном доме. Быстро надела сапоги, застегнула пальто.

– Так я заварю чай к твоему приходу! Ты только позвони, когда соберешься домой.

– Мам, вы обсуждали с Бондаревым Витю? – она еще не до конца поверила. Надеялась, что просто устала и ничего

не понимает.

– Точного решения нет.

– Значит, разговаривали!

– Наташенька, пойми, нельзя же разлучать брата и сестру!

Это не по-божески, не по-христиански!

– Не нужно было отдавать Кристину!

– Но она больна! Мы не справимся с ней! К тому же что плохого в том, что и у Витеньки будет отец?

– А как же мы, мама?

Татьяна Анатольевна закивала головой, отпуская край кофты, шире заулыбалась, показывая зубы и розовые десна.

– А у нас будет все хорошо! Ты выйдешь замуж, и у тебя будут свои дети!

– Я выйду замуж? – Наташа растерянно развела руками. –

За кого я выйду?

– Мало ли хороших мужчин! Вот Владик Харитонов! Чем не жених?

Наташа замерла в ужасе, сдерживаясь, чтобы не заорать и не рухнуть в ярости на колени, чтобы биться головой об пол. Она выдержала паузу, затем медленно повернулась и вышла из квартиры.

3

То, что говорила Татьяна Анатольевна, плохо укладывалось в Наташиной голове. Какой-то ворох слов. Снова Влад Харитонов. Мама не оставляет надежды, несмотря на то что у него родился ребенок. Она будто отрицает это. Стало не по себе. Есть ли угроза ребенку Влада? Случится ли с ним несчастье, если мама будет поблизости? От этой мысли зашумело.

Наташа плотнее закуталась в капюшон пальто. На глаза навернулись слезы. Она думала о том, что происходит с человеком от безнаказанности. Сожалеет ли он о плохом поступке, если судьба дает шанс начать все сначала и раскаяться? Или он думает о том, что можно продолжать совершать плохие поступки, усвершенствуя их, ведь никто никогда ничего не поймет? Мама совершила ошибку, затем еще одну, еще, и ее понесло в океан событий, от которых теперь ничего не зависит. Она отдала Кристину, потому что та знала правду. Подстраховалась, положив девочку на лечение, чтобы в будущем люди сомневались в ее словах, не верили. Теперь настала очередь Вити. Но он-то в чем виноват? Скорее всего, дело в Бондареве. Он так захотел. А мама не может ему отказать, потому что он погубит ее. Окажется, что все напрасно, и Кристина пострадала зря. Поэтому мама не спорит. Она не выглядит расстроенной. Будто ничего не проис-

ходит.

Но почему Володя заинтересовался удочерением Кристины? Он мог взять любого ребенка из дома малютки. У него отличные характеристики и верные друзья. Инвалидность не стала приговором. Он не опустил руки, боролся и многого достиг. Так почему именно Кристина?

По сути своего трусливого эгоистичного характера Наташа не могла понять то, что Бондарев сделал это ради Оли, которую сильно любил. Он не мог слышать того, что говорили вокруг него учителя и знакомые. Осуждение семьи Сулаковых достигло точки кипения, а смерть Ольги только добавила масла в огонь.

Но Наташа хорошо понимала, что усыновление Вити – дело времени. Бондарев слишком умен и благороден, чтобы разлучать детей. Отчего он не сделал это сразу? Возможно, дело в маме. Она не согласилась. Она думала, что имеет влияние, и ее уважают, как раньше, ее мнение имеет какой-то вес. Но уважения давно не было, поэтому она и перебралась в город к младшей дочери, оставила работу. Мама запуталась, так же, как и Наташа.

В парке было тихо и безлюдно. Озеро плотно занесло снегом, небо над ним было темно-фиолетовым. Скамейки покрылись тонким слоем льда, но Наташа все равно присела на краешек одной из них. Она смотрела вдаль, пытаясь унять горькие слезы. Ей было непонятно, отчего резкая боль пронзила сердце. Перед глазами стоял Витя, маленький, безза-

щитный, с широкой улыбкой, оттопыренными ушками. Его темные глазки всегда светились радостью, когда он был рядом с Наташей. А ведь она тяготилась общением с ним. Мечтала о Риге и личной жизни. Она пренебрегала детьми, считала обузой. И вот сейчас все складывается так, как она хотела. Мама взяла на себя всю домашнюю работу, Кристины нет, и скоро не будет Вити. Но отчего так тяжело на сердце?

Влад утверждал, что Наташа не любит детей, они для нее обуза. Так и было. Но сейчас что-то поменялось, сломалось, из какой-то невидимой раны хлынул поток боли. Зачем они отдали Кристину? Какого черта Наташа позволила положить ее на лечение? А ведь сомнения были! Все время, когда она приходила на разговоры к доктору Величутину, чувствовала себя отвратительно. Это происходило от того, что Наташа была не согласна с решением мамы. Но она не хотела принимать собственных решений. Надеялась отстраниться, поэтому разговоры с доктором приносили ощутимый дискомфорт. Но мама категорически отказывалась приезжать в больницу. Она игнорировала звонки учительницы, которая была обеспокоена судьбой Кристины, не реагировала на письма из опеки. Наташа не пыталась выразить свое мнение, она считала, что это не ее дело. Надеялась, что скоро придет облегчение, и ее жизнь переменится.

И вот жизнь переменялась. Кристины нет рядом. Более того, она больше не Куимова, а Бондарева. Получается, родился новый человек. Скоро не будет Вити. Он тоже станет

Бондаревым и уедет. Они никогда не встретятся, потому что Владимир не захочет этого. Его чувства можно понять, ведь он верит Кристине, которая обвиняет маму в убийстве Арсения.

А что Наташа? Верит ли она? Об этом думать было нестерпимо больно, потому что вера предполагала некоторые неприятные моменты. Если верит, то почему ничего не сделала, не помогла, не забила тревогу? А если не верит, то почему сидит здесь в метель и глотает горькие слезы? Наташа металась, не знала, что предпринять. Она бежала от самой себя, презирая прошлое и не надеясь на настоящее. Она не ценила моменты, которые проводила с детьми, обвиняя Олю в том, что она навязала ей их. Но Оля давно умерла, ее образ померк и стал в памяти расплывчатым и нечетким, она давно ничего не решает и не совершает глупости. А Наташа осталась прежней. Настороженно и недовольно порицает окружающих за не сложившуюся жизнь. А ведь так хочется перемен, свежего воздуха, свободы!

Но в чем состоит ее несвобода? В детях? В одиночестве? В скучной работе? Работа действительно была скучной. В грязном маленьком помещении почты, захламленном коробками, газетами, продуктами, хотелось волком выть и лезть на стену. Компьютер постоянно висел и не работал, народ возмущался, очередь росла, и градус негатива повышался. Изодня в день. Теперь не нужно было хорошо одеваться и ярко краситься, как она делала это в туристическом агентстве.

Наташа ходила в джинсах и старом свитере, всегда в одном и том же.

А личная жизнь! Разве можно назвать то, чем она занимается в интернете, личной жизнью? Это грязь, разврат и напрасная трата времени. Ни с одним из своих виртуальных любовников Наташа не хотела бы встретиться в реальности. Ей почти тридцать лет, а она не делает ничего, чтобы найти настоящего человека. Потому что его надо понимать, узнавать, терпеть недостатки, тратить время, а Наташу устраивает лишь снимать сексуальное напряжение. Для этого достаточно интернета.

Дети. В детях было счастье. В заботах был уют.

Наташа тяжело дышала, считая, что жизнь кончена. Когда уедет Витя, то придется остаться наедине с мамой. От этой мысли становилось жутко. Добрая кроткая улыбка стала казаться дикой и враждебной. А так ли безобидна мама? Что происходит у нее в голове? Ведь ей тоже пришлось нелегко. Разочарование в старшей дочери, ее смерть, отказ от Арсения, разлад с мужем – что сломало и сделало жестокой? Ведь, оказывается, мама жестока!

– Нет! – прошептала она. – Нет! Все это неправда! Мама ни в чем не виновата. Так сложились обстоятельства.

Уверившись в этом, она едва понимала происходящее. Все тут же перевернулось с ног на голову. Бондарев вновь стал заклятым врагом. А вдруг он взял Кристину, чтобы сделать из нее свою сожительницу и служанку или, того хуже,

собирается ее убить? Наташа затрясла головой и заплакала. Отдавая первенство маме, жизнь менялась и виделась в призме черного цвета. Но как осуждать маму? Наташа знала про ее страдания. Она видела, как та боролась с алкогольной зависимостью, как пыталась вернуть отца, который все больше замыкался в себе, становясь совершенно чужим. Мама никому не хотела зла. Она любит всех! Любит Кристину и из-за этой любви положила ее на лечение. Она хотела как лучше.

И все-таки Наташа строила планы побега. Ей не хотелось быть свидетельницей того, как будет новый суд, и придется собирать Витины вещи. Лучше уйти сейчас. Написать письмо и исчезнуть. Слезы высохли, она задумалась.

Куда поехать? Рига – это лишь мечта, картинки, которые она рассматривала, работая в туристическом агентстве. В этот город она не сможет попасть. Для этого нужны средства и желательно – знакомства. А если поехать за Бондаревым, чтобы быть поближе к детям? Это хорошая перспектива. Прикинула, сколько у нее есть денег, и загрустила. В чужом городе придется снять квартиру и найти работу. Если все пройдет гладко, то все равно необходимы средства, хотя бы на месяц, до получения первой зарплаты. Но у Наташи не было денег. Она не могла уехать. Она не могла начать новую жизнь.

Устало поднялась со скамейки и поняла, что замерзла. Ее всю занесло снегом, ресницы побелели. Медленно побрела

по дорожке к выходу из парка.

Вернулась домой и, щелкнув выключателем, принялась тщательно сметать снег с одежды. От переживаний и слез лицо опухло, глаза покраснели и сузились. Наташа прислушалась. Тишина. Дома никого нет. Мама забрала Витю из детского сада и повела в бассейн. Сердце бешено забилося, и решение было принято.

Наташа посмотрела на часы и рванула в свою комнату, достала из шкафа старый чемодан и принялась складывать туда свои вещи. Руки дрожали и не слушались. Пришлось пойти на кухню и выпить стакан воды. У нее было время, но она дрожала как осиновый лист, ей представлялось, что она не успеет, и придется оправдываться перед мамой, смотреть в глазки Вити. Набив вещами чемодан, замерла и задумалась. Зачем ей все это? Куда она станет это надевать? Наташа решила поехать к отцу в деревню. Папа не прогонит, он будет рад дочери. Они давно не виделись и еще дольше не разговаривали. А разговор по душам был необходим Наташе. Кто, кроме папы, поймет ее? Кому, кроме него, она сможет открыться? Действительно, большой чемодан собирать ни к чему.

Но было жаль оставлять вещи. Она покупала их с радостью и любовью, все эти платья, туфли, косметику. Вещи стали ей друзьями, она не могла оставить их здесь. Тяжело вздохнула и вновь посмотрела на часы. Она даже успевала на последний автобус, который шел прямо до деревни, но ре-

шила поехать на такси. Нервы были слишком разбиты, чтобы идти с большим чемоданом до станции, а потом трястись в полном автобусе с любопытными пассажирами, среди которых могут оказаться знакомые. Ей хотелось приехать тайно, чтобы никто из соседей не видел. Это было возможно, потому что на улице бушевала метель. Кто станет выходить на улицу в такую погоду?

Такси приехало через пятнадцать минут. Все это время Наташа беспокоилась и пила воду. Косметика на лице размазалась, но она не замечала этого. Мысли крутились вокруг поездки. Побег казался важным, судьбоносным. Она написала маме небольшую записку и оставила ее на кухонном столе. Сообщила, что едет к знакомому в Ригу. В двух предложениях попыталась объяснить, что у них сложились серьезные отношения, и он ее пригласил в гости. Наташу ложь не смущала, а казалась правильной. Мама не должна догадаться, где она. Ей не понравится, что дочь уехала к отцу. Будет скандал, потому что мама посчитает, что Наташа предала ее.

Ей хотелось держаться собственного пути, который на этот раз разошелся с дорогой мамы. Хотелось верить в то, что на этот раз пути пойдут параллельно друг другу и никогда больше не пересекутся. Завибрировал телефон. Наташа испугалась и чуть не вскрикнула. Незнакомый номер. Она не станет разговаривать. Какие-нибудь операторы сотовой связи с новыми предложениями. Телефон успокоился через несколько секунд, а Наташа продолжала испуганно смотреть

на него. А что, если мама позвонит? Господи, конечно, она позвонит сразу же, как только прочитает записку! И что тогда делать? Что говорить? Как себя вести? От страха и волнения разболелась голова. Что она себе придумала? Зачем затеяла все это?

Снова завибрировал телефон. Незнакомый номер. Наташа ответила. Это звонила служба такси, напоминала, что машина ждет у входа.

– Я хочу отменить вызов.

Голос глухой, чужой. Наташа не узнала его, будто говорил кто-то другой. Пришлось объяснять и оправдываться. Закончив неприятный разговор, медленно побрела в комнату, где стоял чемодан с вещами. Лицо сморщилось, она испытала сильную боль от того, что решение в один миг разбилось вдребезги. Она его разбила. Она снова сделала выбор, который станет решать ее судьбу. Отмахнулась от горьких слез и быстро принялась разбирать чемодан. Потом вспомнив о записке, метнулась за ней и разорвала в клочья. Огляделась. Теперь вроде бы все в порядке. Мама с Витей скоро вернется. Они ничего не заметят.

Затолкав пустой чемодан в шкаф, Наташа устало опустилась на кровать и легла лицом вниз. В груди ныло и протестовало, но все слабее и слабее. Куда она собралась? К отцу в деревню? В старый дом, где нет ни газа, ни воды, ни теплого туалета! Туда, где недоброжелательные соседи, и пахнет коровьим навозом. Туда, где развалившаяся баня, и мыться

придется раз в неделю. Туда, где нет работы и цивилизации. Туда, где старый сарай – место рождения Арсения. Туда, где ее ненавидят, где могила родной сестры.

Нет! Лучше остаться здесь и работать оператором на почте. Если нет возможности уехать в Ригу, то не нужно ничего менять.

Наташа схватилась руками за голову. Отчего она считала, что несчастлива? Ведь вот сейчас, лежа на своей кровати в темноте, она действительно несчастна, потому что сомнения раздирали душу. Ей хотелось уехать, и она понимала, что это возможно, нужно лишь приложить усилия, накопить денег. Но в тот же момент боялась принимать это серьезное решение. Это было сложно – принять решение и следовать ему. Когда Бондарев заберет Витю, то будет все по-другому, лучше! Она сможет откладывать деньги на отпуск или на новые сапоги. Будет много свободного времени, можно будет походить в бассейн или посидеть в интернете. Никто не станет отвлекать. Не нужно будет переживать и беспокоиться.

Как она устала переживать и беспокоиться! Как устала оглядываться назад. Время непрерывно обновляется, и нужно воспользоваться этим.

Зазвенели ключи, хлопнула входная дверь.

– Наташенька, ты дома?

– Да, мам!

Она быстро поднялась с кровати, оправила волосы и вышла из комнаты, жмурясь от яркого света.

– Ты спала что ли? – улыбнулась мама.

– Да.

– А мы с Витей были в бассейне.

– Как водичка?

Она посмотрела на мальчика, который пытался снять с себя комбинезон. Он весело заговорил, рассказывая о том, как один мальчик его толкнул в воду, а бабушка его спасла.

– Да, бабушка у нас такая! – Наташа стала помогать ему. Вдвоем они сняли варежки и шапку.

– Наташа, представляешь, около подъезда стояло такси. Водитель так громко разговаривал. Он утверждал, что из нашей квартиры был сделан вызов, но потом его отменили. У него сорвался заказ, и он был очень этому недоволен, пытаюсь найти попутчиков до вокзала.

Наташа пожала плечами, не переставая помогать мальчику и слушать его болтовню.

– Я, конечно, сказала, что это какая-то ошибка. Из нашей квартиры никто не может вызвать такси! – глаза матери сверлили ее и жгли огнем. Она пыталась понять правду. Но Наташа лишь пожала плечами.

– Бывает такое.

– Ты тоже так считаешь?

– Конечно. Скорее всего, что-то напутали операторы. Потому что из нашей квартиры никто не мог вызвать такси. Вас с Витей не было, а я спала. Да и зачем нам это надо? Ехать-то некуда.

Метель за окном стала тише, подоконники занесены снегом. Витя убежал смотреть телевизор, мама разогрела ужин и насыпала в чашки растворимый кофе. А Наташа с улыбкой смотрела в окно. Мысли о побеге, о Риге стали прозрачными, далекими. Ей и так хорошо! Она обязательно будет счастливой!

Обязательно будет.